

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ «ТУЛЬСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМ. Л.Н. ТОЛСТОГО»

На правах рукописи

АРИСТОВА ЛЮДМИЛА ВАЛЕРЬЕВНА

**ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ЗВУКОЦВЕТОВОЙ ПРОФИЛЬ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ И.А. БУНИНА**

10.02.01 – РУССКИЙ ЯЗЫК

ДИССЕРТАЦИЯ
НА СОИСКАНИЕ УЧЁНОЙ СТЕПЕНИ
КАНДИДАТА ФИЛОЛОГИЧЕСКИХ НАУК

Научный руководитель:
доктор филологических наук,
профессор Романов Д.А.

ТУЛА-2022

СОДЕРЖАНИЕ

Введение.....	4
Глава 1. Традиционные и современные взгляды на происхождение звуков, их роль в формировании значений слов и функционирование в речи	
§ 1.1 Анализ исторически сложившихся мнений и точек зрения на формирование звуковой стороны языка и ее возможную семантичность.....	14
§ 1.2 Проблема мотивированности языкового знака.....	24
§ 1.3 Определение основной единицы фоносемантики.....	33
§ 1.4 Противопоставление значений гласных и согласных звуков при фоносемантическом анализе.....	38
§ 1.5 Понятие синестезии и ее разновидности.....	46
§ 1.6 Понятие звукоцвета и характеристика его функций в современном русском языке.....	52
Выводы по Главе 1.....	58
Глава 2. Методология фоносемантического звукоцветового анализа	
§ 2.1 Методика фоносемантического анализа, представленная в работах А.П. Журавлева.....	62
§ 2.2 Фоносемантический анализ с использованием психолингвистической экспертной системы «ВААЛ».....	69
§ 2.3 Звукоцветовая характеристика слова и текста с помощью компьютерной программы «Звукоцвет.ру».....	74
Выводы по Главе 2.....	79
Глава 3. Фоносемантический звукоцветовой профиль прозаических и поэтических текстов произведений И.А. Бунина	
§ 3.1 Анализ звукоцвета в поэтических произведениях И.А. Бунина.....	82

§ 3.2 Анализ семантики цветowych прилагательных в прозе И.А. Бунина (на материале психолингвистического эксперимента).....	112
§ 3.3 Сопоставительный анализ фоносемантических признаков и звукоцветового облика основных образов прозаических произведений И.А. Бунина.....	122
§ 3.4 Определение цветовой доминанты рассказов о любви И.А. Бунина (на материале психолингвистического эксперимента).....	133
§ 3.5 Сопоставление анализа восприятия звукоцветовых соответствий в произведениях И.А. Бунина во взрослой и детской аудитории (на материале психолингвистических экспериментов).....	142
§ 3.6 Анализ восприятия звукоцветовых соответствий в произведениях И.А. Бунина носителями южнославянских языков (на основе психолингвистического эксперимента).....	158
Выводы по Главе 3.....	171
Заключение.....	174
Список литературы.....	181
Приложение А.....	200
Приложение Б.....	206

ВВЕДЕНИЕ

Изучение художественных текстов в современной лингвистике основано на значительном разнообразии используемых подходов и методов. В целом, текст как система обладает определенной структурированностью составляющих его элементов, а также соответствующей иерархией их взаимоотношений. Один из актуальных подходов к исследованию литературного текста связан с изучением звукоизобразительности речи в рамках фоносемантического научного направления. Для выявления основного замысла произведения необходим комплексный анализ его репрезентативных элементов, отображающих эмоционально-стилистические параметры. В связи с чем становится чрезвычайно важным вопрос о значении звукового облика и его функционировании в рамках литературного текста.

А. Поуп на заре XVIII в. провозгласил: «Звук должен быть откликом смысла». Спустя столетие В. фон Гумбольдт утверждал, что связь между звуком и значением «очевидная». Позднее, в начале XX в., Л. Блумфилд напишет о том, что изучать «соответствие определенных звуков определенным значениям и значит изучать язык» [Цит. по: Якобсон, 1983]. В настоящее время изучением и описанием звукоизобразительных возможностей речи, в том числе мотивированной связи между звуком и значением слова, занимается относительно молодая наука фоносемантика. Как самостоятельная дисциплина она оформилась в отечественном языкознании в конце XX в., хотя лингвистика обращалась к вопросу изучения «звукоизобразительной системы языка» еще во времена Античности [ЛЭС, с.166].

Фоносемантическая наука, изначально обладавшая теоретическим характером, на современном этапе развития психолингвистических идей приобрела методологическую направленность. Фоносемантический анализ текстов становится все более востребованным в научных исследованиях. Оценка литературного произведения с точки зрения фоносемантического подхода

способствует раскрытию смыслообразующих факторов, а также эмоциональных характеристик текста.

Исследования многих зарубежных ученых экспериментально доказывали существование звукового значения (Э.Сепир, С.Ньюмен, С.Цуру, Г.Альпорт, М.Шастен и др.). В отечественной филологии взаимосвязи звука и значения уделяли свое внимание А.А. Потебня, Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский, Р.Я. Якобсон, А.М. Газов-Гинзбург, А.П. Журавлев, М.И. Матусевич, С.В. Воронин Л.Н. Санжаров и мн. др.

Рассматривая фоносемантические законы с разных точек зрения, ученые сходятся в общем направлении – изучении речи с точки зрения взаимосвязи звукового облика и семантического. Круг вопросов, которыми занимается современная фоносемантика, достаточно широк. Вопрос о единстве и взаимозависимости фонетического и лексического значения рассматривается в текстах различных стилей, разных авторов, на отдельных уровнях языка (морфемном, лексическом, синтаксическом), во взаимосвязи с другими научными данными. Фоносемантика – наука принципиально комплексная, т.к. в ее основе лежит соединение плана выражения (фонетики), плана содержания (семантики), совокупность этих планов (лексикологии) и теория восприятия (психологии). Основным предметом фоносемантических исследований – звукоизобразительная система языка. В ряду многих функций данного научного знания – изучение роли звукоизобразительности в происхождении языка, в тексте, установление критериев звукоизобразительного слова, выделение фоносемантических частотностей и др.

Несмотря на то что фоносемантика представляет собой относительно новую научную отрасль, количество фоносемантических исследований с момента ее оформления постоянно увеличивается. На данный момент существует несколько отечественных и зарубежных фоносемантических школ, исследующих звукоизобразительность в текстах различной направленности, в различных языках и диалектах. С целью объединения усилий по исследованию

звукоизобразительности и распространению научных знаний о фоносемантике создан Международный научный интернет-проект «Лингвистический ИКонизм», в фонде которого содержится порядка 700 документов по 54 языкам мира [ЛИК, URL: <https://liconism.com>].

На данный момент изучению фоносемантических особенностей литературных текстов посвящены работы многих ученых: [Финкель, 1968], [Соловьев, 1979], [Колобаева, 1980], [Валуйцева, 1987], [Аверьянова, 1989], [Шулепова, 1991], [Красовская, 1998], [Старцева, 1999], [Балаш, 1999], [Зими́на-Дырда, 2001], [Шадрина, 2001], [Василевич, 2005], [Прокофьева, 2007], [Белов, 2008], [Марухина, 2014]. Исследование художественного произведения, средств и способов выражения его основной идеи, выявление особенностей авторского стиля с опорой на фоносемантический анализ активно применяется в современных научных работах.

В проекции вышесказанного **актуальность** данного исследования состоит в расширении исследовательского поля, очерченного для себя активно развивающейся фоносемантической научной парадигмой, более подробном и детальном изучении звукового значения и его особенностей в литературных текстах на примере произведений И.А. Бунина.

Научная новизна данной работы состоит в подходе к изучению литературных текстов И.А. Бунина с точки зрения фоносемантических законов и определении устойчивой связи звук-буква-цвет с помощью компьютерного анализа и психолингвистического эксперимента в русскоязычной и частично (для контрастивного прояснения «тонких» семантических аспектов русской фонетики) иностранной аудитории.

Объектом исследования являются поэтические и прозаические произведения И.А. Бунина в аспекте фоносемантики. **Предмет** данного диссертационного исследования – характеристики проявления фоносемантических звукоцветовых соответствий в произведениях И.А. Бунина и их влияние на восприятие текста читателем.

Целью работы является теоретическое и эмпирическое исследование фоносемантических звукоцветовых соответствий в поэтических и прозаических произведениях И.А. Бунина, выявление особенностей и степени их влияния на восприятие текста читателями, а также актуальность данных соответствий для осмысления идейного содержания художественного произведения.

Для достижения этой цели были определены следующие **задачи**:

1. Описать традиционные и современные взгляды на происхождение звуков и их роли в формировании значений слов.
2. Провести анализ исторически сложившихся точек зрения на функционирование звуковой стороны языка в аспекте ее семантичности и применительно к теме исследования постулировать единицу фоносемантики.
3. Определить основные значения гласных и согласных звуков при фоносемантическом анализе и описать влияние синестетических способностей человека на возникновение звукоцветовых ассоциаций.
4. Дать характеристику звукоцвету и его функций в современном русском языке.
5. Описать актуальные компьютерные системы и программы по звукоцветовому анализу.
6. Осуществить электронный фоносемантический анализ избранных прозаических и поэтических текстов И.А. Бунина.
7. Провести ряд фоносемантических экспериментов в аудиториях, отличающихся по возрастному, гендерному признаку и языковой принадлежности.
8. Сопоставить полученные результаты электронного и аудиторно-экспериментального анализа с целью выявления степени проявления звукоцветовых соответствий в произведениях И.А. Бунина, а также их влияния на восприятие текста читателями.

В процессе исследования был использован комплекс научных **методов**. В основе первых двух глав лежат преимущественно теоретико-индуктивный и

описательный метод. Третья глава исследования базируется на лингвистических методах обработки языкового материала. Количественный метод применялся при подсчете и выявлении частотности звукобукв текста. Эта работа проводилась с использованием методик, формул и показателей, представленных в исследованиях А.П. Журавлева. Метод психолингвистического эксперимента являлся основным при работе над параграфами, в которых были проанализированы фоносемантические звукоцветовые характеристики произведений И.А. Бунина. Также для фоносемантической оценки текстов применены компьютерная программа «Звукоцвет.ру» и система «ВААЛ-мини». Для сравнения результатов в проводимых экспериментах был применен сравнительно-сопоставительный метод.

Экспериментальная часть работы посвящена изучению фоносемантических особенностей прозаических и поэтических текстов русского писателя И.А. Бунина: тексты его произведений стали **материалом** для данной работы. Нами анализировались 9 поэтических текстов из сборников стихотворений И.А. Бунина [Бунин, 1973], [Бунин, 2001], а также прозаические тексты 10 рассказов из сборника «Темные аллеи» [Бунин, 1973]. Массив обработанных звуков составляет 46073 единицы.

Теоретической базой исследования являются труды в области фоносемантики и психолингвистики (В. Гумбольдт, А.А. Потебня, Ф. Соссюр, Р.О. Якобсон, М.И. Матусевич, А.А. Леонтьев С.В. Воронин, А.П. Журавлев, Л.Н. Санжаров и др.).

В качестве **основной единицы фоносемантики** на протяжении развития и оформления данной научной области были признаны и буква [Дионисий Галикарнасский, 1978], [Ломоносов, 1952], и *звукобуква* [Соколов, 1897], [Журавлев, 1974], фонема [Воронин, 1982], [Лосев, 1982], [Левицкий, 1989], и *звук* [Остгоф, Бругман, 1960], [Якобсон, 1985], [Санжаров, 2002], [Старцева, 1999]. В нашей работе в качестве основной единицы фоносемантического анализа мы используем *звукобукву* и *звук*, т.к. определенные этапы исследования

(зрительного и слухового восприятия текста) основываются именно на этих категориях. В этой связи *звукобуква* и *звук* в рамках данной работы являются равноправными единицами фоносемантической оценки текстов.

буква (Дионисий Галикарнасский, М.В. Ломоносов), звукобуква (П.П. Соколов, А.П. Журавлев), фонема (С.В. Воронин, В.В. Левицкий), звук (Р.О. Якобсон, Л.Н. Санжаров).

Для нашей работы понятие *звукоцвета* является основным. В ряду исследований оно используется для обозначения соединения звука и цвета как временных и пространственных категорий, подробно рассматривается в трудах зарубежных и отечественных исследователей [Шлегель, 2018], [Якобсон, 1975], [Соколов, 1897], [Журавлев, 1974].

По мнению Ч. Осгуда метафорические переносы возможны благодаря существованию феномена *синестезии* [Осгуд, Суси, Танненбаум, 1972]. И хотя в настоящее время изучению *звукоцвета*, или «*цветного слуха*», как определенной формы *синестетического восприятия* посвящено большое количество исследований [Sagiv, Robertson, 2005], [Day, 2005], [Хаббард, Рамачандран, 2005], [Барон-Коэн, Джонсон, Ашер, Уилрайт, Фишер, Греггерсон, Эллисон, 2013], [Сидоров-Дорсо, Дэй, 2019], в нашей работе мы опираемся на *восприятие* в принципе, без отнесения информантов к определенной форме синестезии, т.к. произведения И.А. Бунина изобилуют цветовыми лексемами и звукоизобразительными средствами, способными вызывать цветовые ассоциации слушающих или воспринимающих текст.

Для *фоносемантического звукоцветового анализа* поэтических и прозаических текстов произведений И.А. Бунина, производимого в данной работе, актуальными являются *звукоцветовые соответствия*, представленные в трудах А.П. Журавлева [Журавлев, 1974], поскольку они полностью соответствуют теоретической направленности нашего исследования. Кроме того, мы используем для оценки текстов компьютерные программы: сервис «ВААЛ-мини» [Проект ВААЛ-мини, URL: <http://www.vaal.ru>] и «Звукоцвет.ру» [Звуковой

анализ текстов, URL: <http://zvukocvet.ru>], которые в свою очередь также основаны на положениях диссертации А.П. Журавлева.

Термин *эмоционально-смысловой доминанты*, представленный в работах В.П. Белянина [Белянин, 2000], важен при выявлении *цветовой доминанты* рассказов о любви И.А. Бунина, т.к. она дополняет комплексный анализ произведения, способствуя осмыслению и пониманию авторского замысла. *Доминанта* может влиять на выбор изобразительных средств, изучение которых, в частности звукоизобразительных, в текстах И.А. Бунина для данного диссертационного исследования является приоритетным.

Таким образом, проанализировав активно используемые в рамках фоносемантики термины, мы пришли к пониманию, какие из них являются основополагающими для нашей работы. Такие понятия, как *звукочет*, *звук*, *звукобуква*, *звукочетовые соответствия*, *эмоционально-смысловая доминанта*, *восприятие текста* и проч., описываются в соответствующих частях диссертации.

Теоретическая значимость работы заключается в том, что исследование проведено в рамках актуального направления современной лингвистики – фоносемантики и расширяет ее научное поле: экспериментально получены результаты фоносемантического звукоцветового анализа текстов И.А. Бунина, дано описание современных компьютерных систем звукоцветового анализа, которые были применены к рассматриваемым текстам. Представленные в диссертации данные могут служить материалом для дальнейших теоретических и практических исследований в области звукоцветового значения художественных текстов.

Практическая значимость данного диссертационного исследования связана с возможностью использования ее результатов в спецкурсах по психолингвистике, теории языка, фоносемантике; в практике лингвопоэтического и общего филологического анализа текста, в учебных программах школьных и

вузовских гуманитарных дисциплин. Текст исследования может быть включен в базу Интернет-проекта «Лингвистический ИКонизм».

Научная гипотеза исследования: своеобразие индивидуального авторского стиля И.А. Бунина проявляется в тесной взаимосвязи идейного содержания произведений и способов его выражения, в том числе с помощью фоносемантических звукоизобразительных средств, – и звукоцвета в частности.

На защиту выносятся следующие положения:

1. Проявление звукоцветового признака в прозаических и поэтических текстах является неотъемлемой характеристикой индивидуального авторского стиля И.А. Бунина.

2. Звукоцветовые соответствия более частотны и отчетливо выражены в поэтических текстах И.А. Бунина, нежели чем в прозаических.

3. Фоносемантический звукоцветовой профиль текстов пейзажных зарисовок в произведениях И.А. Бунина коррелирует с лексико-семантическим воплощением образов главных героев, что способствует углублению понимания читателем общего авторского замысла.

4. Результаты фоносемантического анализа поэтических текстов И.А. Бунина, созданных в один временной период и имеющих сходную тематику, идентичны.

5. Сопоставление звукоцветовых и звукобуквенных характеристик с эмоционально-смысловой доминантой рассказов И.А. Бунина о любви характеризуются одинаковыми показателями при анализе текстов одного типа, т.к. ассоциации с определенным цветом спектра соотносимы с типами текстов и их идейным содержанием.

6. Сопоставительный анализ фоносемантических звукоцветовых признаков в аудиториях респондентов, отличающихся по возрастному и гендерному признаку, языковой принадлежности, имеет точки пересечения и доказывает наличие взаимосвязи звучания и значения слова, а также сходства «цветового слуха» у носителей восточнославянских и западнославянских языков.

7. Результаты фоносемантического анализа буквенно-звуковых и цветовых показателей сходны при слуховом и зрительном восприятии текста читателем; они идентичны показателям компьютерного анализа.

8. При экспериментальном определении цветового оттенка слова или текста семантика слов-колоративов для реципиента приоритетна, т.к. обладает более сильным проявлением в сравнении с фоносемантическими показателями.

9. На характер звукоцветовых соответствий текста влияет наличие/отсутствие синестетических способностей, индивидуальный тип мышления, способ восприятия информации, возрастные и гендерные особенности, объем индивидуального лексикона.

Апробация работы. Основные положения кандидатской диссертации представлены в докладах и сообщениях на аспирантских объединениях кафедры русского языка и литературы, в материалах

– региональных научно-практических конференций: «Исследовательский потенциал молодых ученых: взгляд в будущее» (Тула, 2013, 2014), «Университет XXI века: Исследования в рамках научных школ» (Тула, 2014), «Молодежь и наука – третье тысячелетие» (Тула, 2016),

– межрегиональных научно-практических конференций: «Актуальные проблемы преподавания русского языка в полиэтнической среде» (Тула, 2014), «Диалог культур на уроках словесности» (Тула, 2015),

– всероссийской научной конференции «Филология и журналистика в XXI веке» (Саратов, 2014).

Всего по теме диссертационного исследования опубликовано 11 статей, 3 из которых – в научных журналах, включенных в перечень рецензируемых изданий ВАК.

Поставленная в исследовании цель и поставленные на ее основании задачи работы определили его **структуру**. Исследование состоит из введения, трех глав, заключения, библиографического списка и двух приложений.

Во **введении** представлено краткое описание направления исследования, обоснованы тема работы и положения, выносимые на защиту.

Первая глава представляет теоретический анализ исследуемого вопроса. Во **второй главе** дано описание компьютерных систем и программ для фоносемантической звукоцветовой оценки текстов. В **третьей главе** подробно представлен анализ звукоцветовых соответствий прозаических и поэтических текстов И.А. Бунина, описан ряд проведенных психолингвистических экспериментов в различных аудиториях (дети дошкольного возраста, старшеклассники, студенты, носители русского языка и сербского/боснийского) и с помощью компьютерных программ.

В **заключении** представлены результаты и выводы проведенного исследования, описаны возможные перспективы развития рассмотренных в работе вопросов.

В состав **приложения А** входят образцы анкеты для экспериментального этапа исследования на русском и сербском языках. В **приложении Б** содержатся тексты, использованные для аудиозаписей завершающего этапа эксперимента в иностранной аудитории.

Список литературы содержит более 190 научных источников и работ отечественных и зарубежных исследователей.

ГЛАВА 1. ТРАДИЦИОННЫЕ И СОВРЕМЕННЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА ПРОИСХОЖДЕНИЕ ЗВУКОВ, ИХ РОЛЬ В ФОРМИРОВАНИИ ЗНАЧЕНИЙ СЛОВ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ В РЕЧИ

§ 1.1 Анализ исторически сложившихся мнений и точек зрения на формирование звуковой стороны языка и ее возможную семантическую

Начиная с момента возникновения самого языка, первых научных учений о нем и до настоящего времени остается много нерешенных вопросов в отношении его происхождения, направлений развития и изменения. Основные положения современного учения о языке основываются на взглядах ученых Древней Греции.

Широко известно, что одна группа античных ученых утверждала, что язык возник естественным образом, и все наименования объектов стали результатом биологической условленности. Сторонники этой точки зрения, таким образом, придерживались теории «фюсей» (*fusei* – от греч. «по природе»). В их ряду наиболее известен Гераклит Эфесский (535-475 гг. до н.э.). Другая группа древних ученых считала, что язык возник искусственным путем, т.е. все наименования произошли по договоренности между людьми. Сторонники этой позиции свою теорию называют «тесей» (*thesei* – от греч. «по установлению»), среди них Демокрит из Абдер (470/460 – первая половина IV в. до н.э.) и Аристотель из Стагиры (384-322 гг. до н.э.) и др.

Последователи Гераклита и теории фюсей высказывали мысль о том, что слова появились либо благодаря звукоподражанию, с помощью которого человек давал названия животным и предметам, либо благодаря междометиям, которые выражали впечатления и состояния души человека. В этом направлении одной из первых работ считается диалог Платона «Кратил», в основе которого лежит положение об имитации как источнике образования первых слов, когда в момент подражания телом человек переносит информацию на вербальные средства: рот, язык и голос. Но, по учению Платона, не все слова могли появиться таким

способом, потому философ признает существование условности в образовании некоторых слов и их производных. Слово, или его фонетическая оболочка, – это особое отображение предмета. Отстаивая такую позицию, Платон спорил как с Кратилом, по мнению которого, слово полностью отображает именуемый предмет, так и с Гермогеном и его сторонниками, которые, напротив, считали, что связь между словом и называемым им предметом посредственна [Платон, 1990].

На стороне звукоподражания оставались также учения стоиков, которые считали, что язык – это выражение некоторых интонаций: грубых или мягких, сильных или слабых и т.п. [Античные теории языка и стиля, с. 79-84].

В эпоху Возрождения, как и ранее в Средние века, вопросы о происхождении звуковой оболочки языка волновали ученых, и это отражено в некоторых религиозных текстах. Но значительного развития ни одна из теорий (фюсей и тесей) в это время не получает. При этом большая часть ученых остаются приверженными точке зрения Аристотеля и его мнению о немотивированности слова его фонетическим значением, а также обозначаемым им предметом.

В XVII веке учения Платона продолжает развивать саксонский ученый Готфрид Вильгельм Лейбниц, который в том же жанре диалога, что и древнегреческий философ, говорит о естественной и неразрывной связи между звуковым обликом слова и его значением. Лейбниц рассматривает язык синхронически и диахронически. В первом случае, слова для людей являются «знаками их идей». А во втором, с точки зрения появления слов, – «в основе они все же имеют в себе нечто первичное, обнаруживающееся в них в связи с возникновением новых коренных слов, образовавшихся в них впоследствии случайным образом, но по физическим основаниям» [Лейбниц, 1936, с. 279].

Фоносемантические исследования этого столетия представлены в работах французских ученых: Ш. де Бросса, К. де Жеблена, Ш. Нодье.

О том, что язык в своем первоначальном виде полностью соответствовал семантике слов, говорил в «Трактате о механическом образовании языков» Шарль де Бросс [Цит. по: Михалёв, 1997, с. 26].

Клод де Жеблен считал, что язык является отображением идей, которые в свою очередь представляют обозначаемые предметы и явления [Там же]. Шарль Нодье указывал на связь звуков и письменных символов при учете экстралингвистических факторов [Зимова, 2005].

Идею мотивированности связи между звуком и значением слова поддерживал и Вильгельм фон Гумбольдт. «Звук возникает в нас, как трепетный стон, и исходит из нашей груди, как дыхание самого бытия». Гумбольдт наделяет звук такими функциями, как выражение различных эмоций и чувств, например, радость, отвращение. По мнению ученого, способен отобразить весь мир человека, так как порожден самой жизнью. [Гумбольдт, 1964, с. 86].

По мнению Гумбольдта, слова появились тремя способами. Первый – живописный (подражательный). Он возникает, «когда звук, издаваемый предметом, имитируется в слове настолько, насколько членораздельные звуки способны передать нечленораздельные» [Гумбольдт, 1984, с. 92]. Символический способ «основывается на подражании не непосредственно звуку или предмету, а некому внутреннему свойству, присущему им обоим» [Там же]. Заключительный способ – аналогический, так как строится по соответствию звуков и обозначаемых понятий и базируется на предыдущих двух способах, является самым значимым [Там же].

Теорию «жестового происхождения языка» высказал немецкий философ и психолог XIX в. Вильгельм Вундт. На начальном этапе развития языка звуковым реакциям соответствовали мимические и пантомимические, которое способствовали более яркому выражению состояний души человека. Таким образом, теория Вундта близка теории междометий эпикурейцев (сначала событие, затем возникающее чувство и лишь затем выражение этого ощущения в речи – Л.А.). Вундт признает изначальное существование двух языков – язык

звуков, возникающий с помощью движений языка и губ, и язык жестов, который опосредован движениями рук, головы, мышц лица и т.д. И только с развитием звучащей речи язык жестов приобретает вспомогательное значение [Вундт, 1896].

Схожий вариант этой теории предлагает и немецкий филолог Лазарь Гейгер. Он считал, что язык развивался благодаря наиболее ярким зрительным восприятиям – движениям человеческого тела. Причем произнесение любого звука человек сопровождает мимикой. Отдельный звук – определенное движение мышц лица. И только с развитием язык освобождается от обязательного сопровождения мимикой и становится самостоятельным в обозначении явлений окружающего мира [Аль-Али, 2004].

В начале XX в. в языкознании развивается теория структурализма Фердинанда де Соссюра, который высказывает мнение о произвольности языкового знака: «Язык – это система знаков, в которой единственно существенным является соединение смысла и акустического образа, причем оба эти элемента знака в равной мере психичны» [Соссюр, 1999]. Знаком Соссюр называет соединение самого понятия и акустического образа, который в свою очередь ученый считает неким отпечатком звука, представлением человека, полученным в результате работы органов чувств.

Соссюр сразу замечает, что знаком способно быть и слово, и его часть, поэтому за единицу языка лингвист считает не само слово. Но произвольность, обозначенная Соссюром, не лишает знак мотивированности. Наоборот, по мнению исследователя, знак – это психическая сущность, соответственно учение о знаке и наука о знаках (семиология) являются связанными с психологией.

Одним из главных принципов языкового знака Соссюр называет произвольность связи между означаемым и означающим. Но ученый одновременно говорит и о мотивированности элементов языка, указывая на тот факт, что в мире не существует языков, в которых нет ничего мотивированного и, напротив, мотивированно абсолютно все [Соссюр, 2001, с. 132].

Благодаря своей произвольности язык развивается в лексико-логическом направлении, а мотивированность обеспечивает грамматическую составляющую языка. С одной стороны, люди традиционно используют тот или иной знак, что обусловлено неизменчивостью знака. С другой стороны, язык способен меняться, отсюда изменение отношений между означаемым и означающим, т.е. может измениться либо значение, либо звучание, либо оба составляющих одновременно. Подробно о различии языка и речи, синхронии и диахронии Соссюр говорит в работе «Курс общей лингвистики», значительно повлиявшей на развитие всего языкознания XX в. [Соссюр, 1999].

В 1916 г. Шарль Балли и Альбер Сеше по материалам университетских лекций Соссюра публикуют «Курс общей лингвистики». Согласно данной работе, основной тезис Соссюра заключается в том, что речевой процесс – это сложившаяся система, находящаяся в непрерывном развитии, т.е. одновременно язык представляет собой и прошлое, и настоящее [Там же, с. 34].

Значительно позже, уже во второй половине XX в., Н.А. Слюсарева, подробно анализируя учения Соссюра, скажет о том, что его работы ставят принцип дифференциации на первое место в определении системы языка, отодвигая абсолютные свойства на второй план [Слюсарева 1975]. Слюсарева называет Соссюра «философом языка», не приуменьшая значимости и новизны всех достижений ученого, Слюсарева все же говорит о том, что Соссюр считал необходимым признание системного характера языка, основанную на знаковых единицах, а также поднял вопрос о значимости этих единиц, т.е. определил у них наличие реляционных свойств. И, наконец, он был первым лингвистом, затронувшим общую теорию знаковых систем, которой дал название семиология [Там же, с. 106].

Еще один принцип языкового знака – линейность: «Означающее, будучи свойством слухового (аудитивного), развертывается только во времени и характеризуется заимствованными у времени признаками:

а) оно представляет протяженность,

б) эта протяженность лежит в одном измерении: это – линия» [Соссюр, 2001].

Таким образом, все акустические образы создают некую последовательность в появлении и развитии. И этот принцип будет касаться только звуков, но не фонем, с точки зрения современной лингвистики [Там же].

В 20-30-х гг. XX в. зарождается направление психолингвистики, развивающееся в экспериментальном направлении области звуко-символизма. Одним из первых в этой деятельности становится Эдвард Сепир – американский лингвист и этнолог. В ходе исследований Сепир выяснил, что «у большинства людей со звуком [i] ассоциируется представление с чем-то маленьким, а со звуком [a], наоборот, с чем-то большим», подобный ответ дали около 90 % участников опроса [Орлова, 1966, с. 144]. Эти ассоциации, по мнению Э.Сепира, вызваны акустическими и кинестетическими характеристиками как отдельно, так и в соединении [Сепир, 1994, с. 323].

Лингвисты С. Ньюмен, С. Цуру, Г. Альпорт работают в рамках экспериментального направления. На основе английского языка Ньюмен проводит исследования, в которых выделяет оппозицию согласных «светлый – темный», «маленький – большой», с точки зрения «последовательности положения языка при артикуляции и участия голоса (последнее для согласных)» [Newman, 1993, с. 53]. Впоследствии С. Ньюмен выяснил, что «светлые» звуки присутствуют в тех словах, в которых сема «светлый» вполне опосредована и не является основной или потенциальной. Эта мысль подтверждает наличие фонетической ассоциации.

Французский исследователь фонетического символизма М. Шастен при изучении согласных (звонких и глухих) использовал термины «тяжести, величины, мягкости и долготы» [Chastaing, 1964, с. 368]. Кроме того, он сформулировал определенный вывод о спектральных характеристиках французского языка: «Спектр гласных звуков вовсе не должен калькировать спектр естественных звучаний (то есть денотата); достаточно, чтобы он был

соразмерен основным показателям, характеризующим естественный звукокомплекс» [Там же].

В экспериментах, которые проводили японский исследователь С. Цуру и его коллеги, испытуемым предлагалось на базе японских пар слов-антонимов «теплый – холодный», «высокий – низкий» дать параллель английскими вариантами. Процент соответствия был выше половины. Позже Цуру и Альпорт повторили эксперимент с использованием того же лексического материала, только переведенного на другие языки: венгерский, чешский, хинди и китайский. Процент попадания превысил случайную вероятность во всех языках, кроме китайского, который является языком тоновым и имеет уникальную фонетику слова, что и объясняет иную звукоизобразительность этого языка, которую не смогли считать реципиенты.

Исследования в области «звучание – значение» начинают использовать методики различных наук: культурологии, математики, поэтики, статистики и др.

В отечественной лингвистике проблемами взаимосвязи звучания и значения занимался А.А. Потебня. Он считал, что «произвола» в процессе создания языка нет, в связи с чем поднимал вопрос о взаимосвязи формы слова и его семантики [Потебня, 1999, с. 101].

О звукоимовизме говорили Б.М. Эйхенбаум, В.Б. Шкловский, С.И. Бернштейн. В 1963 году Р.О. Якобсон доказывает связь между звуком и значением, рассуждая таким образом: «... звуковой символизм есть неоспоримая, объективно существующая реальность, основанная на феноменальной связи между ощущениями разной модальности, в особенности между зрительными и сенсорными ощущениями» [Jakobson, 1963, с.240].

Соглашаясь с Р.О.Якобсоном относительно этой мысли, во второй половине XX века ее продолжает развивать А.М. Газов-Гинзбург, который занимается изучением звукового строения и семантики прасемитских корней [Газов-Гинзберг, 1965].

Наличие определенного значения у звуков речи признавал и А.П. Журавлев (1974): «Ореол содержательности звучания, или фоносемантический ореол, есть у любого слова, только чаще всего мы его не замечаем» [Цит. по: Наумова, 2005, с. 138].

Детально аспекты изучения звуков речи рассмотрены у М.И. Матусевич, представительницы Ленинградского фонологической школы, ученицы Л.В. Щербы. Она выделяет анатомо-физиологический аспект и подробно описывает процесс образования речи, характеризуя артикуляционный (уровень нервной системы и соответствующих органов, отвечающих за членораздельную речь) и акустический (физическая сторона звука и его свойства: высота, сила, тембр и длительность). И еще один аспект, который выделяет ученый, – лингвистический, или функциональный. Он определяется тем, что звуки речи, с точки зрения М.И. Матусевич, представляют собой форму языка, с помощью которой осуществляется общение. Фонетика в определенном плане имеет связь и с грамматикой, и с лексикой. К примеру, различное звучание аффиксов, чередование звуков, перемещение ударения, мелодика относятся к средствам выражения грамматических форм. Связь словарного состава с фонетикой проявляется в наличии определенного звука или звуков, входящих в состав слова и составляющих звуковой облик этого слова. Распознавание значения слова происходит благодаря этим звукам, т.е. фонетическая оболочка слова – это форма, в которой находится его содержание [Там же, с. 5]

Несколько иначе к изучению указанных трех аспектов звуков речи подходит Л.Н. Санжаров. Он считает, что артикуляционными функциями занимается кинемика: «Единицы кинемики – кинемы – представляют совокупность двигательных операций органов речи, потребных для образования того или иного звука» [Санжаров, 1997, с. 5]. Понятие «кинема» впервые был использован И.А. Бодуэном де Куртенэ в работе по общему языкознанию «Фонетические законы» [Бодуэн де Куртенэ, 1963]. Исследователь указывает, что при изучении фонемы возникает необходимость ее сегментации на более

простые элементы, так называемые «кинемы» и «акусмы». Первые относятся к процессу произнесения звука, вторые – к процессу слухового восприятия, и обе находятся во взаимосвязи.

Термин «кинема» Л.Н. Санжаров заимствует у И.А. Бодуэна де Куртенэ, но трактует его смысл несколько иначе. Ученый объединяет кинему со звуком, а не с фонемой, так как фонетическим значением, по мнению исследователя, наделен именно звук, он же и должен являться основной категорией фоносемантического учения. Акустический аспект, как считает Л.Н. Санжаров, изучает наука, именуемая фоникой. И она изучает именно звучащую важнейшую составляющую языка [Санжаров, 1997, с. 6]. И именно сами звуки, а не фонемы, обладают смыслоразличительной функцией: «...нет оснований полагать, что звук не имеет значения, не несет в себе смыслоразличительной функции... Звук в этом качестве мы назовем фонемой. Рассматриваться эти единицы должны в разделе, именуемом фоносемантикой» [Там же].

В 1982 г. отечественная фоносемантика обогатилась работой профессора Санкт-Петербургского университета С.В. Воронина «Основы фоносемантики» [Воронин, 1982]. Основными понятиями, которые создают звукоизобразительность языка, по мнению ученого, становятся звукоподражание и звукосимволизм в их соединении. Исследователь опирается на «дифференциальные признаки звуков: взрывность, сонорность, лабиальность, задне-(передне-)язычность, верхне-(нижне-)рядность и т.д.» [Там же] Также С.В. Воронин вводит понятие «фонемотип», в дальнейшем «фонотип», «инвариантную единицу» относительно фонем, обладающих акустическим или артикуляционным сходством [Там же].

Идеи, которые выдвинул С.В. Воронин, продолжает С.С. Шляхова в своей докторской диссертации «Фоносемантические маргиналии в русской речи» [Шляхова, 2006] и монографии «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики» [Шляхова, 2005].

А.А. Леонтьев, крупнейший отечественный психолингвист, в трудах «Языкознание и психология» [Леонтьев, 1966] и «Психолингвистика» [Леонтьев, 1997], исследуя звуковую сторону языка, подробно останавливается на изучении психологических свойств восприятия речи. Такие составляющие языка, как фонетические, грамматические и лексические средства, – только «формальные операторы», с помощью которых происходит процесс общения. Ключевым понятием становится именно значение, поэтому вся психолингвистика, по мнению ученого, превращается в «психосемантику» [Леонтьев, 1997, с. 14]. При этом А.А. Леонтьев выделяет особые психолингвистические единицы, составляющие основу происхождения и восприятия речи и существующие наряду с языковыми и психологическими единицами [Там же, с. 37]. Речевую деятельность психолингвист относит к особому виду деятельности, «обслуживающему» все остальные, но одновременно с этим она самоценна и возникает лишь тогда, когда есть побуждающий к ней мотив. В основе речевой деятельности лежат частично воспроизводящие ее элементы. Процесс зарождения речи проходит через несколько уровней: мотивационный (единица – решение), семантический (единицы – «функциональные классы» и нуклеус, или словоформа минус морфосинтаксические грамматические элементы (окончания), уровень последовательностей (единица – фонетическое слово) и интеграционный (единицы – слог и фонема) [Там же, с. 58]. Фонологический аспект происхождения речи основывается на концепции дифференциальных фонетических признаков Якобсона-Халле, которые сложно применять в рамках психолингвистики [Там же, с. 68]. Любой же процесс формирования речи включает этап внутреннего программирования и семантико-грамматический, между которыми находятся еще несколько составляющих: тектограмматический подэтап, фенограмматический подэтап, подэтап синтаксического прогнозирования, подэтап синтаксического контроля [Там же, с. 78]. Основной же единицей в процессе смыслового восприятия ученый считает звуковой облик слова.

Вопросами фоносемантики плодотворно занимались и в рамках традиционной лингвистики. Написано немалое количество диссертаций, которые более детально рассматривают определенные аспекты «отраженного» фонетического значения [Романов, 1998], [Красовская, 1998], [Степанова, 1998], [Старцева, 1999].

Вопросам текстовой фоносемантики посвящены работы И.Ю. Павловой [Павлова, 1999], Н.В. Киселевой [Киселева, 2004], С.А. Марухиной [Марухина, 2014] и др.

С 1990 года термин «фоносемантика» включен в статьи «Лингвистического энциклопедического словаря», где сказано, что фоносемантика – это «особый раздел фонетики, изучающий звукоизобразительную систему языка с пространственных и временных позиций». Можно утверждать, что именно с этого момента фоносемантика становится признанным научным направлением в отечественной лингвистике [ЛЭС, 1990, с. 166].

Расширяется круг вопросов, которыми занимается современная фоносемантика. Именно в исследованиях последних лет обращаются к проблеме звукоимоволизма речи и его значения в текстах различного стиля, ученые стремятся выявить, подробно описать и проанализировать звукоочетания, которые наиболее частотно встречаются в конкретном языке. Некоторые из указанных вопросов рассматриваются в рамках данной диссертационной работы.

§ 1.2 Проблема мотивированности языкового знака

Язык, как средство общения, устанавливает связь и регулирует взаимопонимание между людьми. В процессе коммуникации один из участников отправляет информацию путем передачи некоторых означаемых, которые в свою очередь должны совпадать у другого участника общения с определенным количеством означающего. Этим обусловлен смысловой контакт у

коммуникантов. Возникает вопрос о том, как и насколько означаемое совпадает с означающим, т.е. вопрос о мотивированности языкового знака.

История языка показывает, что человечество давно задавало себе вопрос о том, как связаны содержание и форма знака. Еще в античности философы отделяли имя и вещь, чтобы понять, как возникли наименования (теория «фюсей» и «тесей», см. §1.1).

При различных предположениях и взглядах на процесс развития языка ученые все же сходятся во мнении, что язык представляет собой единство формы и содержания. При этом наиболее значимым признается именно содержание.

Знак в лингвистической науке признан двусторонним, т.к. он обязательно обладает неким значением. Сам знак представляет собой единство некоторых фактов и явлений действительности с абстрактными схемами, которые возникают в нашем сознании в связи с их обработкой поступающей информации из окружающего мира.

Соссюр выдвинул положение о том, что языковой знак не обладает мотивированностью, напротив, он произволен в отношении содержания. Потому обе составляющие языкового знака – означаемое и означающее – могут изменяться независимо друг от друга [Соссюр, 2001]. Именно произвольность, по Ф. де Соссюру, является основной причиной изменчивости языкового знака. Принципы, о которых говорил ученый, были положены им в основу общей семиологии [Там же, с. 12].

Принимая выдвинутый принцип о произвольности и немотивированности знака, многие ученые не пытаются опровергнуть этот факт. Так, С.К. Шаумян утверждает, что языковой системе не все единицы стоит считать знаками. Так, например, в работе «Язык как семиотическая система» он говорит о фонемах: «Фонемы – это не знаки, а только элементы для различения знаков» [Шаумян, 1964, с. 47].

Полноправными функциональными единицами языка, у которых есть определенное значение, звуки речи В.И. Кодухов не признает. По мнению этого

отечественного ученого, звуки – «способ материализации... морфем, лексем, словоформ» [Кодухов, 1987, с. 109].

Но такая точка зрения не находит большого числа сторонников в лингвистике, поскольку подобные постулаты противоречат иерархии системы самого языка, отрицая существование ее «нижнего», фонемного уровня. Многие ученые говорят скорее об односторонности звуков речи.

Ученик и последователь Ф. де Соссюра Ш. Балли в труде «Общая лингвистика и вопросы французского языка» в целом соглашается с точкой зрения своего учителя, но углубляет ее исследованиями звукосимволизма, который Ф. де Соссюр не считал особо значимым, и утверждает, что «произвольность и мотивированность являются относительными понятиями; в промежутке между ними мы находим все возможные степени перехода» [Балли, 1955, с. 150].

М.В. Панов в книге «Русская фонетика» говорит, что связь между звуком и обозначаемым понятием «не естественная, незыблемо-прочная», напротив, «она условна и может быть заменена другой» [Панов, 1967, с.22]. И, не взирая на то, что функция звуков, по мнению ученого, ограничивается лишь созданием некой оболочки для морфем, слов и предложений, т.е. они являются «означающим» [Там же, с. 17], М.В. Панов утверждает: «Хотя звуки речи не являются знаками, они подчиняются законам, которые характерны для знаковых систем» [Там же, с. 16]. Данное утверждение М.В. Панова является противоречивым, поскольку получается, что незнаковые по сути единицы должны подчиняться и функционировать по законам знаковых.

О произвольности языкового знака говорит и чешский исследователь В. Скаличка. При этом фонему, как единицу более низкого языкового уровня, ученый значением не наделяет и относит ее так же лишь к категории «означающего (signifiant)». Соответственно, вопрос о знаковости этой единицы В. Скаличка в данном случае и не рассматривает [Скаличка, 1967, с.149].

Э. Бенвенист в работе «Природа языкового знака» четко высказывает свою позицию о произвольности языкового знака [Бенвенист, 1974]. Исследователь утверждает, что «означающее – это звуковой перевод идеи, означаемое – это мыслительный эквивалент означающего. Такая совмещенная субстанциальность означающего и означаемого должна обеспечить структурное единство языкового знака» [Там же, с. 28]. В своем положении Э. Бенвенист опирается на высказывание самого Ф. де Соссюра: «Язык можно также сравнить с листом бумаги. Мысль – это лицевая сторона, звук – оборотная. Так и в языке нельзя разрезать лицевую сторону, не разрезав и оборотную... нельзя отделить ни мысль от звука, ни звук от мысли. Этого можно достигнуть лишь путем абстракции, что неизбежно приведет либо к чистой психологии, либо к чистой фонологии» [Там же]. Э. Бенвенист также полагает, что знаку нельзя присваивать произвольность характера, опираясь на синхронизм говорящего, который применяет эти языковые знаки.

Таким образом, слово, как и другие знаки языка, двусторонен по структуре. Одна его сторона материальна – это звуковая оболочка, а другая сторона – это его значение, то есть содержание. При отрицании зависимости означающего от означаемого, мы отвергаем и «упраздняем» любую связь между обеими сторонами слова. Такое утверждение нарушает иерархию системного принципа, который заключается в следующем: некая часть сложной системы сама по себе представляет систему более простую. Этому принципу подчиняется и слово. С одной стороны, оно внутренне представляет собой структурированное объединение означающего и означаемого, построенное на определенных отношениях. С другой, слово является частью всей языковой системы. Если исследователь не подразумевает, что система слова обладает внутренней связью между ее элементами, то он лишает структуры всю систему языка. В таком случае происходит некий языковой диссонанс. По меткому замечанию С.В. Воронина, «система без структуры – не система» [Воронин, 1982, с. 27].

Против принципа произвольности языкового знака в отечественной лингвистике выступал В.А. Звегинцев. Он считает, что звуковая сторона и смысловое содержание находятся в некотором условном взаимодействии [Звегинцев, 1964]. Но, опираясь на системность отношений в языке, В.А. Звегинцев говорит о том, что знак все же мотивирован: «сам по себе принцип произвольности языкового знака не является конституирующим для природы языка и носит исторический и факультативный характер» [Там же, с. 43].

Следует сказать, что, когда мы говорим о языке как о знаковой системе, подразумевая иерархически построенную систему взаимосвязанных и взаимодействующих в определенный период единиц, мы говорим о синхроническом взгляде на эту систему. Так, например, А.А. Реформатский определил это понятие следующим образом: «Состояние языка в данный момент как готовой системы взаимосвязанных и взаимообусловленных элементов: лексических, грамматических и фонетических, которые обладают ценностью, или значимостью... независимо от их происхождения, а только в силу соотношений между собой внутри целого – системы» [Реформатский, 1996, с. 40].

В то же время, как нам известно, язык способен непрерывно изменяться и развиваться. И это уже диахронический аспект рассмотрения данной системы. Следуя мысли Б.Н. Головина, диахрония представляет собой закономерный процесс смены предыдущих «состояний языковых единиц (категорий и т.д.)» их новым вариантом [Головин, 1973, с.9].

Рассмотрение понятий синхронии и диахронии требует двойственного подхода: понимая различие данных явлений, необходимо учитывать и их взаимосвязь, т.к. они представляют собой определенные формы существования и функционирования одних и этих же элементов системы языка. Это относится как к элементам системы, частям, единицам, так и к системе в целом. Подтверждение данной мысли отображено в работах В.Н. Немченко [Немченко, 2008].

В «Лингвистическом энциклопедическом словаре» (1990) указывается, что «связь означающего и означаемого может быть частично мотивированной: так,

употребление слова в переносном значении мотивировано опорой на это же слово в прямом значении; производное слово мотивировано связью с производящим». Однако, по мысли В.А. Звегинцева, в таком случае и ему подобных подразумевается «относительная мотивация» [Звегинцев, 1964, с. 343].

Некоторые сторонники немотивированности языкового знака считают, что слова, в которых связь между означаемым и означающим всё же присутствует, находятся на периферии языка. Так, например, еще Ф.Ф. Фортунатов утверждал: «В действительности же лишь очень немногие слова в языке, и притом не играющие в нем значительной роли, имеют непосредственную по происхождению связь их звуков с обозначаемыми предметами мысли...» [Фортунатов, 2010, с. 210]. Речь идет о звукоподражаниях и их производных.

В работах А.П. Журавлева есть указание на то, что слова, обозначающие «свист, шелест, шорох, шепот, тишь, писк, гром, скрежет, барабан и т.д.» [Журавлев, 1974, с. 128], другими словами, слова, которые именуют звук или предмет, издающий звуки, обязательно обладают связью между этим звуком и оболочкой слова. В подобных лексемах отчетливо просматривается связь между формой и содержанием, что говорит о существующем фонетическом значении.

У единиц иного лексического содержания фонетическое значение выражено не столь ярко, из-за чего его выявление становится условным на уровне лексики, а уровне синтаксиса в общем «носит рудиментарный характер» [Журавлев, Орлов, 1971, с. 228].

Д. Вестерман, А.М. Газов-Гинзберг и другие исследователи, опираясь на изучение слов недостаточно развитых языков диких/полудиких племен Австралии, Африки, Америки, считают, что связь звучания и значения проявляется последовательно и характерна для всего языка в целом. Согласно мысли И.М. Тронского, в сознании древних людей слово является отображением предмета, которое называет, и его свойств, «магическим заместителем» [Тронский, 1967, с. 28], по этой причине для архаического мышления звучание названия вещи неслучайно, при присвоению предмету определенного названия

человек должен был уделять внимание его звучанию. Со временем эта связь могла изменяться и ослабевать, но рудиментарно должна была остаться.

Относительно этого утверждения высказывался В.Б. Спиркин, который полагал, что анализ слов с точки зрения этимологии позволяет в большинстве случаев убедиться в достаточно «мотивированном характере» наименовании предметов [Спиркин, 1957, с. 27].

Проблему мотивированности языкового знака активно обсуждали и американские необихевиористы. При изучении этого вопроса, они обращались к понятию «денотата» или «референции». В 20-х гг. прошлого века Огдена и Ричардс в труде «Значение значения» выдвигают классическую теорию, которая построена на постулате о присутствии в каждом референциальном значении трех категорий: «знака, мысли и референта». И между ними, следовательно, существуют следующие связи: «знак–мысль», «мысль–референт», которые обязательно различимы в человеческом сознании.

Относительно этой теории Д. Слобин высказывался достаточно категорично: «...словесная магия и реализм наименования широко распространенные явления, столь нелюбимые философами и наблюдаемые повсюду и во все времена, в том числе и в наше» [Цит. По: Журавлев, 1974, с. 154-155].

Закономерную связь между звучанием и значением слова признают американские психолингвисты Р.Браун, Р.Наттэл и др.

Таким образом, возникает вопрос о доминировании произвольности над непроизвольностью или наоборот. Опираясь на мнение Петербургского исследователя С.В. Воронина, можно утверждать, что все же мотивированность преобладает над произвольностью: «В конкретном акте номинации выбирается некий признак объекта-денотата, полагаемый в основу номинации, и в этом главном, определяющем принципиальном моменте номинация не-произвольна, мотивированна. Выбор же какого-либо определенного признака во многом

случаен, следовательно, в этом более частном моменте номинация во многом произвольна» [Воронин, 1982, с. 30].

Особого внимания при рассмотрении вопроса мотивированности языкового знака заслуживает мнение Р. Якобсона, для которого факт единства звучания и значения является очевидным. Даже если фонетическое значение выражено неясно, оно всегда присутствует потенциально и более различимо при соответствии семантики звука и слова, а также «эмоциональной и эстетической позиции» человека, возникающей при восприятии этого слова [Якобсон, 1985, с. 89].

Надо сказать, что высказывания Р. Якобсона базируются на достижениях нейропсихологов и синестезии. Синестезия – это феномен нейрологии, при котором происходящее раздражение в одной когнитивной или сенсорной системе автоматически и непроизвольно приводит к отклику в другой сенсорной системе [Цит. по: Richard, 2002]. Таким образом, звучащая речь способна вызывать ассоциацию, связанную с цветом, запахом, вкусом и т.п. Рассуждая о подобных свойствах звуков, Р. Якобсон приводит пример относительно артикуляционно-акустического признака «высота»: «Две фонемы, противопоставленные друг другу как низкая и высокая, легко отождествляются как темная и светлая, тогда как противопоставление бемольных и простых производит скорее ощущение глубины, ширины, веса и грубоватости по сравнению с тонкостью, высотой, легкостью и пронзительностью» [Якобсон, 1975, с. 197].

Подводя итог сказанному в данном разделе, стоит сказать следующее: утверждение Ф. де Соссюра о произвольности языкового знака в современном языкознании не является неоспоримым, к тому же его последователей становится все меньше. Тезис о произвольности языкового знака не удастся никак объяснить ни теоретически, ни исторически, поэтому он не может удовлетворить современную лингвистику.

Таким образом, связь между звуковой формой языковой единицы и ее значением существует, данное утверждение нашло экспериментальное

подтверждение в ряде психолингвистических исследований как в России, так и за рубежом. Звукосимволизм обладает некой специфичностью, которая определяется трансформациями в отношениях лексемы и звуковой формы, происходившими в период формирования языковой системы. В связи с чем фонетическое значение для носителей языка может быть незаметным. Но, по мнению С.В. Воронина, связь между звуком и значением возможно восстановить.

Таким образом, в современном русском языке существуют слова, в которых связь формы и содержания ясная и четкая, и слова, в которых эта связь практически не выражена. Граница между этими состояниями может быть подвижной. У тех слов, где связь означаемого и означающего различима, чаще можно наблюдать возникновение определенной экспрессии, а также переносного значения. При наличии определенного баланса между лексическим и фонетическим значениями слово более стабильно в отношении каких-либо изменений со стороны формы или содержания [Старцева, 1999, с. 30]. И, хотя все звуки речи способны обладать определенным значением, следует помнить, что различить его можно только при наличии особенной «заданности» [Санжаров, 1997, с. 24], она обусловлена задачами текста, которые диктуют необходимость проявления определенных признаков звука: «Можно считать, что семантика звуков поддерживает семантику слов в случае симметрии означающего и означаемого в слове... и нейтральна к семантике слова в случае асимметрии означающего и означаемого» [Там же].

Другими словами, если определенной «заданности» между семантикой звуков и слов в тексте нет, то связь языковых единиц и фонетического значения не будет ясно выражена, хотя может быть обозначена потенциально. Именно поэтому для данного исследования были выбраны художественные тексты, в которых изобразительность языка имеет большое значение при выражении основного замысла автора.

§ 1.3 Определение основной единицы фоносемантики

Современные тенденции развития научного познания связаны с усилением междисциплинарных связей. Это выражается в том числе в распространении идей системного подхода к изучению объектов. Применительно к филологическим исследованиям активно используется фоносемантика как раздел лингвистики, позволяющий рассматривать предметы исследования с позиций нескольких подходов.

Суть фоносемантики заключается в определении характера изобразительности языка, что связано с выявлением источников зарождения языковых единиц, определением особенностей развития и функционирования речи. Также в рамках данного направления исследуется экспрессивность как характерная черта речи и языка. До включения данного раздела в состав лингвистических исследований, указанные вопросы поднимались в ряде работ. Вместе с тем отношение к звукам и их роли в развитии языка в научной среде продолжает оставаться неоднозначным.

Исследования вопросов влияния звуков на структуру слова и речи в целом имеют под собой глубокие основы. Так ещё в Античности звукам придавалось особое значение, которое выражалось в необходимости учёта не только формы букв и слов, но и их содержания. Подобных взглядов придерживался Платон, который говорил о существующей взаимосвязи между определенными явлениями, их свойствами и способами их отображения в языке. Следовательно, любой предмет, выраженный словесно, сохраняет присущие ему признаки в том числе и в фонетической форме.

Фоносемантический подход к изучению литературы связан с экспрессивностью последней. Современные авторы переходят от традиционных форм выражения идей и мыслей к инновационным и экспериментальным, что ставит перед исследователями задачи более глубокого анализа произведений с позиций новых аспектов.

Основной сложностью фоносемантики как науки становится не до конца оформленный инструментарий. Так, ученые до сих пор о том, что составляет главную единицу раздела: буква (Дионисий Галикарнасский, М.В. Ломоносов), звукобуква (П.П. Соколов, А.П. Журавлев), фонема (С.В. Воронин, А.Ф. Лосев, В.В. Левицкий), звук (Г.Остгоф, К. Бругман, Э. Сепир, Р.О. Якобсон, Л.Н. Санжаров). Несмотря на многообразие исследовательских работ в данной области, оформление науки произошло сравнительно недавно. Так, звукоизобразительность как характеристика лингвистических исследований стала признаваться учёными лишь в 1970-80-х гг., о чём свидетельствует статья в «Лингвистическом энциклопедическом словаре» [ЛЭС, 1990, с. 166].

Определение минимальной языковой единицы – непростая задача, которая решается на протяжении нескольких столетий. Отличительной чертой исследований становится сложность не только в самом её определении, но и в установлении её характерных свойств.

Еще Дионисий Галикарнасский поднимал вопрос о звуко-символизме: «L ласкает слух: из всех полугласных она самая сладостная. R раздражает слух: из однородных ей букв она самая крепкая» [Античные теории языка и стиля, 1996, с. 211]. При этом ошибочным в данном выражении становится указание на способности графем воздействовать на эмоциональную сферу путем их акустического влияния. Очевидно, что буквы не могут обладать тем свойством, которым их наделил ученый.

В работах М.В. Ломоносова вводится термин «письмена», который является интегративным. В нём свойства букв и звуков ассимилируются и находят новое выражение [Ломоносов, 1952]. Данное противоречие было определено в науке уже в XIX веке, когда П.П. Соколовым было введено понятие «звукобуква» [Соколов, 1897, с.252]. Ученый отмечал дуалистическую природу речевых единиц, которая выражается в способности создавать целостное восприятие слова на основании его графического и аудиального представления.

Термин «звукобуква» также используется в работах А.П. Журавлева, который наделяет его такими свойствами, как возможность вызывать ассоциации человека, они рождаются под воздействием определенного стимула в виде звука или графемы. Понимание звуков как таковых не приводит к подобному эффекту, поскольку, по мнению ученого, оно оторвано от второй необходимой составляющей речи – буквы. Таким образом, предпринимается попытка соотнести между собой роль и влияние букв и звуков, причем А.П. Журавлев отмечает, что «буква в этой паре как бы стабилизирует восприятие звука, помогает выработать в сознании типический образ звука и закрепляет его с помощью графического изображения» [Журавлев, 1974, с. 34].

Утверждение о том, что звукобуква как смысловая единица не может однозначно рассматриваться в единстве, принадлежит Н.М. Старцевой. Такой вывод ученого обусловлен сложностью восприятия текста как объективного явления, которое обладает теми же свойствами, что и отдельно взятые звукобуквы. Поэтому определение смыслообразующих факторов звукобуквы представляется более логичным, чем исследование текста. В частности, автор отмечает, что буквы не предназначены для сохранения и передачи смыслов: их единственная и основная задача – отобразить графически звуки. Вместе с тем не отрицается соотнесение человеком буквы и звука в единое целое [Старцева, 1999, с. 32].

Сегодня в науке утвердилась четкая позиция относительно природы букв и звуков: последние первичны по отношению к первым. Об этом говорят и Г. Остгоф и К. Бругман, которые полагают, что «...буквы представляют собой лишь грубые и неумелые, а зачастую и вводящие в заблуждение отображения звуков живой речи» [Остгоф, Бругман, 1960, с. 156]. Однако современные реалии требуют комплексного подхода к изучению букв, звуков и их соотношения между собой. Прежде всего это вызвано невозможностью вычленения звука как отдельного элемента сознания и речи индивидуума: для большинства людей звук ассоциируется с той буквой, которой он выражается на письме.

В исследованиях лингвиста прошлого столетия Л.Н. Санжарова указывается необходимость разделения звук и букв при их изучении. Причина в различных свойствах и природе указанных языковых единиц и категорий. «Цвет» или эмоция, которые соотносятся А.П. Журавлевым с понятием «звукобуквы», не могут быть присущи графемам [Санжаров, 1997, с. 22]. Прежде всего противоречие выражается в возможности записи одного и того же звука разными буквами в зависимости от слова и контекста. Фонетическое значение букв также не может однозначно определяться: оно отличается в зависимости от контекста. В частности, одна буква может обозначать сразу несколько звуков [Там же].

В исследованиях А.П. Журавлева имеются отсылки к трудам Э. Сепира, который проводил анализ звуко-символизма, прослеживая его зависимость с акустическими и артикуляционными характеристиками звука. Так, в книге «Фонетическое значение» указано, что фонема является «претендентом на роль фонетического значения» [Журавлев, 1974, с. 35], хотя в дальнейшем в своих исследованиях ученый не уделяет этой идее особого внимания.

В работах ученых более позднего периода времени в качестве основной единицы фоносемантики рассматривается фонема (А.Ф. Лосев, В.С. Воронин, В.В. Левицкий и др.). Например, А.Ф. Лосев говорит о том, что «всякое имя нечто значит; и звуки, входящие в состав его фонемы, нечто обозначают» [Лосев, 1982, с. 37]. При этом философ придерживается философского подхода к изучению указанной проблемы, не ставя перед собой задачи установления различий между звуками и фонемами. Фонетические единицы представляют собой «символ (симболон) не-звукового значения» [Там же, с.40].

Сегодня лингвисты придерживаются теории о главенстве звука как основной составляющей языка. Именно он, по мнению Н.М. Старцевой, должен лежать в основе фоносемантического подхода к изучению языка [Старцева, 1999, с. 35]. Звуки становились основным предметом исследования как современных авторов, так и исследователей прошлого (Г. Кронассера, П. Ньюмена, Э. Сепира). В исследовании Р.О. Якобсона указывается на звукобуквенное единство слов в

языке [Якобсон, 1985, с. 31]. Поэтому именно звуки следует рассматривать как тот источник эмоционального восприятия текста и устной речи, который должен изучаться в рамках фоносемантики.

Данная точка зрения будет приниматься как одна из основополагающих в рамках данного исследования. Следовательно, вслед за Л.Н. Санжаровым мы признаём, что звук «выполняет смыслоразличительную функцию, несет в себе определенную долю смысла» [Санжаров, 1997, с. 76].

Указанные факты бесспорно важны для фоносемантического исследования речевых особенностей языка, однако при таком подходе оказывается неизученной специфика восприятия письменного текста, а также механизмы его воздействия на психоэмоциональное состояние субъекта. Как показывает практика, любое обращение к словам и буквам в результате сводится к их аудиальному восприятию: человек либо произносит слово вслух, либо подсознательно его произносит. Следовательно, отправной точкой становится также звук, хотя и процесс перехода к нему несколько усложняется и становится более длительным. Стоит также отметить, что в результате такого перехода трансформируется и значение звуков, а также их восприятие читателем. Указанные закономерности должны определяться на исследовательском уровне.

Таким образом, основу слова и речи составляют непосредственно звуки, фонемы и т. п., однако нельзя утверждать об их исключительности с позиций фонетического анализа. В зависимости от их комбинаций формируется некий целостный образ, который соотносится также и с письменным графическим выражением слов. Так рождаются эмоциональные ассоциации в сознании слушателя или читателя.

§ 1.4 Противопоставление значений гласных и согласных звуков при фоносемантическом анализе

В русском языке, как и в любом другом языке мира, главным дифференциальным признаком фонетической системы является консонантизм/вокализм. Гласные звуки в своей совокупности создают вокализм, а согласные – консонантизм. По замечанию отечественного лингвиста В.И. Кодухова, согласных в языках мира больше, чем гласных [Кодухов, 1979, с. 125].

Обычно деление звуков происходит по следующим основным критериям:

- акустический,
- артикуляционный,
- перцептивный,
- функциональный.

В акустической фонетике выделяются аэродинамическая и акустическая фазы речи. Аэродинамическая фаза представлена сжатием и выталкиванием воздуха, образованием воздушных импульсов, которые в свою очередь образуются в связи с определенными действиями органов артикуляции. Акустическая фаза представлена колебаниями звуковых волн, которые возникают в результате аэродинамических процессов и передаются от информанта к реципиенту.

Акустический аспект изучает: звуки, звучания, типы звуков (тоны, обертоны, или призвуки, шумы), признаки звуков (сила, длительность, тембр, высота), резонанс. Согласно законам акустики звук речи представляет собой результат воздействия на слуховой аппарат человека колебательных движений воздушной среды, вызванных артикуляцией.

Звук в физическом понимании представляет собой колебательное движение упругой среды, которое передается и распространяется в воздушной среде. Тоны – результат ритмических колебаний с регулярной частотой. Тоны

создаются благодаря голосовым связкам, поэтому называются голосом. Частота тонов, которые способны образовывать голосовые связки человека, колеблется от 40 до 1700 герц. Тоны необходимы для создания гласных и звонких согласных, однако сами по себе тоны не являются звуками речи, а служат лишь материалом для них.

Обертоны представляют собой слабые тоны, которые образуются благодаря движениям частей колеблющегося тела – источника звука, поэтому обертоны присутствуют при создании тона. Тембр звука определяется обертонами, усиленными резонаторами. Обертоны являются вторичным продуктом голосовых связок.

Тонам можно противопоставить шумы, которые создаются в результате неритмических колебательных движений. Шумы в речи образуются при возникновении перед потоком воздуха преград в полости рта, образуемых органами произношения. Шумы различны, поэтому способны разграничивать согласные звуки, которые они образуют.

Акустический принцип делит звуки с точки зрения их звучности. Так гласные звуки наиболее звучные, далее следуют сонорные согласные звуки, или сонанты, звонкие и глухие. Таким образом, с точки зрения акустического аспекта границу между гласными и согласными звуками создают тон и шум, т.к. гласные образуются благодаря тону, а согласные – с помощью шума.

Акустический аспект уделяет особое внимание изучению речевого сигнала. Акустический сигнал возникает в результате работы механизма речепроизводства, в связи с этим важнейшей задачей акустического аспекта фонетики становится изучение артикуляции и ее аэродинамических следствий в единстве. Изучение акустического речевого сигнала дает представление о перцептивных свойствах звука, так как именно он образуется механизмом речевосприятия [Четыре аспекта фонетических описаний URL: <https://myfilology.ru>].

Артикуляционный аспект изучает органы речи и их работу: органы произношения (пассивные – зубы и небо, активные – губы и язык), надгортанные полости (полость рта и носа), небную занавеску (задняя часть мягкого неба), голосовые связки и гортань, дыхательные пути и легкие и дыхательные пути. Другими словами, артикуляционный аспект изучает речевой аппарат (анатомо-физиологическую основу) и механизм речеобразования.

Образование речи – системный процесс, который реализуется сначала в создании лингвистической программы произнесения. Более детально эту часть речевой деятельности изучает фонология. Следующим этапом в создании речи выступает непосредственно реализация лингвистической программы благодаря движениям речевых органов, которые в свою очередь создают акустический сигнал для реципиента. Эту фазу (аэродинамическую и акустическую – Л.А.) речевой деятельности подробно исследует артикуляционная фонетика.

С позиции артикуляционного критерия, звуки отличаются по способу образования: гласные образуются благодаря размыкательным движениям произносительных органов («ртомразмыкатели»), а согласные – благодаря смыкательным («ртомсмыкатели»). [Богородицкий, 2019]. «При образовании согласных в речевом аппарате создается преграда, и напряженность речевого аппарата локализована в месте создания преграды, а при образовании гласных преграды нет, и напряженность распределена по всему речевому аппарату» [Бондарко, Вербицкая, Гордина, 2000, с. 19-20]. Кроме того, согласные звуки требуют более интенсивной струи воздуха, по сравнению с образованием гласных.

Перцептивная фонетика изучает особенности восприятия звуков речи человеческим органом слуха. Эта часть фонетики изучает вопрос о том, какие свойства звука наиболее важны при восприятии речевого сигнала, например, при определении конкретной фонемы. В этом случае учитываются изменяющиеся артикуляционные и акустические признаки речевых сигналов, то есть перцептивные корреляты релевантных (существенных) признаков фонем

и просодем (минимальная значащая единица акустических компонентов, которые участвуют в создании интонации фразы; состав просодем не установлен и не изучен полностью – Л.А.).

С точки зрения перцептивной фонетики, при восприятии звучащей речи человек получает информацию не только благодаря акустическим свойствам высказывания, но и с помощью ситуативности и языкового контекста, способных влиять на окончательный смысл высказывания. Перцептивная фонетика изучает специфические и универсальные перцептивные характеристики, которыми обладают звуки человеческого языка как отдельных языков, так и в принципе звуковые единицы. Данный аспект фонетики предполагает, что восприятие основывается на вариативных и неизменных характеристиках фонем [Четыре аспекта фонетических описаний URL: <https://myfilology.ru>].

Функциональный аспект фонетики, или фонологический, изучает структурные и функциональные закономерности звукового строя языка. Звуки речи обладают определенной ролью и функцией в системе языка. Изучением этой функциональной стороны занимается раздел фонетики, который называют фонологией. Функциональный аспект изучает общие звуковые функции, типы звуков (гласные и согласные, сонорные и шумные, звонкие и глухие), фонемы и их варианты.

Функциональный критерий позволяет различать звуки, учитывая слогообразование. Как правило, основой слога являются гласные, хотя эту же функцию могут взять на себя сонанты, а иногда даже шумные согласные (например, *мудр, добр, тсс!*). Но всё же именно гласные, при их наличии, являются вершиной слога, к тому же слогообразующая функция для согласных не является характерной [ЛЭС, 1990, с. 477].

При изучении фонетического значения, а также выявления связи фонетического значения (далее ФЗ) с цветовыми, эмоциональными или оценочными признаками большинство исследователей обращаются к акустической дихотомической классификации звуков речи, разработанной

Р.О. Якобсоном и М.Халле и опубликованной в книге М.В. Панова «Современный русский язык. Фонетика». С точки зрения Л.Н. Санжарова, это объясняется тем, что данная систематизация звуков речи основана на изучении физических свойств звука в соотношении с экспрессивностью, содержащейся в его значении [Санжаров, 1997, с. 9]. М.В. Панов также замечает, что категории артикуляционной фонетики только «косвенно» описывают единицы акустического плана [Панов, 1979, с. 134].

Акустическая классификация, которую дает М.В. Панов в работе «Современный русский язык. Фонетика», является достаточно подробной. Он противопоставляет согласные и гласные звуки как консонантные и неконсонантные. К плюсам акустической системы М.В. Панов относит тот факт, что данная классификация позволяет описать согласные и гласные звуки с помощью единой терминологии, следовательно, доказывает изначальное родство этих звуков и их глубинные связи [Там же, с. 60].

Рассматривать противопоставление гласных и согласных в рамках фоносемантических исследований очень актуально. О возможности гласных и согласных звуков вызывать различные чувства и делать это по-разному писал еще два столетия назад М.В. Ломоносов в труде «Краткое руководство к красноречию». Исследователь отождествляет звук и букву и использует для наименования обоих термин «письмена»: «...повторение письмени *а* способствовать может к изображению великолепия, великого пространства, глубины и вышины, а также и внезапного страха; учащение письмен *е, и, ъ, ю* – к изображению нежности, ласкательства, плачевных или малых вещей, через *я* показать можно приятность, увеселение, нежность и склонность; через *о, у, ы* – страшные и сильные вещи: гнев, зависть, боязнь, печаль» [Ломоносов, 1952, с. 241].

В отдельном параграфе М.В. Ломоносов говорит о согласных звуках, которые необходимы, по мнению исследователя, для выражения «...вещей и действий сильных, великих, громких, страшных и великолепных». К примеру,

это «...твердые *с, ф, х, ц, ч, ш* и плавкое *р*, так как имеют произношение звонкое и стремительное. Для изображения чего-то мягкого и нежного необходимы мягкие *ж, з* и плавкие *в, л, м, н*» [Там же].

Важно отметить, что уже М.В. Ломоносов указывает на способность звуков помогать автору выразить необходимые эмоции, вызывать определенные ассоциации и «спомоществовать к изображению» содержания текста, его смысла, т.е. ученый выделяет особую функцию звуков в речи.

Различная информативная содержательность гласных и согласных звуков определяет частотность их употребления в речи, что также усиливает различие между ними. В целом, гласные употребляются в речи значительно чаще, чем согласные. М.В. Панов говорит об этом следующее: «В каком-то слове слышны только гласные: (и...о...а). По данному ряду звуков невозможно угадать произнесенное слово. Но если бы услышать только согласные этого слова (ч...щ...б...), то нетрудно бы было догадаться, что сказано: чащоба» [Панов, 1979, с. 19].

Различие и противопоставленность признаковых характеристик гласных и согласных использует и А.П. Журавлев, который в своих работах [Журавлев, 1974] фиксирует наличие или отсутствие какого-либо признака у звука в таблицах.

В современной фоносемантике есть и другие исследования относительно особенностей значения фонетических единиц [Валуйцева, 1987], [Романов, 1998], [Красовская, 1998], [Павлова, 1999], [Марухина, 2014] и др.

Мы в своей работе будем опираться на данные, представленные в работах А.П. Журавлева, поскольку они максимально соответствуют теоретическим положениям гипотезы о звукоцвете, легшим в основу данного диссертационного исследования.

В своих работах А.П. Журавлев представляет статистические данные, которые получены в результате опроса значительного количества информантов, а значит, эти результаты имеют объективное содержание. При выявлении

определенного ФЗ ученый рассматривает звукобукву в качестве основной единицы анализа звуков речи. Таким способом исследования дают показатели для следующих звукобукв, которые соответствуют гласным звукам русского языка: [а], [о], [э], [и], [у], [ы]. Стоит отметить, что неударные [ь] и [ъ] не рассмотрены в работах А.П. Журавлева, т.к. за ними определенные буквы не закреплены. В связи с чем характеристика их семантики выявляется по среднему показателю относительно каждой шкалы пары [а] и [ы] для [ь], [и] и [э] для [ъ].

Используя параметры «темный-светлый», «слабый-сильный», «плохой-хороший» и др., А.П. Журавлев предлагал испытуемым оценить наличие или отсутствие того или иного признака у отдельной звукобуквы. Всего в рассматриваемом исследовании 25 пар признаковых шкал, с помощью которых по 50 параметрам оценены звуковые единицы. Далее анализируемой звуковой единице присваивается количественный коэффициент от 1 до 5 (чем сильнее, по мнению реципиента, связана звукобуква с первым из обозначенных в названии шкалы признаков, тем меньший цифровой показатель ей присваивается) и определяется ее усредненный показатель. Если звуку присвоен коэффициент меньше 2,5, либо больше 3,5 («зона значительных отклонений» [Журавлев, 1991, с. 15], то анализируемый показатель представлен в данной единице. Подробно об этом А.П. Журавлев говорит в своих трудах «Фонетическое значение» [Журавлев, 1974] и «Звук и смысл» [Журавлев, 1991].

На основании изложенного выше в работе Н.М. Старцевой [Старцева, 1999] были составлены таблицы гласных и согласных звуков с присущими им признаковыми характеристиками. В процентном соотношении в этих таблицах подведен итог выражения определенного признака у каждого звука. Н.М. Старцева представляет следующий набор признаков, который, согласно проведенным ею исследованиям, свойственен большинству гласных звуков: «для носителей русского языка гласные «медлительные» (88%), «красивые» (88%), «гладкие» (88%), «простые» (88%), «округлые» (88%), «большие» (88%), «хорошие» (75%), «легкие» (75%), «добрые» (75%), «светлые» (63%), «громкие»

(63%), «длинные» (63%) и «медлительные» (63%). Более нейтральны гласные звуки к признакам «нежный-грубый», «женственный-мужественный», «активный-пассивный», «сильный-слабый» и некоторым другим» [Старцева, 1999, с. 39]. При анализе согласных звуков, которых в русском языке намного больше, чем гласных, исследователь приходит к объективному выводу, что согласные звуки по своим акустическим характеристикам значительно разнообразнее, в связи с чем общих признаковых характеристик у согласных меньше.

Как отмечает Н.М. Старцева, «значительная часть согласных звуков русского языка ассоциируется со сложностью, шероховатостью, угловатостью и отсутствием длины» [Там же]. При этом гласные звуки контрастируют с согласными по характеристикам представленных шкал. Это говорит о противопоставленности гласных и согласных звуков по ФЗ.

Подтверждение этой мысли находим у Р.О. Якобсона: «Между гласными и согласными существует такое же соотношение, как между так называемыми звучащими и пестрыми цветами, с одной стороны, и бесцветными... с другой» [Якобсон, 1985, с. 34]. Кроме того, о различии между звуками вокалической и консонантной систем сказано в работах П.П. Соколова [Соколов, 1897], А.П. Журавлева [Журавлев, 1974], Р.О. Якобсона [Якобсон, 1985], Л.Н. Санжарова [Санжаров, 1997].

Большая часть исследователей считают, что гласные и согласные звуки по-разному ассоциируются у носителей языка с составляющими цветового спектра: гласные непосредственно связаны с цветами спектра, а согласные расположены в черно-белой оси и представляют некую основу и фон для слова или текста.

В заключение отметим, что при исследовании экспрессивно-стилистических и звукоизобразительных возможностей фонетической системы языка важно рассматривать акустические признаки звуков речи в соответствии с противопоставлением гласных и согласных.

§ 1.5 Понятие синестезии и ее разновидности

Феномен синестезии известен науке уже на протяжении трех столетий. Синестезия (от др.-греч. συναίσθησις < σύν «вместе» + αἴσθησις «ощущение») – феномен нейрологии, при котором происходящее раздражение в одной когнитивной или сенсорной системе автоматически и непроизвольно приводит к отклику в другой сенсорной системе [Цит. по: Richard, 2002]. Человек, переживающий подобный опыт, – синестет.

Вопрос о синестезии возникает ещё в Древней Греции, когда философы пытались понять, является ли «цвет» музыки – *choria* – то, что сейчас называется тембром, физическим качеством, которое можно измерить количественно [Gage, 1993].

В XVII в. Исаак Ньютон также обращался к этой проблеме. Он высказал мысль о том, что тона музыки и цвета имеют схожие частоты [Peacock, 1988].

В 1689 г. английский педагог и философ Джон Локк в своей работе «Эссе о человеческом понимании» пишет: «Один усердный слепой, который сильно бился головой о видимые объекты и использовал объяснения из книг и своих друзей, чтобы понимать те названия света и цветов, которые часто попадались ему на пути, однажды похвастался, что теперь он понял, что означает алый цвет... Слепой сказал: это было похоже на звук трубы» [Locke, 2013].

В 1710 г. английский учёный, занимавшийся офтальмологией, Томас Вулхаус сообщает о другом слепом, который воспринимал звуки как цвета [Marks, 1975].

На явление синестезии, а именно сопоставление музыкальных нот и цветов ссылаются многие ученые того времени: ранее уже указанный нами английский физик и математик Исаак Ньютон (1704 г.), английский врач, натуралист, изобретатель и поэт Эразм Дарвин (1790 г.), немецкий врач, физик и психолог Вильгельм Вундт (1874 г.).

Американский писатель, философ и поэт Генри Дэвид Торо в письме к своему другу философу и поэту Ральфу Уолдо Эмерсону в 1848 г. упоминает одного ребёнка, который мог, по его словам, определить цвет многих слов. Эта девочка спросила писателя: «...не используя ли я «цветные слова»?» [Sanborn, 1970, с.150].

Первое зафиксированное объяснение синестезии в медицине – докторская диссертация немецкого врача Георга Тобиаса Людвига Сакса 1812 г., в которой он говорит о своём альбинизме и цветных гласных [Jewanski, Day, 2009, с. 293 – 303]. Хотя признание этой работы значительной в вопросе изучения синестезии произошло значительно позже, в 1926 г. [Mahling, 1926, с. 165-301].

Основоположник психологии и психофизики Густав Теодор Фехнер представляет первое эмпирическое исследование фотизмов (вторичных цветов или световых ощущений) цветных букв среди 73 синестетов в 1871 г. [Fechner, 1880]. Следом за ним к изучению синестезии обращается и английский учёный, основатель дифференциальной психологии и психометрики Фрэнсис Гальтон [Galton, 1881].

Исследование явления синестезии происходило быстрыми темпами во многих странах: Англии, Германии, Франции и США. Эти исследования совпадают по времени с развитием психологии как науки. В 1926 г. английский врач Джордж Аллан Малинг цитирует около 533 опубликованных статей, посвящённых только «цветному слуху» [Marks, 1975, с. 303–331].

В 1927 г. в Германии состоялся первый Конгресс по исследованию цветового тона. Там же состоялись второй (1930 г.), третий (1933 г.) и четвертый (1936 г.) конгрессы. С этого времени явление синестезии вызывает всеобщий интерес не только в научных, но и в литературных кругах. К опыту синестетических восприятий обращались символисты Артюре Рембо и Шарль Бодлер. Последний в своих письмах 1857 г. романтически заявляет о том, что чувства должны смешиваться [Бодлер 2012]. В 1871 г. французский поэт Рембо с отсылкой на поэму Бодлера «Соответствия» пишет сонет «Гласные». Оба этих

произведения способствуют популяризации явления синестезии, хотя общепризнано, что ни один из поэтов не являлся синестетом.

Интерес к изучению синестезии возрастает на рубеже XIX-XX вв. Вопрос о связи звуковых соответствий с другим восприятием (музыкальным, цветовым, тактильным, обонятельным и др.) стал рассматриваться не только с медицинской точки зрения, но и со стороны искусства, творчества.

Так, к примеру, в 1910 году Александр Николаевич Скрябин, русский пианист, композитор, педагог, представитель символизма в музыке, включает в партитуру своей симфонической поэмы «Прометей» партию световой клавиатуры, впервые использовав цветомузыку [Nacion, URL: <https://nacion.ru>].

Как считал Чарльз Осгуд, американский психолог, основоположник методики семантического дифференциала, возможность существования метафорических переносов и оценок определяется именно существованием феномена синестезии, в результате которого ощущения из одной модальности связываются с раздражителем из другой [Осгуд, Суси, Танненбаум, 1972, с. 355-359].

В середине XX в. исследования синестезии затрудняются в связи с развитием идей бихевиоризма, не принимающего изучение субъективного опыта, на котором основывается феномен синестетического восприятия. Но в 1980-х гг. при распространении когнитивной науки ученые вновь начинают обращаться к синестезии. Так, Ларри Маркс и Ричард Сайтовик в США, затем Саймон Барон-Коэн и Джеффри Грей в Великобритании исследуют реальность, густоту и частоту синестетических переживаний, особое внимание уделяют графемно-цветовой синестезии, т.е. одновременному восприятию букв или цифр в цветовом исполнении [Sagiv, Robertson, 2005, с. 150].

В конце 1990-х гг. с развитием сети Интернет начинают образовываться международные организации синестетов: Синестетическая ассоциация Великобритании, Американская синестетическая ассоциация, Канадская синестетическая ассоциация, Германская синестетическая ассоциация,

Бельгийская синестетическая ассоциация и Нидерландское синестетическое веб-сообщество. В начале нынешнего века, 2009 году, такое сообщество было создано и в России.

В 2006 г. в научном журнале, посвященном изучению «познания и взаимосвязи между нервной системой и психическими процессами», публикуется выпуск о синестезии, состоящий из 26 статей (от описания отдельных случаев синестезии до функциональных нейровизуализационных исследований) [Cortex, Vol. 12, URL: <https://www.journals.elsevier.com/cortex>].

В настоящее время различают несколько форм синестезии в зависимости от возбудителя, так называемого триггера переживания, и конкурентного, или дополнительного, переживания:

- графемно-цветовая,
- хроместезия (фонопсия),
- кинестетико-слуховая,
- числовых форм (пространственная),
- числовых линий,
- акустико-тактильная,
- мисофония,
- зеркального прикосновения,
- лексико-гастическая,
- эмоционально-цветовая,
- «аурическая»,
- ольфакторно-цветовая,
- ольфакторно-звуковая и др.

Одной из самых распространенных и изученных форм синестезии считается графемно-цветовая, при которой достаточно часто, как показали

исследования, наблюдаются общие черты у разных синестетов. Например, это касается соотнесения буквы А с красным цветом [Day, 2005, с. 11-33].

Объединение звуков и цветов изучает хроместезия (фонопсия), называя это явление «цветным слухом». Кинестетико-слуховая форма определяется способностью слышать звуки при наблюдении за движущимися предметами или вспышками. Эта область синестезии была открыта американскими учеными Мелиссой Саэнс и Кристофом Кохом из Калифорнийского технологического института.

Синестезия числовых форм, или пространственная, представлена у людей, способных видеть числовые последовательности как точки в пространстве [Science, URL: <https://www.science.org>].

Числовая форма была впервые описана Френсисом Гальтоном в работе «Видения здравомыслящих людей» [Galton, 1881, с. 729-740]. Её суть заключается в возможности людей этой формы синестезии видеть некие ментальные карты чисел.

Одна из менее изученных форм синестезии – акустико-тактильная, при которой звуки связаны с определенными ощущениями в каких-либо частях тела [Naumer, Bosch, 2009, с.7-8].

Порядково-лингвистическая форма представлена ассоциированием понятийных последовательностей (порядковые числа, дни недели, месяца, буквы алфавита) с определенными личностями [Simner, Hubbard, 2006, с. 805-814].

Мисофония, или мизофония – это неврологическое расстройство, при котором негативные переживания вызываются определенными звуками. Эту форму называют звуко-эмоциональной синестезией [Cytowic, 2018].

Синестезия зеркального прикосновения (эмпатия прикосновений) – очень редкая форма, при которой один человек буквально чувствует то же, что и другой. Этот вид синестезии связан с изучением зеркальных нейронов в некоторых областях мозга, сильно связанных с эмпатией [Heyes, 2015].

Лексико-гастическая синестезия – тоже редкая форма, при которой у человека появляются вкусовые ощущения при определенных словах или образах. Этой формой синестезии обладает лишь 0,2 % населения [Simner, 2009].

В настоящее время причины развития синестезии изучены недостаточно. Нет окончательного подхода к расшифровке механизма существования синестезии. По состоянию на 2015 г. неврологические корреляты синестезии не установлены [Хюпе, Дожат, 2015].

Синестезию характеризуют как особое восприятие окружающего мира. Статистика исследований о степени синестезии населения приводит различные данные: 1 из 2000, 1 из 300 и даже 1 из 23 [Хаббард, Рамачандран, 2005].

Некоторые исследования предполагают, что синестезией склонны обладать люди с аутизмом [Барон-Коэн, Джонсон, Ашер, Уилрайт, Фишер, Греггерсон, Эллисон, 2013].

Известными синестетами являлись Владимир Набоков, который описывал свою графемно-цветовую синестезию в автобиографии «Память, говори» [Nabokov, 1966]. Русский художник Василий Кандинский сочетал несколько форм синестезии: цвет, слух, осязание, запах. Английский художник Дэвид Хокни воспринимает музыку в цвете, форме и пространстве [Richard, 2018].

Среди композиторов синестетами были Николай Римский-Корсаков, Дюг Эллингтон, Оливье Мессиан. К синестетам себя относили физик Ричард Фейнман, изобретатель Никола Тесла, актриса Стэфани Корсуэл, музыканты Билли Джоэл, Ицхак Перлман, Александр Фрэй, Ида Мария, Брайан Чейз, Патрик Стамп и др.

Сегодня синестезию изучают в попытках ответить на вопросы, связанные с психогенетическими закономерностями, механизмами работы головного мозга, особенностями образного мышления, творческих способностей и индивидуальными особенностями восприятия. В отечественной психологии феномен врожденной синестезии известен по многолетнему исследованию, проведенному А.Р. Лурия в 1920–50-х гг. [Лурия, 1968]. Известный американский

невролог и писатель Оливер Сакс говорит: «Двадцать лет назад синестезия – непроизвольное слияние работы двух или более сенсорных систем – рассматривалась учеными (если вообще рассматривалась) как некая редкая диковинка. Сегодня же нам известно, что, вероятно, каждый двадцатый из нас обладает синестезией, и поэтому мы должны признать синестезию неотъемлемой и удивительной частью субъективного человеческого опыта. Более того, синестезия может быть основой и стимулом образного и метафорического мышления человека» [Сидоров-Дорсо, Дэй, 2019].

Ответ на вопрос о том, что именно является синестезией, а что метафорическим переносом, остаётся открытым. Психологи и неврологи исследуют понятие синестезии для усовершенствования понимания процесса познания и восприятия человека. В нашем исследовании мы опираемся на звукоцветовое восприятие, полученное в результате собственных психолингвистических экспериментов с группами респондентов разных возрастов, национальностей и гендерных характеристик, основываясь на восприятии в принципе, без отнесения реципиентов к определенной форме синестезии, хотя мы учитываем индивидуальные особенности при анализе полученных соответствий.

§ 1.6 Понятие звукоцвета и характеристика его функций в современном русском языке

Одна из актуальных проблем фоносемантики – звукоцветовое соответствие. Так, Н.И. Жинкин отмечал: «Из всех сенсорных воздействий на человека самым чувствительным и тонким является звук и его прием слухом, а самым устойчивым и объективным – цвет и соответственно зрение. Это объясняется, вероятно, тем, что в первом случае учитывается время, а во втором –

пространство, слитная информация о которых безусловно необходима для реальной ориентации в действительности» [Жинкин, 1982, с. 120].

Проблему звукоцвета исследовали многие известные лингвисты: А. Шлегель (в Германии), К. Нироп (во Франции), Р.О. Якобсон (в России, а позже в США), П.П. Соколов, А.П. Журавлев, Л.Н. Санжаров, Л.П. Прокофьева (в России). Эти ученые, признавали наличие связи звука и цвета, пытались установить с какими конкретно цветами и как связаны определенные звуки. К примеру, П.П. Соколов, используя термин «цветной слух», говорил о том, что это явление происходит благодаря хроматизму (цветовому впечатлению), который вызывают исключительно гласные звуки: «хроматизм гласных... встречается у большинства лиц, обладающих хроматическими ассоциациями... По статистике Клапарода... 5/6 имеют хроматизм гласных» [Соколов, 1897, с. 260].

Выводы о соотношении звук-цвет, к которым приходят А.П. Журавлев и Л.Н. Санжаров, подтверждаются экспериментально. Эти ученые за основы брали идеи, высказанные П.П. Соколовым, хотя А.П. Журавлев в своих рассуждениях идет несколько дальше, поскольку высказывает мысль о том, что и согласные звуки могут вызывать некоторые ассоциации с цветовым спектром. В его исследованиях представлена, например, характеристика звука [р]: большинство информантов, с которыми работала группа А.П. Журавлева, присвоили этому звуку темно-красный цвет [Журавлев, 1991, с. 102].

Тем не менее практически все согласные звуки чаще всего не отождествляются у носителей языка с определенным цветом, как гласные. И это подтверждено большим количеством исследований, в том числе и у самого А.П. Журавлева. Так, в Энциклопедическом словаре юного филолога сказано: «...хроматическая цветовая гамма связана с гласными звуками, они — цветные. Согласные располагаются по черно-белой оси: от светлых зубных, таких, как [с, з, ц], к темным губным: [п, б, м]» [Энциклопедический словарь юного филолога, 1984, с. 107].

По замечанию Н.М. Старцевой, в этом определении допущена неточность, поскольку «самыми «светлыми» признаны твердые зубные звуки, а не их мягкие корреляты. Кроме того, в результате ряда экспериментов было установлено, что наиболее «темными» следует считать твердые заднеязычные [г], [к], [х]» [Старцева, 1999, с. 44]. В своем замечании ученый опирается на мнение Л.Н. Санжарова, его работу «Неканоническая фонетика и проблемы фоносемантики» [Санжаров, 1997], а также на экспериментальные данные.

По наблюдениям Л.Н. Санжарова, при проведенных им исследованиях характеристику звукоцвета могли выявить только 85 % опрошенных, что связано с особым синестетическим восприятием каждого человека. По мнению Л.Н. Санжарова, это объясняется «индивидуальным типом и характером мышления каждого отдельного человека» [Санжаров, 2002, с. 12].

Также различия в соответствии звук-цвет могут наблюдаться у носителей различных языков, что обусловлено особым функционированием самого языка и его специфическими особенностями, отражающимися в психологии его носителей.

О различиях в восприятии звукоцветовых соответствий Л.Н. Санжаров говорит в работе «Новая фонетика современного русского языка» даже на примере родственных языков: русского и украинского. Результаты исследований, проведенных со студентами, представлены в Таблице 1.

Таблица 1 – Сводная таблица восприятия звукоцветовых соответствий носителями русского и украинского языков

ЗВУК	УКРАИНСКИЙ ЯЗЫК	РУССКИЙ ЯЗЫК
[а]	светло-красный	густо-красный
[о]	желто-белый	светло-желтый, белый
[и]	желто-бело-голубой	синий
[э]	желто-зеленый	зеленый
[ы]	темный	темно-коричневый, черный

Хотя отличия в результатах, отраженных в Таблице 1, и незначительны, но они всё же есть и говорят о том, что «в национально-языковом сознании человека определенный звук строго ассоциируется с определенным цветом» [Санжаров, 1996, с. 12]. Следовательно, данные ассоциации будут отличаться у носителей разных языков, а также должны быть сходны у носителей одного и того же языка.

Соответствия звук-цвет, характерные для носителей русского языка, представлены в работах А.П. Журавлева и Л.Н. Санжарова. А.П. Журавлев, опираясь на понятие звукобуквы, выводит следующие показатели, отображенные в Таблице 2.

Таблица 2 – Звукоцветовые соответствия, представленные в работах А.П. Журавлева

ЗВУК	ЦВЕТ
[а]	Густо-красный
[о]	Белый, желтый
[э]	Зеленый
[и]	Синий
[у]	Темно-синий, темно-лиловый, темно-зеленый
[ы]	Темно-коричневый, черный

Наиболее четко в сознании носителей русского языка связаны с цветом звуки [а], [о], [и]. Их соотносят с цветом порядка 80% опрошенных. Важно отметить, что цвета, которые связаны с этими звуками (красный, желтый и синий), в природе и цветом спектре образуют все остальные оттенки.

Используя методику, предложенную А.П. Журавлевым, Н.М. Старцева проводит эксперимент с участием 250 студентов, в котором реципиентам предлагает соотнести названные звуки с цветами. Результаты проведенного исследования приведены в Таблице 3 [Старцева, 1999, с. 47].

Таблица 3. Сводная таблица соотношения звуков и цветов студентами

Звук	Цвет	Количество информантов, указавших данный цвет	Процентное отношение от общего числа участников
[а]	красный	235	94%
[о]	белый, желтый	202	80%
[э]	зеленый	184	73%
[и]	синий	215	86%
[ы]	темно-коричневый, черный	229	92%
[у]	темно-зеленый, темно-синий, темно-лиловый	181	72%

Таким образом, данные результаты в 70 % случаев совпадают с выводами, представленными в работах А.П. Журавлева, а значит, подтверждают объективность его исследований и выводов, на которые будет опираться и данная диссертационная работа.

Стоит отметить, что А.П. Журавлев в своих работах опирался на термин «звукобуква», а Н.М. Старцева предлагала оценить респондентам изолированные звуки, соответствующие тем же буквам на письме, но графический облик при этом студентам не был представлен. Таким образом, Н.М. Старцева приходит к выводу, что «основной единицей фоносемантики является звук в его акустике, т.к. именно акустические свойства звука позволяли нашим информантам соотносить его с тем или иным цветом» [Старцева, 1999, с. 48].

Без внимания в описанном исследовании остаются звуки [ъ] и [ь]. Л.Н. Санжаров, проведя ряд экспериментов и проанализировав их многочисленные результаты, пришел к выводу, что «[ъ], являясь средним между [а] и [ы], обладает «окрашенностью» обоих этих звуков, т.е. он темно-красный, а [ь] – средний между [э] и [и] – сине-зеленый» [Там же].

Таким образом, опираясь на известные результаты описанных выше экспериментов и исследований, мы признаем, что для современного русского языка характерны следующие звукоцветовые соответствия:

[а] – ярко-красный,

[о] – светло-желтый или белый,

[э] – зеленый,

[и] – синий,

[ы] – темно-коричневый или черный,

[у] – темно-синий, темно-зеленый, темно-лиловый,

[ъ] – темно-красный (пурпурный),

[ь] – сине-зеленый, светлый.

Представленный в данной работе анализ прозаических и поэтических текстов основан на указанных звукоцветовых соответствиях с учетом некоторых возможных авторских вариаций связи звука и цвета.

Выводы по Главе 1

Исследование особенностей взаимосвязи между звуками и их буквенным обозначением имеет глубокие корни: ещё в Античности появились первые работы, посвященные данной проблематике. В основе умозаключений относительно природы звукобуквенных смыслов лежало представление о единстве формы и содержания предметов и явлений.

Исследования в области «звучание – значение» используют методики различных наук: культурологии, математики, поэтики, статистики и др. В последнее время вопросами фоносемантики плодотворно занимаются и в рамках традиционной лингвистики: представлены диссертационные исследования, которые более детально рассматривают различные аспекты данного раздела языкознания, с 1990 года сам термин «фоносемантика» официально признан в отечественном языкознании.

На данный момент отмечается тенденция переориентирования научного знания в области лингвистики на междисциплинарные исследования, в том числе путем распространения идей системного подхода. Одним из результатов такого изменения структуры научного познания стало выделение в отдельное направление лингвистических исследований фоносемантики. В основе данного раздела лингвистики лежат представления о наличии у языка такой характеристики, как образность, которая выражается в виде буквенно-звуковых сочетаний и придаёт определенную экспрессивность речи.

Расширяется круг вопросов, которыми занимается современная фоносемантика. Именно в исследованиях последних лет обращаются к проблеме звуко-символизма речи и его значения в текстах различного стиля, ученые стремятся выявить, подробно описать и проанализировать звуко-сочетания, которые наиболее частотно встречаются в конкретном языке.

При различных предположениях и взглядах на процесс развития языка ученые все же сходятся во мнении, что язык представляет собой единство формы и содержания. При этом наиболее значимым признается именно содержание.

Сейчас можно смело говорить о существовании определенной связи между явлением, его звуковым обозначением и буквенной формой. Такие выводы основываются на результатах экспериментальных исследований в области лингвистики (как российской, так и зарубежной). При этом изучение особенностей звукового значения позволит раскрыть специфику конкретного языка, его воздействие на восприятие человеком.

В современном русском языке существуют слова, в которых связь формы и содержания ясная и четкая, и слова, в которых эта связь выражена слабо. Граница между этими явлениями может быть подвижной. При наличии определенного баланса между лексическим и фонетическим значениями слово более стабильно в отношении каких-либо изменений со стороны формы или содержания. И, хотя все звуки речи способны обладать определенным значением, следует помнить, что различить его можно только при наличии особенной «заданности». Другими словами, если определенной «заданности» между семантикой звуков и слов в тексте нет, то и связь языковых единиц и фонетического значения будет неясна, хотя и потенциально обозначена. Именно поэтому для данного исследования были выбраны художественные тексты, в которых изобразительность языка имеет большое значение при выражении основного замысла автора.

Фонетическое значение присуще различным лингвистическим единицам: звукам, фонемам и пр., которые становятся той отправной точкой, которая позволяет составлять человеку представление о форме слова и его смысловом наполнении. При этом важно понимать, что буквы также становятся носителями определенного смыслообразующего потенциала, который проявляется в ходе знакомства человека с печатным текстом.

При исследовании экспрессивно-стилистических и звукоизобразительных возможностей фонетической системы языка продуктивно рассматривать

акустические признаки звуков речи в соответствии с противопоставлением гласных и согласных. Большая часть исследователей считают, что гласные и согласные звуки по-разному ассоциируются у носителей языка с параметрами цветового спектра: гласные непосредственно связаны с цветами спектра, а согласные расположены в черно-белой оси и представляют некую основу и фон для слова или текста.

В данной работе мы будем опираться на положения, представленные в работах А.П. Журавлева, поскольку они соответствуют теоретическому вектору, положенному в основу данного диссертационного исследования. При выявлении ФЗ А.П. Журавлев рассматривает звукобукву в качестве основной единицы анализа звуков речи.

Мы признаем, что для современного русского языка свойственны следующие звукоцветовые соответствия:

[а] – ярко-красный,

[о] – светло-желтый или белый,

[э] – зеленый,

[и] – синий,

[ы] – темно-коричневый или черный,

[у] – темно-синий, темно-зеленый, темно-лиловый,

[ь] – сине-зеленый, светлый,

[ъ] – темно-красный (пурпурный).

Представленный в данной работе анализ прозаических и поэтических текстов основан на указанных звукоцветовых соответствиях с учетом некоторых возможных авторских вариаций связи звука и цвета.

Характеристикой звукоцвета могут обладать не все звуковые единицы, что связано с особым синестетическим восприятием каждого человека.

В настоящее время различают несколько форм синестезии в зависимости от возбудителя, так называемого триггера переживания, и конкурентного, или дополнительного, переживания. Причины развития синестезии изучены

недостаточно. Нет окончательно сложившегося подхода к расшифровке механизма существования синестезии. По состоянию на 2015 г. неврологические корреляты синестезии не установлены.

Сегодня синестезию изучают при попытке ответить на вопросы, связанные с психогенетическими закономерностями, механизмами работы головного мозга, особенностями образного мышления, творческих способностей и индивидуальными особенностями восприятия.

Вопрос о разграничении синестезии и метафорического переноса остаётся открытым. Психологи и неврологи исследуют понятие синестезии для усовершенствования понимания процесса познания и восприятия человека. В нашем исследовании мы опираемся на звукоцветовое восприятие, полученное в результате собственных психолингвистических экспериментов с группами разных возрастов, национальностей и гендерных характеристик, основываясь на восприятии в принципе, без отнесения реципиентов к определенной форме синестезии, хотя мы учитываем индивидуальные особенности при анализе полученных соответствий.

Различия в соответствии звук-цвет могут наблюдаться также у носителей различных языков, что обусловлено особым функционированием самого языка и его специфическими особенностями, отражающимися в психологии его носителей.

ГЛАВА 2. МЕТОДОЛОГИЯ ФОНОСЕМАНТИЧЕСКОГО ЗВУКОЦВЕТОВОГО АНАЛИЗА

§ 2.1 Методика фоносемантического анализа, представленная в работах А.П. Журавлева

Конец 80-х годов XX в. ознаменован активностью российских лингвистов в области фоносемантических исследований. В 1982 г. в свет выходит монография С.В. Воронина «Основы фоносемантики». В этой работе ученый демонстрирует существование объективных законов, которые управляют связями между звуком и значением слова. Эта работа – одно из фундаментальных исследований в новой отрасли лингвистической науки – фоносемантике.

В рамках данной отрасли на рубеже XX-XXI вв. работают также А.П. Журавлев, И.Н. Горелов, В.В. Левицкий, Ю.А. Сорокин, Л.Н. Санжаров и другие. Результатом докторского исследования А.П. Журавлева является оценка эмоционального воздействия ФЗ в русском языке на подсознание носителя. Эти идеи также изложены исследователем в книгах «Фонетическое значение» [Журавлев, 1974], «Звук и смысл» [Журавлев, 1991].

В основу практических исследований А.П. Журавлева лег видоизмененный метод семантического дифференциала, предложенный в конце 1950-х гг. рядом американских исследователей под руководством Ч. Осгуда.

В середине прошлого столетия Ч. Осгуд изучал выступления политических деятелей и пришел к выводам, что при озвучивании одной и той же политической программы наибольшее число голосов получал тот кандидат, чье выступление было лучше воспринято аудиторией. Работая в этом направлении, группа американских ученых под руководством Осгуда вырабатывают «способ управления музыкой слов, или Метод семантических дифференциалов» [Осгуд, Суси, Танненбаум, 1972].

«Семантический дифференциал призван выявить, прежде всего, эмотивную оценку качеств объекта и, в меньшей степени, – когнитивные и поведенческие установки реципиентов в отношении объекта (до или после его предъявления)» [Шмелев, 2002, с. 75].

За основу исследования эмоционального воздействия ФЗ на подсознание человека берутся взаимополярные пары часто встречающихся прилагательных: «хороший – плохой», «твердый – мягкий», «счастливый – грустный», «быстрый – медленный» и др. Согласно Осгуду, смысловое пространство основано на трех взаимосвязанных категориях – оценка, сила, активность.

Предложенные Ч. Осгудом шкалы (трех-, пяти- и семибалльные), направлены на выявление «сенсорно-эмоционального образа объекта для конкретного индивида, а также... ценность» этого объекта [Шелестюк, 2009, с. 329].

Таким образом, Ч. Осгуд в своих работах опирался на следующую семибалльную шкалу оценивания, представленную в Таблице 4.

Таблица 4 – Семибалльная шкала оценивания ФЗ, представленная в работах Ч. Осгуда

«Оценка»	хороший	3	2	1	0	-1	-2	-3	плохой
«сила»	сильный	3	2	1	0	-1	-2	-3	слабый
«активность»	активный	3	2	1	0	-1	-2	-3	пассивный

Большая часть современных лингвистических исследований признают, что фонетическим значением способен обладать только звук [Санжаров, 2002], [Романов, 1998], [Старцева, 1999].

Однако, с нашей точки зрения, для современного носителя языка буквенный облик и звучащая форма, которая его репрезентирует, представляют собой некое единство, в связи с чем нельзя утверждать, что исключительно звуки вызывают цветовые или любые другие ассоциации.

Современные тенденции к системному подходу изучения лингвистических проблем, опора на междисциплинарные связи и их углубление способствуют развитию таких смежных наук, как фоносемантика. Следовательно, и основная категория науки, которая рассматривает непростые психолингвистические явления, должна быть составной. В связи с чем, с нашей точки зрения, рассматривать «звукобукву» в качестве основной единицы фоносемантики более правомерно.

А.П. Журавлев в своих исследованиях пытался понять, «какую роль в жизни слова играют силы, связывающие звук и смысл в языке» [Журавлев, 1991, с. 3] В доказательство необходимости исследования не только звука, но и звукобуквы, ученый приводит следующее: «Физически звучит [йу], а психологически мы воспринимаем единый образ – Ю, сформированный в нашем сознании буквой» [Журавлев, 1991, с. 12]. С точки зрения А.П. Журавлева, нельзя оценивать только «чистый» звук или только букву, поскольку не один аспект, ни другой в полной мере не отображают все необходимые характеристики. Так, например, в сознании носителя русского языка четко разграничены твердые и мягкие звуки [п] и [п'] и их различная функция в речи, на письме в свою очередь эти звуки обозначены одной буквой П. Таким образом ученый выделяет 46 «звукобукв», представленных в Таблице 5 с указанием частотности их употребления в речи [Журавлев, 1991, с. 153].

При оценке эмоционального воздействия ФЗ указанных 46 звукобукв на подсознание человека А.П. Журавлев использует 25 шкал антонимичных пар, представленных следующими параметрами-определениями в Таблице 6.

Таблица 5 – Частотность употребления звуков в речи, представленная в работах А.П. Журавлева

Звуки	Частотность	Звуки	Частотность	Звуки	Частотность
А	0,049	К	0,030	У	0,017
А'	0,046	К'	0,003	У'	0,012
Б	0,013	Л	0,020	Ф	0,002
Б'	0,005	Л'	0,017	Ф'	0,001
В	0,028	М	0,025	Х	0,008
В'	0,011	М'	0,007	Х'	0,001
Г	0,012	Н	0,040	Ц	0,004
Г'	0,003	Н'	0,024	Ч	0,020
Д	0,020	О	0,067	Ш	0,012
Д'	0,017	О'	0,037	Щ	0,003
Е	0,050	П	0,020	Ы	0,010
Ё	0,039	П'	0,006	Ы'	0,006
Ж	0,008	Р	0,024	Э	0,004
З	0,013	Р'	0,014	Э'	0,001
З'	0,002	С	0,032	Ю	0,004
И	0,041	С	0,017	Ю'	0,002
И'	0,015	Т	0,055	Я	0,013
Й	0,013	Т'	0,020	Я'	0,011

В ходе экспериментов все признаки были поделены на три группы: параметры оценки, силы, подвижности. Первую группу представляют «шкалы *хороший – плохой, красивый – отталкивающий, безопасный – страшный, простой – сложный, гладкий – шероховатый, округлый – угловатый*» и др. [Журавлев 1991: 21]. Вторая группа: «*могучий – хилый, нежный – грубый, женственный – мужественный, сильный – слабый, горячий – холодный, легкий – тяжелый, громкий – тихий, храбрый – трусливый*» и др. [Там же]. Третья группа, «подвижности», состоит из следующих шкал: «*подвижный – медлительный, активный – пассивный, быстрый – медленный, веселый – грустный, длинный – короткий, веселый – грустный*». Некоторые пары обладают смежными

свойствами, в связи с чем присутствуют в двух группах, например, «*светлый – темный, добрый – злой и величественный – низменный*» [Там же].

Таблица 6 – Параметры оценки воздействия ФЗ на подсознание человека (по А.П. Журавлеву).

1. хороший – плохой
2. большой – маленький
3. нежный – грубый
4. женственный – мужественный
5. светлый – темный
6. активный – пассивный
7. простой – сложный
8. сильный – слабый
9. горячий – холодный
10. быстрый – медленный
11. красивый – отталкивающий
12. гладкий – шероховатый
13. веселый – грустный
14. легкий – тяжелый
15. безопасный – страшный
16. величественный – низменный
17. яркий – тусклый
18. округлый – угловатый
19. радостный – печальный
20. громкий – тихий
21. длинный – короткий
22. храбрый – трусливый
23. добрый – злой
24. могучий – хилый
25. подвижный – медлительный

Для оценки каждого признака А.П. Журавлев использует пятибалльную шкалу, в каждой для полярности признака и проявления его высокой степени

добавляет к прилагательному слово очень. В нейтральной позиции используется слово никакой. Таким образом получается следующая Таблица 7.

Таблица 7 – Оценка признака полярности и проявления его степени (по А.П. Журавлеву)

Очень хороший	1	Очень сильный	1	Очень активный	1
Хороший	2	Сильный	2	Активный	2
Никакой	3	Никакой	3	Никакой	3
Плохой	4	Слабый	4	Пассивный	4
Очень плохой	5	очень слабый	5	Очень пассивный	5

Итогом проведенного А.П. Журавлевым исследования стала таблица оценок звукобукв: «Всего звукобукв оказалось 46, шкал было взято 25, следовательно, таблица содержит 1150 оценок» [Журавлев, 1981, с. 14]. Средняя оценка находится в количественных показателях между 1 и 5, границы для определения наличия или отсутствия признака – 2,5 и 3,5 (см. Рисунок 1).

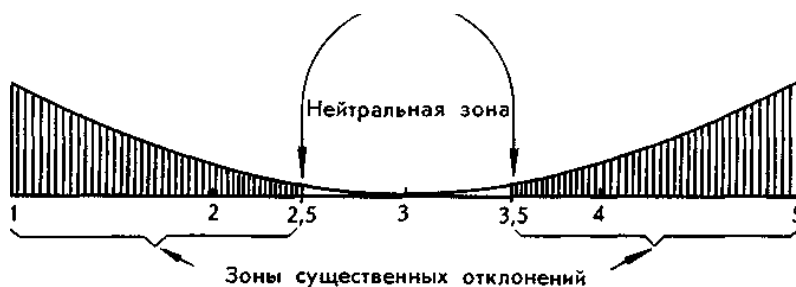

Рисунок 1 – Распределение оценок звуков по признаковым шкалам [Журавлев, 1991, с. 15]

При расчете применяются понятия частотности и информативности звукобуквы: «...частотность звука и его информативность («заметность») находятся в обратной зависимости. Отсюда следует, что в слове наименее информативен звук с максимальной частотностью, а все остальные звуки во

столько раз информативнее, во сколько раз их частотность меньше максимальной для звуков данного слова» [Журавлев, 1991, с. 23]. Из этого следует, что, прежде чем рассчитать среднее арифметическое всех оценок, необходимо «приписать каждому звуку свой вес», который зависит от места в слове и частотности, поэтому А.П. Журавлев использует следующие формулы, представленные в Формуле 1, где P_i – частотность звука, P_{max} – максимальная частотность звука в данном слове, k_i – разница частотностей звуков слова.

Формула 1 – Определение разницы частотностей звуков слова (по А.П. Журавлеву)

$$k_i = \frac{P_{max}}{P_i}$$

При учете позиции звука в слове, необходимо коэффициент k_i увеличить в 4 раза (см. Формула 2), а для ударного звука – в 2 (см. Формула 3).

Формула 2 – Определение разницы частотности звуков слова при учете его позиции (по А.П. Журавлеву)

$$k_i = 4 \frac{P_{max}}{P_1}$$

Формула 3 – Определение разницы частотности звуков слова при учете ударности (по А.П. Журавлеву)

$$k_{yg} = 2 \frac{P_{max}}{P_{yg}}$$

После чего выводится формула для теоретического расчета ФЗ слова, где F – фонетическая значимость слова; f_i , – фонетическая значимость очередного (i -того) звука слова; k_i – коэффициент для очередного (i -того) звука; $\sum$ – знак суммы (см. Формула 4) [Журавлев, 1974, с. 46].

Формула 4 – Теоретический расчет ФЗ слова (по А.П. Журавлеву)

$$F = \frac{\sum f_i k_i}{\sum k_i}$$

Используя данные формулы, А.П. Журавлев пришел к выводу, что в большинстве случаев ФЗ коррелирует с семантикой слова. «Звучание создает мощную поддержку признакового значения, еще более усиливая его. Отсюда можно сделать вывод, что между степенью выразительности слова и степенью соответствия его звучания и значения существует прямая связь» [Журавлев, 1974, с. 74].

§ 2.2 Фоносемантический анализ с использованием психолингвистической экспертной системы «ВААЛ»

С появлением компьютеров, возникли и новые варианты анализа фонетической стороны языка. Компьютерные программы с легкостью выполняют те задачи, решение которых являлось достаточно сложным, длительным по времени и обширным по объему. Помимо прочего, они представляют собой лучший вариант массового распространения результатов исследований.

В 90-х гг. прошлого века группа экспертов под руководством М.И. Шалака, а впоследствии и М.Н. Дымшица объединилась с целью исследования и создания компьютерной сервиса, способного анализировать и даже предсказывать эффект воздействия текстов на сознание человека. Эти работы вошли в Проект ВААЛ. Впоследствии тематика исследований расширилась, задач стало больше. Для их решения были спроектированы компьютерные системы, в числе которых наиболее распространенные ВААЛ и Vaal Toolbox [ВААЛ, URL: <http://www.vaal.ru>].

В основу программ положены исследования по психолингвистике, фоносемантике, НЛП, контент-анализу психиатрической лингвистике.

Первые вариации программы ВААЛ производили лишь фоносемантический анализ. В дальнейшем функции были расширены, и программа позволяла определять системы чувственного восприятия, на которые направлено сообщение, а также предлагала варианты редактирования информации в зависимости от нужного результата. Таким образом, программа постоянно совершенствовалась вплоть до девятой версии.

Компьютерный анализ эффектов воздействия звучания речи на аудиторию основан на методиках, представленных в работах А.П. Журавлева: [Журавлев, 1974] и [Журавлев, 1991].

Фоносемантическая оценка текстов в программе ВААЛ может базироваться на 20 шкалах, включающих такие прилагательные, как, например, «прекрасный, светлый, нежный, радостный, возвышенный, бодрый, яркий, сильный, стремительный, медлительный» и др., а также на 24 шкалах пар прилагательных-антонимов, к примеру, «хороший – плохой, красивый – отталкивающий, радостный – печальный, светлый – темный, легкий – тяжелый, безопасный – страшный, добрый – злой, простой – сложный, гладкий – шероховатый, округлый – угловатый, большой – маленький, грубый – нежный, мужественный – женственный» и др. [ВААЛ, URL: <http://www.vaal.ru>].

Каждому звуку русского языка по этим шкалам сопоставлены оценки. С помощью специальных формул на основе этих оценок происходит сопоставление оценки отдельных слов и целых текстов. Носителями языка эти оценки могут не осознаваться, но проведенные эксперименты подтверждают, что воздействие на подсознание человека имеет место, к тому же оно достаточно сильное.

Л.В. Ясман отмечает: «Если звук оказался большим, то это значит только, что он вызывает в подсознании человека некоторое впечатление, синестетически или ассоциативно сходное с впечатлением от восприятия чего-то большого, объемистого... Другими словами этот признак указывает лишь на то, что

впечатление от данного звука вызывает реакцию в той области подсознания, которая реагирует и на другие стимулы, реально допускающие применение данного признака» [Цит.по: ВААЛ, URL: <http://www.vaal.ru>].

В процессе создания и улучшения программы были оценены множество текстов (проповедей, молитв, мантр, заклинаний, заговоров, формул аутогенной тренировки, гипнотических формул, текстов А.М. Кашпиrowsкого, Г.Н. Сытина и др.), благодаря чему стало возможным определить постоянные характеристики подобных текстов и конструировать тексты с похожими признаками.

При оценке эмоционального воздействия слов используются би- и монополярные шкалы, также указывается жанр текста и его звукоцветовая окраска. Оттенок слова отображается полосой, которая одновременно может включать до шести цветов – зеленый, желтый, красный, коричневый, синий и фиолетовый. «С гласными звуками русского языка люди ассоциируют цвета: а,я – красный; о – желтый; э,е – зеленый; и,й – синий; у,ю – темно-синий, лиловый, сиреневый; ы – темно-коричневый или черный» [ВААЛ, URL: <http://www.vaal.ru>].

Оценка слова происходит по монополярным шкалам, каждая из которых включает прилагательное русского языка, числовую оценку от – 100% до +100% и цветную полосу красного или синего цвета в зависимости от знака числовой оценки. Длина полосы пропорциональна абсолютной величине числовой оценки, что позволяет изобразить распределение оценок по всем шкалам наглядно.

Вариант анализа, использующий 20 шкал, включающих прилагательные представлен на Рисунке 2.

Выраженность признака ФЗ слова по определенной шкале показана в программе полоской красного цвета. Если же признак в ФЗ слова подавлен по данной шкале, то высвечивается полоска синего цвета. Если признак не выражен (нейтрален), то это выражается полоской темно-серого цвета.

Рисунок 2 – Фоносемантическая оценка слова в программе «ВААЛ-мини»

Вариант анализа, использующий 24 встроенные биполярные шкалы, представлен на Рисунке 3.

Оценка наличия признака основывается на базе двух антонимов, противоположных по значению. Выяснить, какой признак в слове преобладает, можно также с помощью полос красного и синего цвета, которые обозначены с той же стороны, что и прилагательное: левая колонка – красная полоса, правая – синяя. Нейтральная позиция также обозначается темно-серым цветом.

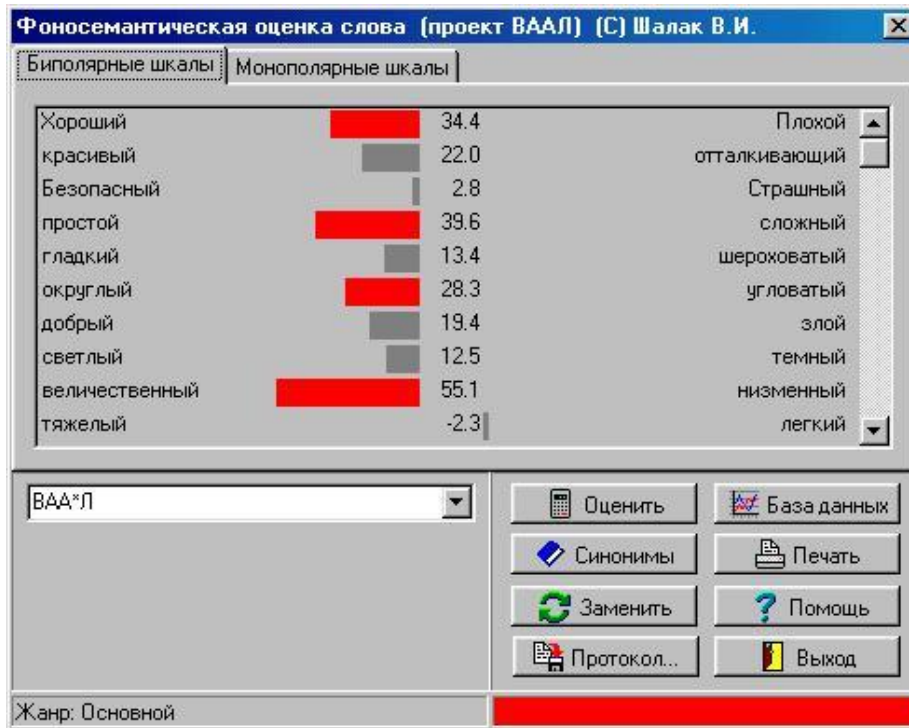
Аналогично оцениваются параметры эмоционального воздействия слова. В программе предложена функция оценки эмоционального воздействия текста на носителей языка. Происходит эта оценка согласно описанному выше алгоритму.

Помощь производителям в подборе названий для продукции позволяет сделать опция «Генерация псевдослов». С помощью системы ВААЛ возможны и другие способы работы со словом и текстом: корректировка текста различных жанров в зависимости от желаемого воздействия на слушателя, полный контент-анализ слов и текстов, словарный анализ (создание словаря), визуализация всех

проведенных подсчетов, эмоционально-лексический анализ, позволяющий выявить фон текста и др.

Рисунок 3 – Фоносемантическая оценка слова в программе «ВААЛ-мини»

В целом система ВААЛ позволяет:

- 1) давать оценку бессознательного эмоциональное воздействие фонетики слов на подсознание человека;
- 2) определять у слов фоносемантическими параметры;
- 3) редактировать сообщение для достижения необходимого результата с точки зрения его воздействия на аудиторию;
- 4) анализировать звукоцветовые соответствия слов и текстов;
- 5) анализировать тексты с позиции словарного состава;
- 6) производить системный контент-анализ текста по необходимому набору и числу категорий, который указывает пользователь;
- 7) систематизировать тексты в зависимости от их тематики;
- 8) анализировать эмоционально-лексический потенциал текстов;

- 9) учитывать социальные и профессиональные группы в зависимости от употребленной лексики;
- 10) повторно анализировать тексты с помощью факторного и корреляционного метода, дополняя их визуально [ВААЛ, URL: <http://www.vaal.ru>].

При проведении экспериментов, описанных в Главе 3, мы обращались к следующим функциям системы ВААЛ: оценка звукоцветовых характеристик слов и текстов и оценка эмоционального воздействия слов и текстов на носителей языка.

§ 2.3 Звукоцветовая характеристика слова и текста с помощью компьютерной программы «Звукоцвет.ру»

Исследование взаимосвязи между буквой, звуком и цветом в ассоциативном аспекте актуально не только для лингвистики, но и (в прикладном плане) для специалистов по массовой коммуникации, маркетологов, дизайнеров, PR-специалистов и др.

Связь между звуковой стороной слова и его цветообозначением, по мнению ряда ученых (С.В. Бекова, Р.В. Алимпиева, Л.И. Донецких, Л.А. Качаева, Л.В. Зубова, Л.В. Краснова, В.С. Манакова, Р.З. Миллер-Будницкая, С.М. Соловьева, Б.А. Оррас, Ю.С. Язикова и др.), закономерная. Так авторы указывают на наличие такой функции текста, как цветообозначение средствами звукобуквенных сочетаний. Путем включения данного явления в контекст произведения автор передаёт эмоциональные переживания героев, которые становятся понятны читателю [Зими́на-Ды́рда, 2001]. Особенности указанного процесса подлежат дальнейшему фоносемантическому изучению применительно к произведениям русской классической литературы.

Стоит помнить, что хотя и все тексты можно исследовать с точки зрения проявления в нем звукоцвета, но только в ряде произведений цветообозначение

задано автором и влияет на понимание и восприятие текста, особенностей стиля его создателя, а также общего художественного замысла.

В большей степени проявление «окрашенности» и её значимость будет наблюдаться в тех текстах, где автор с помощью разнообразных лексических, звуковых средств будет прибегать к этой функции. В первую очередь это описания природы в поэтических и прозаических текстах и уже во вторую – красочные описания героев произведения, интерьера и окружающей обстановки. Но, в любом случае, речь идет о тех произведениях, в которых присутствует подобный авторский замысел, способный повлиять подсознательно на восприятие текста.

Еще на заре XX в. швейцарский лингвист Ш. Балли полагал: «Если звучание слова можно ассоциировать с его значением, то некоторые звукосочетания способствуют чувственному восприятию и вызывают конкретное представление...» [Балли, 2001, с. 75].

Мысль о том, что окраска слов соответствует их названию и звучанию, была доказана Л.Н. Санжаровым совместно с А. Финьковым. С помощью компьютерной программы они затранскрибировали слова-колоративы, произвели анализ гласных, встречающихся в лексеме, и в результате пришли к выводу, что «в звуковом облике слова, называющего цвет, отражается цвет, создаваемый его звуками» [Санжаров, Финьков, 1990, с. 84].

Н.М. Старцева делает предположение о том, что именно с необходимостью наличия отображение цвета в наименовании потребовало замену некоторых названий цветов: «Так, слово «красный» с ударным [а] сменило слово «червонный», обозначавшее красный цвет, но не включавшее в себя ни одного «красного» звука. Аналогичная история произошла со словом «синий», которое первоначально означало «блестящий», а затем было затребовано языком для наименования цвета» [Старцева, 1999, с. 84].

Для анализа текстов и определения степени их «окрашенности» мы предлагаем использовать две программы: «Звукоцвет.ру» [Звуковой анализ

текстов, URL: <http://zvukocvet.ru>] и «ВААЛ-мини» (проект С.И. Шалака) [Проект ВААЛ-мини, URL: <http://www.vaal.ru>]. Основу обеих программ составляют результаты А.П. Журавлева [Журавлев, 1974] и [Журавлев, 1981].

Компьютерный анализ происходит согласно следующему алгоритму. На начальном этапе определяются звукобуквы, которые в дальнейшем подсчитываются (в соответствии с системой А.П. Журавлева). Дополнительно отмечаются те звукобуквы, которые не могут использоваться как самостоятельные лингвистические единицы – Я, Ё, Ю, Й. Указанные звукобуквы подсчитываются в оттенках основных цветов, т. е. как дополнительные атрибуты, которые усиливают цветовосприятие других гласных. В рамках компьютерного анализа синий цвет Й оценивается как незначительный, а при подсчёте применяется коэффициент 0,5. В свою очередь Ё занимает промежуточное положение между О и Е, поэтому подсчитывать данную звукобукву следует не как целое, а разделяя её поровну между указанными выше. Следующий этап – определение общего числа букв в тексте (N), а также частотности гласных в тексте (Pk). Наконец, следует вычислить размах колебаний гласных для текста.

«Полученные частности сопоставляются с обычными (среднестатистическими) для языка и вычисляются нормированные разности этих частотностей, чтобы установить, случайно или нет наблюдаемые в тексте частотности отличаются от нормальных и как именно это происходит. В итоге определяется цветовая гамма анализируемого текста» [Звуковой анализ текстов, URL: <http://zvukocvet.ru>] (см. Таблицу 8).

Программа способна произвести анализ текстов только на русском языке. Тексты, написанные на латинице, не подвергаются звукоцветовой оценке. К тому же в программу не включены данные о цветовом соотношении звуков носителями других языков [Звуковой анализ текстов, URL: <http://zvukocvet.ru>].

Таблица 8 – Звукобуквенная и цветовая гамма в программе «Звукоцвет.ру»

А – густо-красный		
Я – ярко-красный		
О – светло-желтый или белый		
Е – зеленый		
Ё – желто-зеленый		
Э – зеленоватый		
И – синий		
Й – синеватый		
Ю – голубоватый, сиреневый		
У – темно-синий, сине-зеленый, лиловый		
Ы – мрачный темно-коричневый или черный		

Заголовок и длина текста также влияют на результат звукоцветового анализа, по этой причине определенная пунктуация, наличие вводных слов или обращений, к примеру, будут влиять на определение среднего оттенка произведений [Звуковой анализ текстов, URL: <http://zvukocvet.ru>].

Таким образом, данная программа автоматизирует процесс определения преобладающего цвета в слове или тексте с опорой на описанные выше и используемые в данном исследовании методики.

Выводы по Главе 2

Интегративный характер многих областей современного языкознания требует особенного системного подхода к исследованию тех или иных вопросов. К наукам междисциплинарного типа относится и фоносемантика, изучающая смежные лингвистические и психологические явления. Вполне объяснимо, что фундаментальная единица фоносемантического анализа будет сложной и составной по структуре, совмещая в себе свойства нескольких понятий. Такой единицей является звукобуква.

Наше исследование построено на положении А.П. Журавлева о том, что в большинстве случаев ФЗ соответствует семантике слова.

Компьютерные программы позволяют обобщать большие языковые базы данных и дают возможность массового тиражирования результатов исследований.

В данной работе мы используем для компьютерного анализа две программы: «Звукоцвет.ру» и «ВААЛ-мини». В основу программы «ВААЛ-мини» положены исследования по психолингвистике, психиатрической лингвистике, фоносемантике, НЛП, контент-анализу. При разработке алгоритма определения степени эмоционального воздействия фонетики слова на подсознание применяется система звукобукв А.П. Журавлева.

Указанная система была выбрана благодаря возможности применения для подсчётов авторской шкалы для каждой буквы в русском языке. Помимо определения общего количества каждого звука в тексте производится определение оценок отдельных слов и текстов как целого. Поскольку носители языка не придают особого значения конкретным особенностям воздействия звукобуквенных сочетаний на психику, результаты исследования следует соотносить с экспериментальными данными о воздействии текстов на подсознание.

В процессе создания и улучшения программы, были оценены множество текстов, что позволило определить устойчивые характеристики подобных текстов и конструировать тексты с похожими признаками.

При проведении экспериментов, описанных в Главе 3, мы обращались к следующим функциям системы ВААЛ: оценка звукоцветовых характеристик слов и текстов и оценка эмоционального воздействия слов и текстов на носителей языка.

Программа «Звукоцвет.ру» также построена на основе методики А.П. Журавлева. Компьютерный анализ происходит согласно следующему алгоритму. Первоначально происходит подсчет количества каждой звукобуквы, входящей в систему А.П. Журавлева. На начальном этапе определяются звукобуквы, которые в дальнейшем подсчитываются (в соответствии с системой А.П. Журавлева). Дополнительно отмечаются те звукобуквы, которые не могут использоваться как самостоятельные лингвистические единицы – Я, Ё, Ю, Й. Указанные звукобуквы подсчитываются в оттенках основных цветов, т. е. как дополнительные атрибуты, которые усиливают цветовосприятие других гласных. В рамках компьютерного анализа синий цвет Й оценивается как незначительный, а при подсчёте применяется коэффициент 0,5. В свою очередь Ё занимает промежуточное положение между О и Е, поэтому подсчитывать данную звукобукву следует не как целое, а разделяя её поровну между указанными выше. Следующий этап – определение общего числа букв в тексте (N), а также частотности гласных в тексте (Pk). Наконец, следует вычислить размах колебаний гласных для текста.

Данные программы автоматизируют процесс определения преобладающего цвета в слове или тексте с опорой на описанные выше и используемые в данном исследовании методики, положенные в основу работ А.П. Журавлева.

Стоит помнить, что хотя и все тексты можно исследовать с точки зрения проявления в нем звукоцвета, но только в ряде произведений цветообозначение

задано автором и влияет на понимание и восприятие текста, особенностей стиля его создателя, а также общего художественного замысла.

В большей степени проявление «окрашенности» и её значимость будет наблюдаться в тех текстах, где автор с помощью разнообразных лексических средств будет апеллировать к этой функции. В первую очередь это описания природы в поэтических и прозаических текстах и уже во вторую – описания внешности героев произведения, интерьера и окружающей обстановки. Именно поэтому в данном исследовании мы обращаемся к анализу поэтических и прозаических текстов И.А. Бунина, которые, на наш взгляд, отвечают условиям для фоносемантического анализа звукобуквенного и цветового соответствия.

ГЛАВА 3. ФОНОСЕМАНТИЧЕСКИЙ ЗВУКОЦВЕТОВОЙ ПРОФИЛЬ ПРОЗАИЧЕСКИХ И ПОЭТИЧЕСКИХ ТЕКСТОВ ПРОИЗВЕДЕНИЙ

И.А. БУНИНА

§ 3.1 Анализ звукоцвета в поэтических произведениях И.А. Бунина

Звуковой анализ наиболее интересен в поэтических текстах, т.к. именно они предназначены для акустического восприятия и обладают большим количеством фонетических средств выразительности (звукоподражания, звукопись, аллитерации, ассонансы).

В начале прошлого века в лингвистической среде долго не признавалась идея формалистов, которые при изучении поэтического текста утверждали, что звуковая форма стиха превалирует над содержанием: «...восприятия стихотворения обыкновенно тоже сводятся к восприятию его звукового пробраза» [Выготский, 1987, с. 65]. А, по мнению отечественного литературоведа В.Б. Шкловского, стихотворения воспринимаются слушателями в форме неких звуковых «пятен»: «Пятно то приближается, то удаляется и, наконец, высветляется, совпадая с созвучным словом» [Шкловский, 1919, с. 21].

О важности звука при восприятии стихотворного текста говорил и крупнейший специалист по проблемам поэтики Л.П. Якубинский: «В стихотворно-языковом мышлении звуки всплывают в светлое поле сознания; в связи с этим возникает эмоциональное к ним отношение» [Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона, 1891, с. 49]. На основе данного отношения уже формируется взаимозависимость звучания и содержания слова.

В начале развития соцреалистического искусства такие идеи, провозглашающие изучать произведение от формы к содержанию, не могли быть приняты и поддержаны формалистами, литературное направление которых признавалось «антиреалистическим художественным методом, для которого характерно... произвольное экспериментирование в области формы и который

составил основу таких упадочных течений, как футуризм, кубизм, экспрессионизм... и др.» [Санжаров, 1997, с. 44].

Но вопросы о связи значения и звучания продолжали волновать самих писателей. В особенности проблемы звуко-символизма были интересны поэтам-символистам. Они старались найти особый подход к созданию произведений поэзии, который позволял бы достичь абсолютной гармонии чувственного содержания и приемов его выражения. Такая целенаправленность привела символистов к изучению проблем ФЗ.

Так, например, К.Д. Бальмонт, А. Белый, А.А. Блок полагали, что «звуковая материя слова наделена высоким смыслом и, как любая материальность, является только представителем духовной субстанции» [Старцева, 1999, с. 85]. Поэты наделяли звучание слова эмоциональными характеристиками, искали связь звука с определенными образами.

Кроме использования символизма ФЗ в своих произведениях, обращаясь к вопросам теории поэтического языка, в работах отдельных поэтов мы сталкиваемся с осмыслением проблем звуковой символики и её воздействия на подсознание человека. Например, подобные вопросы раскрывают работы К.Д. Бальмонта «Поэзия как волшебство» и А. Белого «Глоссолалия». А. Белый обозначал роль звука в языке таким образом: «Звук – круг кругов: можно в образах мыслить отчетливо, если найти звук единый, связующий... Звук безобразен, беспонятен, но – осмыслен; если бы он развил смысл безотносительно к данным смыслам понятий, за материалом слова мы могли б, проницая словесность, до дна проницать и себя, свою скрытую суть мы могли бы увидеть, и звуко-слово – опыт, восстановление мироздания в нем» [Белый, 1922, с. 31]. В дополнение поэт описывает многочисленные семантические признаки звуков: «Звук [а] – белый, летящий открыто; многообразие раскрытых рук выражает он; полнота души – в нем; благословение, поклонение, удивление, воспринимающее начало есть – [а]...» [Там же, с. 106].

Умозаключения, к которым приходят поэты-символисты, безусловно, субъективны, но они одни из первых в отечественной филологии, кто обратил свое внимание на связь звука и значения слова. И подобное внимание поэтов к звучащей стороне стиха позволяет нам рассматривать звуковой символизм, а звукоцвет в частности, как неотъемлемую характеристику стиля прозаика или поэта.

В данной работе мы обратимся к исследованию звукоцветового значения произведений И.А. Бунина, поэзия и проза которого необычайно выразительна вообще и в цветовом плане особенно.

Один из известных и наиболее значимых русских писателей – Иван Алексеевич Бунин. Отличительной чертой его творчества является тот факт, что он одинаково гениально работал как в направлении прозы, так и поэзии. Именно стихи И.А. Бунина стали отправной точкой дальнейших циклов рассказов: поэтические произведения считаются жемчужиной периода Серебряного века. По словам самого писателя, он «всё-таки... прежде всего поэт. Поэт! А уж потом только прозаик» [Интернет-библиотека Алексея Комарова, URL: <http://www.ilibrary.ru>]. Отметим, что Иван Алексеевич работал в собственной манере и не относился к литературным течениям своего времени.

Своеобразие поэзии Бунина и сегодня вызывает дискуссии литературоведов и лингвистов: в буквальном смысле это скорее проза, выраженная в стихотворной форме. Стихи поэта живые, красочные, образные, а описание явлений в них проработано с особенной детализированностью. Интересна точка зрения Ю. Айхенвальда, который называл стихи Бунина «хорошим старым», которое в эпоху модерна смотрелось особенно свежо и ярко [Айхенвальд, 1917, с. 156].

В основе поэтических произведений поэта лежат традиции таких русских корифеев, как А.С. Пушкин, Ф.И. Тютчев, А.А. Фет.

В стихах Бунина человек – это часть природы, который всячески стремится к воссоединению с ней. При этом именно в природной красоте автор видит больше гармонии, как и его предшественник – А.С. Пушкин. Природное

великолепие Бунина – не статичное, а постоянно развивающееся. Мы видим разнообразие стихий, переход из одного состояния в другое. Такое отображение «живой» природы также свойственно стихам Ф. Тютчева.

Желание запечатлеть особый лирический миг, «остановить мгновенье» также сопутствует поэзии И.А. Бунина, что роднит ее с творчеством А.А. Фета.

Лирическое восприятие действительности в текущем моменте, свойственное поэзии А.А. Фета, также встречается в произведениях И.А. Бунина. Именно пейзажная лирика составляет основу поэтического творчества писателя: обратившись к ней на рубеже столетий, он продолжает работать над ней и в дальнейшем. Вместе с тем нельзя говорить о быстром признании И.А. Бунина как поэта: впервые Бунин опубликовал стихотворение в 17-летнем возрасте, но только спустя десять лет получил Пушкинскую премию Академии наук (сборник «Листопад») [Википедия, URL: <https://www.wikipedia.org>].

Отличительной чертой пейзажной лирики Бунина становится её образность, красочность, звуковая мелодичность и наполненность, так несвойственная символистам.

Представим анализ стихотворений Бунина с точки зрения фоносемантического звукоцветового подхода. Обратимся к стихотворению «Осыпаются астры в садах» (1888 г.).

*«Осыпаются астры в садах,
Стройный клён под окошком желтеет,
И холодный туман на полях
Целый день неподвижно белеет.
Ближний лес затихает, и в нём
Показались всюду просветы,
И красив он в уборе своём,
Золотистой листвою одетый.
Но под этой сквозною листвой
В этих чащах не слышно ни звука...
Осень веет тоской,
Осень веет разлукой!*

Поброди же в последние дни

*По аллее, давно молчаливой,
И с любовью и с грустью взгляни
На знакомые нивы.
В тишине деревенских ночей
И в молчанье осенней полночи
Вспомни песни, что пел соловей,
Вспомни летние ночи
И подумай, что годы идут,
Что с весной, как минует ненастье,
Нам они не вернут
Обманувшего счастья...» [Бунин, 2018, с. 312].*

Структурно оно представлено двумя строфами, написанными в размере трехстопного анапеста. Строфы имеют незначительное тематическое отличие. В первой части повествуется о наступлении осени, которое символизирует тоску и разлуку:

*«Осень веет тоской,
Осень веет разлукой!» [Там же].*

Во второй строфе И.А. Бунин использует прием антитезы: автор рассматривает тихую осень как противопоставление жизнерадостности весны и лета. Осень в данном случае – период увядания, а весна – молодости.

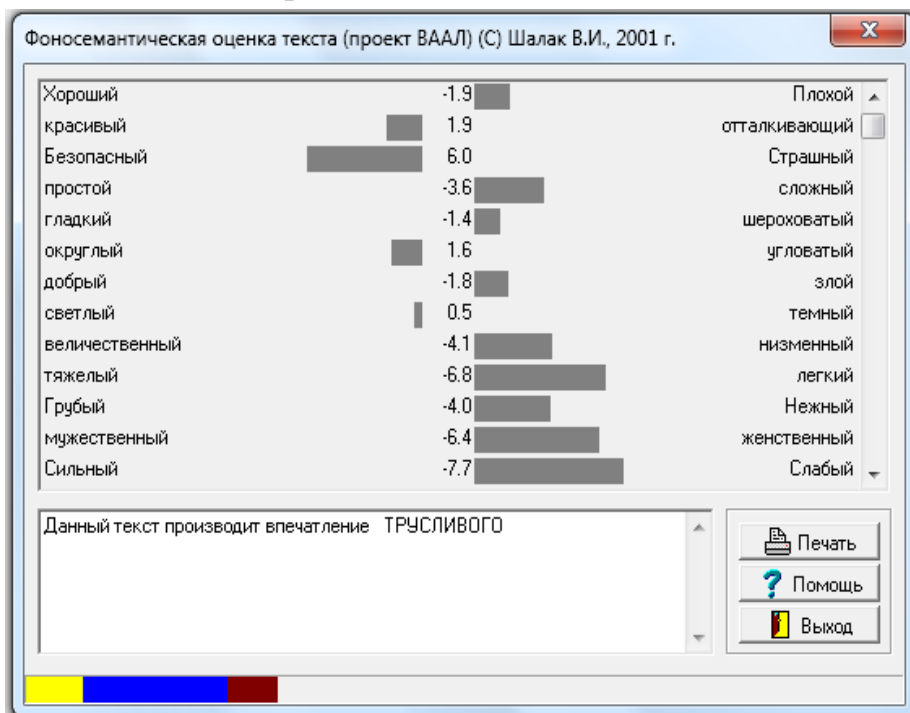
Многочисленное использование эпитетов позволяет дополнительно окрасить текст, составить яркое представление об осени и пейзажах (например, «холодный туман», «стройный клен», «молчаливая аллея», «золотистая листва»). Таким образом поэт рисует единую картину осенней природы, которая создает целостное восприятие действительности в движении, а не статике.

Особенно привлекает бунинская поэзия своим ярким цветоописанием, которое выражается через целую палитру характеристик природных явлений. Пейзаж играет красками, а цвета становятся постоянными составляющими текста. Следовательно, понимание особенностей цветовосприятия текста позволит лучше понять специфику произведений И.А. Бунина и восприятия его текстов.

С помощью методики, разработанной А.П. Журавлевым [Журавлев, 1974, с. 74] и компьютерной программы «Звукоцвет.ру» [Звуковой анализ текстов, URL: <http://zvukocvet.ru>], определяем средний цветовой фон текста стихотворения. Сначала используем систему ВААЛ, полностью построенную на предложенных А.П. Журавлевым методах при подсчете звукобукв, выявлении их частотности и информативности, а также цветового значения. В результате получаем преобладающий показатель *синего* цвета и характеристику *трусливый* (см. Рисунок 4), во втором – средний цвет текста *циан*: гамма холодных густых сине-зеленых оттенков (см. Рисунок 5).

В данном стихотворении прослеживается четкая зависимость между семантикой прилагательных, которая обладает яркой цветовой образностью, и средним цветом данного текста.

Рисунок 4 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Осыпаются астры в садах» системой «ВААЛ-мини»

Смысловая характеристика произведения выражается в общем печальном настроении, которое прослеживается через использование таких ярких цветowych прилагательных, как *молчаливой*, *холодный*, *осенней*, существительного *полночи*,

четко выделяющихся на фоне общего текста. В строках чувствуется печаль об ушедшем и невозвратном счастье, которое никак не связано с временами года и не возродится весной. Природа в стихотворении рассматривается по аналогии с судьбой и жизнью человека: так же, как осень сменяет весну и лето, происходит смена событий в жизни людей. При этом прошлое остаётся далеко, оно безвозвратно, в отличие от цикла природы. Анализ звукоцветовых соответствий доказывает их высокое значение в формировании целостного образа произведения.

Рисунок 5 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Осыпаются астры в садах» программой «Звукоцвет.ру»

И.А. Бунин

Осыпаются астры в садах

Осыпаются астры в садах,
 Стройный клен под окошком желтеет,
 И холодный туман на полях
 Целый день неподвижно белеет.
 Ближний лес затихает, и в нем
 Показались всюду просветы,
 И красив он в уборе своем,
 Золотистой листвою одетый.
 Но под этой сквозною листвою,
 В этих чашах не слышно ни звука...
 Осень веет тоской,
 Осень веет разлукой!
 Поброди же в последние дни
 По аллее, давно молчаливой,
 И с любовью и с грустью взгляни
 На знакомые нивы.
 В тишине деревенских ночей
 И в молчанье осенней полночи
 Вспомни песни, что пел соловей,
 Вспомни летние ночи
 И подумай, что годы идут,
 Что с веской, как минует ненастье,
 Нам они не вернут
 Обманувшего счастья...*

Дата звукоцветового анализа: 27.07.2018

Средний цвет произведения
 R:0 G:186 B:170 HEX: #00BAAD

Произведение попадает в **циан** каталог.

Обратимся к анализу еще одного стихотворения – «Сказка», которое И.А. Бунин создал в 1902 г.

*«...И снилось мне, что мы, как в сказке,
Шли вдоль пустынных берегов
Над диким синим лукоморьем,
В глухом бору, среди песков.*

*Был летний светозарный полдень,
Был жаркий день, и озарен
Веет, лес был солнцем, и от солнца
Веселым блеском напоен.*

*Узорами ложились тени
На теплый розовый песок,
И сипни небосклон над бором
Был чист и радостно-высок.*

*Играл зеркальный отблеск моря
В вершинах сосен, и текла
Вдоль по коре, сухой и жесткой,
Смола, прозрачнее стекла...*

*Мне снилось северное море,
Лесов пустынные края...
Мне снилась даль, мне снилась сказка –
Мне снилась молодость моя» [Бунин, 2018, с. 346].*

При выявлении художественного замысла стихотворения важное значение имеют и его тематика, заявленная в наименования, и анализ средств выразительности, а также их лексических значений: сравнения (как *рельсы, прозрачнее стекла, как в сказке*), эпитеты (*диким, пустынных, глухом, веселый, радостный, светозарный, чист, скучно, радостно-высок, сонно, пустынно, холодном, сказочным, прелестный, прозрачной* и др.).

Анализируем цветовой фон данного стихотворения, поскольку возникновение определенных ощущений и эмоций происходит благодаря словам с цветовыми характеристиками. Уделяем внимание словам, которые обозначают цвет общепринято (*синий, розовый, светозарный*) и отдельным лексемам,

содержащим цветовую семантику (*блеск, радостно-высок, лукоморье, северное море, отблеск моря* и др.). Производим анализ звукобуквенных соответствий с помощью программы «Звукоцвет.ру», в которой можно получить общее соотношение звукоцветовых соответствий, другими словами, «средний» цвет текста.

По результатам анализа стихотворения «Сказка» программа «Звукоцвет.ру» выдает оттенок *зеленого* цвета (см. Рисунок 6). Полученная цветовая характеристика коррелирует и с узуальными обозначениями цвета, и с отдельными словами, которые по значению обладают признаком цвета, и в целом с идейной линией произведения: *сказка-молодость-зелень-лето-ощущение радости жизни*.

Рисунок 6 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Сказка» программой «Звукоцвет.ру»

И.А. Бунин*

Сказка

...И снилось мне, что мы, как в сказке,
 Шли вдоль пустынных берегов
 Над диким синим лукоморьем,
 В глухом бору, среди песков.
 Был летний светозарный полдень,
 Был жаркий день, и озарен
 Вет, лес был солнцем, и от солнца
 Веселым блеском напоен.
 Узорами пожилась тени
 На теплый розовый песок,
 И синий небосклон над бором
 Был чист и радостно-высок.
 Играл зеркальный отблеск моря
 В вершинах сосен, и текла
 Вдоль по коре, сухой и жесткой,
 Смола, прозрачнее стекла...
 Мне снилось северное море,
 Песов пустынные края...
 Мне снилась даль, мне снилась сказка –
 Мне снилась молодость мод.*

Дата звукоцветового анализа: 27.07.2018

Средний цвет произведения
 R:0 G:177 B:112 HEX: #00B170

Произведение попадает в **циан** каталог.

Начало и конец стихотворения объединены образом несбыточного и волшебного, переданного Буниным в слове *сказка*. Этот образ у поэта соединен с ощущением легкости и расцвета жизни в молодости, воспоминание о которой соответствует мотивам весны и лета, их ярких и светлых красок.

Кульминацией подобного сопоставительного ряда оказывается параллель между возрождением жизни, обновлением в природе и ощущением радости лирического героя.

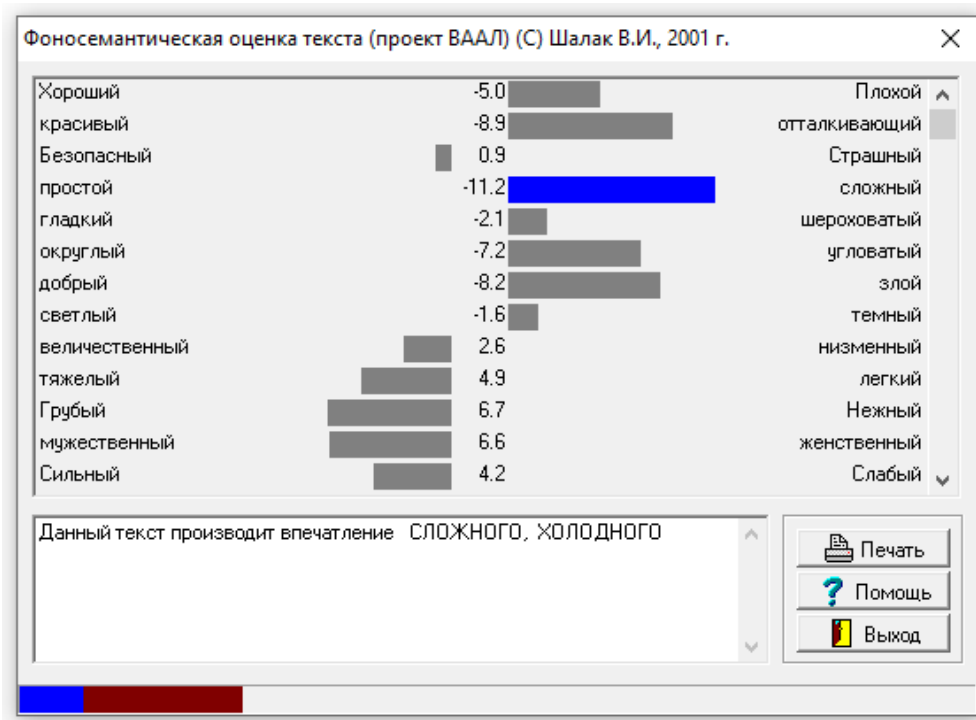
По результатам приложения системы «ВААЛ» стихотворение «Сказка» обладает эмоционально-оценочными признаками *сложный* и *холодный* с выявленным *синим* и преобладающим *коричневым* цветом (см. Рисунок 7).

Автор не скрывает, а даже прямо указывает на подобные соответствия в своих произведениях:

*«... Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия»* [Бунин, 2018, с. 578].

Таким образом, анализ первого стихотворения показывает схожие результаты по звукоцветовому значению, т.к. *синий* и *зеленый* цвета, относящиеся к холодным оттенкам, близки и по нахождению в цветовой гамме, а значит, способствуют созданию схожего эмоционального состояния. Анализ же второго стихотворения показал разные преобладающие цветовые характеристики. Полученный цвет в программе «Звукоцвет.ру» (*зеленый*), как видно из Рисунка 6, наблюдается в первой части стихотворения, где сама тематика соответствует и цветовой символике. *Коричневый* и *синий* цвета, обозначенные программой «ВААЛ», представлены в заключительной части произведения и связаны с воспроизведением мироощущения автора в этой части стихотворения.

Рисунок 7 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Сказка» системой «ВААЛ-мини»

При выборе для фоносемантического звукоцветового анализа стихотворений, написанных примерно в один и тот же промежуток времени и на сходную тематику, получаем похожие показатели. Для примера проанализируем стихотворение «Все лес и лес. А день темнеет...» 1899 г., близкое по тематике стихотворению «Осыпаются астры в садах» 1888 г.

«Все лес и лес. А день темнеет;

Низы синеют, и трава

Седой росой в лугах белеет...

Проснулась серая сова.

На запад сосны вереницей

Идут, как рать сторожевых,

И солнце мутное Жар-Птицей

Горит в их дебрях вековых» [Интернет-библиотека Алексея Комарова, URL: <http://www.ilibrary.ru>].

Программа «Звукоцвет.ру» определяет *светло-зеленый* цвет (см. Рисунок 8), а система «ВААЛ» – *зеленый* цвет (см. Рисунок 9).

Рисунок 8 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Все лес и лес...» программой «Звукоцвет.ру»

И.А. Бунин*

Все лес и лес...

Все лес и лес. А день темнеет,
 Низы синеют, и трава
 Седой росой в лугах белеет...
 Проснулась серая сова.

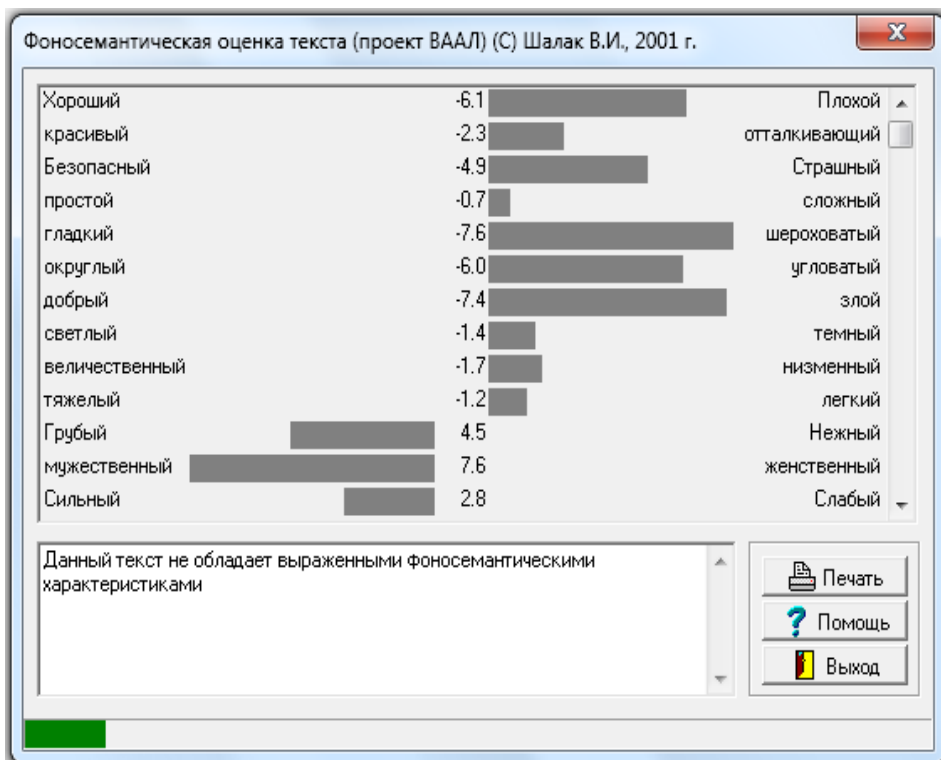
На запад сосны вереницей
 Идут, как рать сторожевых,
 И солнце мутное Жар-Птицей
 Горит в их дебрях вековых.

Дата звукоцветового анализа: 27.07.2018

Средний цвет произведения
 R:101 G:255 B:126 HEX: #65FF7E

Произведение попадает в **светло-зелёный** каталог.

Рисунок 9 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Все лес и лес...» системой «ВААЛ-мини»

В тексте произведения присутствуют слова, обозначающие цвет и световые оттенки (*темнеет, синеют, седая, белеет, серая, мутное*), а также авторские лексемы, которые обладают цветовой семантикой, не выраженной напрямую, но возникающей в сознании читателя при прочтении (*лес, день, трава, роса, луга, сосны, солнце, Жар-Птица, горит*). Благодаря наличию слов-колоративов пейзажная тематика стихотворения становится более ярко-выраженной. Она соотносится с цветами, выявленными программами (см. Рисунок 8 и 9).

Обратимся к анализу стихотворения «Ещё и холоден и сыр...» (1901 г.).

*«Еще и холоден и сыр
Февральский воздух, но над садом
Уж смотрит небо ясным взглядом,
И молодеет божий мир.*

*Прозрачно-бледный, как весной,
Слезится снег недавней стужи,
А с неба на кусты и лужи
Ложится отблеск голубой.*

*Не налюбуюсь, как сквозят
Деревья в лоне небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Как снегири в кустах звенят.*

*Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия» [Бунин 2001: 258].*

Для описания прихода весны И.А. Бунин использует эпитеты (*ясный взгляд, прозрачно-бледный снег, жадный взор*). Природа у поэта олицетворена: *смотрит небо ясным взглядом, слезится снег, молодеет Божий мир, ложится отблеск, сквозят деревья, светит любовь и радость бытия*.

Это стихотворение включает указание и на звуки (*снегири в кустах звенят*), и на цветовые образы. Практически каждая строка содержит обозначение цветового оттенка. В первых двух строках читатель сначала «вдыхает» ещё

холодный и сырой февральский зимний воздух. При этом ассоциативно возникают *белый* и *серый* цвета, соответствующие этому времени года. В третьей строчке небо уже *смотрит ясным взглядом*. Благодаря глаголу настоящего времени *молодеет* в четвертой строке цветовые и эмоциональные ощущения из предыдущих строк закрепляются. И в следующей строфе первым выступает эпитет *прозрачно-бледный*, которое содержит в себе и семантику цветов последнего зимнего месяца. При этом у Бунина он уже весенний, так как поэт использует сравнение *как весной*. И к концу строки мы отмечаем, что оттенок меняется – *ложится отблеск голубой*.

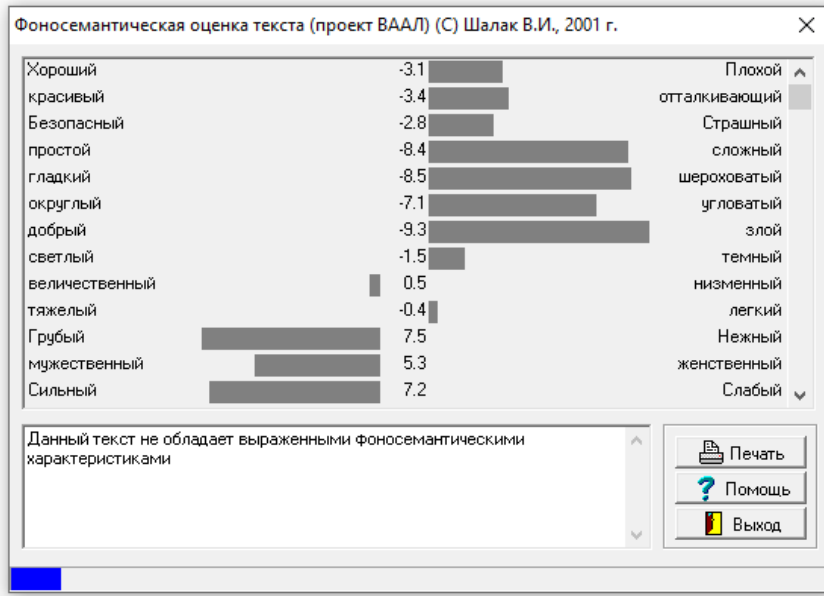
Третья строфа содержит не только зрительное впечатление окружающего мира, но и слуховое: читатель слышит *сладкий* звон снегирей. Заканчивает свое стихотворение И.А. Бунин утверждением, что пейзаж, созданный в природе и градационно запечатленный в произведении, не самое главное. Поэту важно ощущение, которое рождается в природе, благодаря появлению весенних деталей в зимнем образе: «*Любовь и радость бытия*» [Там же].

Жизнеутверждающий мотив этого стихотворения выражен автором с помощью светлых оттенков и цветов. При анализе данного произведения с помощью системы «ВААЛ» мы получаем *синий* цвет, что полностью соответствует лексемам и образам стихотворения (см. Рисунок 10).

Программа «Звукоцвет.ру» выделяет данное произведение в *зелёный* каталог, окрашивая текст стихотворения в *светло-зелёный* цвет (см. Рисунок 11). Оттенки, выявленные обеими программами, соответствуют образным составляющим стихотворения. Описывая зимний пейзаж, И.А. Бунин делает акцент в завершении стихотворения именно на чувствах *любви* и *радости*, которые возникают у лирического героя при наблюдении за тем, как оживает природа после сна, как *молодеет Божий мир*. *Синий* цвет соответствует прилагательному *голубой, ясный*, т.к. оба они относятся к описанию неба. *Зелёный* оттенок, выявленный во второй программе, соответствует образу весны, который нарастающими деталями, красками и звуками появляется в стихотворении ярче от

начала к завершению. И этот оттенок в данном контексте является логичным при выстраивании в сознании дальнейшего весеннего пейзажа.

Рисунок 10 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Ещё и холоден и сыр...» системой «ВААЛ-мини»

Рисунок 11 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Ещё и холоден и сыр...» программой «Звукоцвет.ру»

Бунин

Ещё и холоден и сыр

Еще и холоден и сыр
Февральский воздух, но над садом
Уж смотрит небо ясным взглядом,
И молодеет божий мир.
Прозрачно-бледный, как весной,
Слезится снег недавней стужи,
А с неба на кусты и лужи
Ложится отблеск голубой.
Не налюбуюсь, как сквозят
Деревья в лоне небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Как снегири в кустах звенят.
Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия.

Дата звукоцветового анализа: 07.02.2022

Средний цвет произведения
R:122 G:188 B:38 HEX: #7ABC26

Произведение попадает в **зелёный** каталог.

Обращаемся к анализу стихотворения «Дымится поле, рассвет белеет», написанному также в 1901 г.

*«Дымится поле, рассвет белеет,
В степи туманной кричат орлы,
И дико-звонок их плач голодный
Среди холодной плывущей мглы.*

*В росе их крылья, в росе бурьяны,
Благоухают поля со сна...
Зарю сладок твой бодрый холод,
Твой томный голод, – твой зов, весна!
Ты победила, – вся степь дымится,
Над степью властно кричат орлы,
И тучи жарким горят пожаром,
И солнце шаром встает из мглы!»* [Бунин, 2001, с. 259].

Получаем сходные результаты при звукоцветовом анализе в разных программах и соответствии цветовых и лексических значений. Система «ВААЛ» определяет данный текст как *угловатый, грубый, мужественный* и присваивает два оттенка: *синий* и *коричневый* (см. Рисунок 12).

Рисунок 12 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Дымится поле, рассвет белеет» системой «ВААЛ-мини»

Программа «Звукоцвет.ру» в качестве «среднего» цвета этого стихотворения выдает *темно-фиолетовый*, относя текст к *серому* каталогу (см. Рисунок 13).

Тематика этого стихотворения посвящена весеннему образу, как и в предыдущем стихотворении «Ещё и холоден и сыр...». Но в данном тексте весна предстаёт перед читателем в ином облике. Она не олицетворяет зелень или свежесть. Текст произведения наполнен темными и серыми оттенками: *дымится, в степи туманной, холодная мгла*. И.А. Бунин использует не только прилагательные и существительные, обладающие семантикой цвета (*туманная, рассвет, мгла, заря, тучи, пожар, солнце*), но и глагольные формы с целью цветопередачи: *дымится, белеет, горят пожаром*.

Рисунок 13 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Дымится поле, рассвет белеет» программой «Звукоцвет.ру»

И.А.Бунин

Дымится поле, рассвет белеет
 Дымится поле, рассвет белеет,
 В степи туманной кричат орлы,
 И дико-звонок их плач голодный
 Среди холодной плывущей мглы.
 В росе их крылья, в росе бурьяны,
 Благоухают поля со сна...
 Зарю сладок твой бодрый холод,
 Твой томный голод, — твой зов, весна!
 Ты победила, — вся степь дымится,
 Над степью властно кричат орлы,
 И тучи жарким горят пожаром,
 И солнце шаром встает из мглы! *

Дата звукоцветового анализа: 09.02.2022

Средний цвет произведения
 R:83 G:40 B:95 HEX: #53285F

Произведение попадает в **серый** каталог.

Благодаря этим формам картина, возникающая в сознании при прочтении стихотворения, не монументальна и статична, она динамично, градационно передает главный образ стихотворения – весны.

В данном тексте этот образ противопоставлен темным образам *сна, мглы, холода, голода*. Весна *побеждает* над уходящей ночью и сопоставлена лирическим героем с образом *рассвета, солнца и зари*. И так же, как и в предыдущем анализируемом нами стихотворении «Ещё и холоден и сыр», приход весны *означает* победу жизни над *мглой и холодом*.

Оба последних текста построены на антитезе и завершаются интонационно и семантически восторженно. Логичны и понятны характеристики, которыми наделяет стихотворение «Дымится поле, рассвет белеет» программа «ВААЛ»: *угловатый, грубый, мужественный* (см. Рисунок 12).

Эти признаки соотносятся с основной идеей стихотворения, а также образами (*властно кричат орлы, твой голод, твой зов*) и эмоциональной окраской текста (в нем присутствуют восклицательные предложения, отмечена постановка тире). Стихотворение поделено на две строфы как на две части: первое четверостишие звучит как вступление, он плавно и спокойно. А вторая часть кульминационна, полна действий, звуков (*кричат, зов*).

Сочетание цветовых оттенков в обеих программа совпадает. Программа «Звукоцвет.ру» наделяет текст этого произведения *тёмно-фиолетовым* оттенком, и программа «ВААЛ» выдает сочетание *синего* и *коричневого*, которые тоже в соединении дают *фиолетовый* цвет.

С точки зрения семантики слов этого произведения, *серый* каталог, к которому относит его Звукоцвет.ру, тоже весьма понятен и объясним. *Серый* цвет ассоциируется при прочтении слов *туманная степь, плывущая мгла, белеет, степь дымится*. И так как образ зари и солнца возникает только в завершении стихотворения, то их цветовая семантика не выявляется обеими программами, хотя в сознании читателя отчётливо присутствуют желтые, красные тона.

В 1903 г. И.А. Бунин пишет стихотворение «Первый утренник, серебряный мороз!»:

*«Первый утренник, серебряный мороз!
Тихина и звонкий холод на заре.
Свежим глянец зеленеет след колес
На серебряном просторе, на дворе.*

*Я в холодный обнаженный сад пойду –
Весь рассеян по земле его наряд.
Бирюзой сияет небо, а в саду
Красным пламенем настурции горят.*

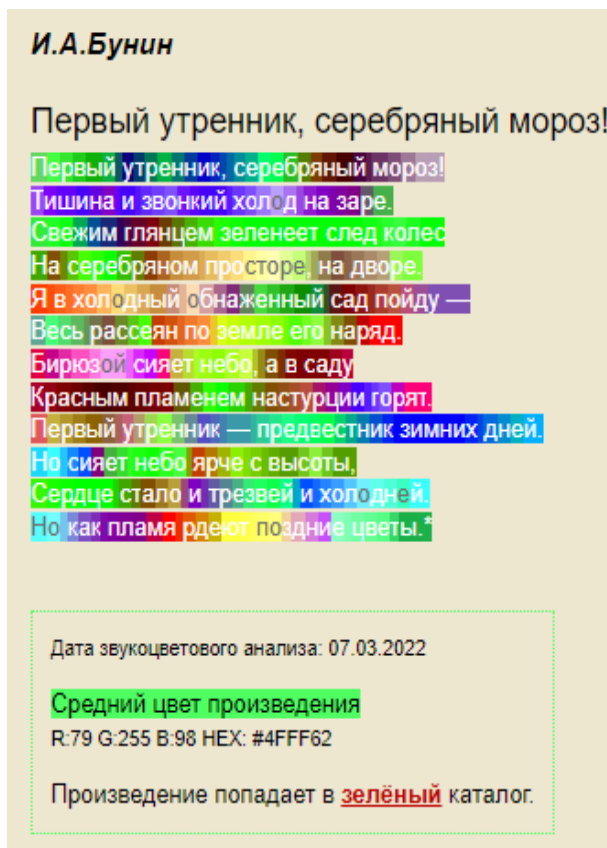
*Первый утренник – предвестник зимних дней.
Но сияет небо ярче с высоты,
Сердце стало и трезвей и холодней.
Но как пламя рдеют поздние цветы»* [Бунин, 2001, с. 263].

Его тематика схожа с содержанием предыдущих стихотворений, которые были нами разобраны. Пейзажная лирика – главная в творчестве поэта, в ней он выражает свою жизненную философию. При этом поэт вскользь выражает авторскую позицию, которая переплетается с описаниями природы и ее состояний.

Так, стихотворение «Первый утренник, серебряный мороз!» посвящено описанию поздней осени в саду. Лирический герой исполнен радости от первого мороза, пришедшего в еще цветущий сад, хотя уже и *обнаженный*. Как и в предыдущих стихотворениях у Бунина встречается слова с цветовой семантикой: *серебряный, зеленеет, бирюза, красный*. Этим лексемам помогают выстроить цветовой и эмоциональный фон произведения также слова, не выражающие какой-либо оттенок напрямую, но обладающие отсылкой к ним: *утренник, мороз, заря, глянец, обнажённый, наряд, сияет, небо, пламя, настурции*.

Программа «Звукоцвет.ру» присваивает этому тексту яркий *светло-зелёный* цвет, определяя произведение в *зелёный* каталог (см. Рисунок 14). Соотносим этот цвет с образом ещё *зеленеющего и цветущего* сада.

Рисунок 14 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Первый утренник, серебряный мороз!..» программой «Звукоцвет.ру»

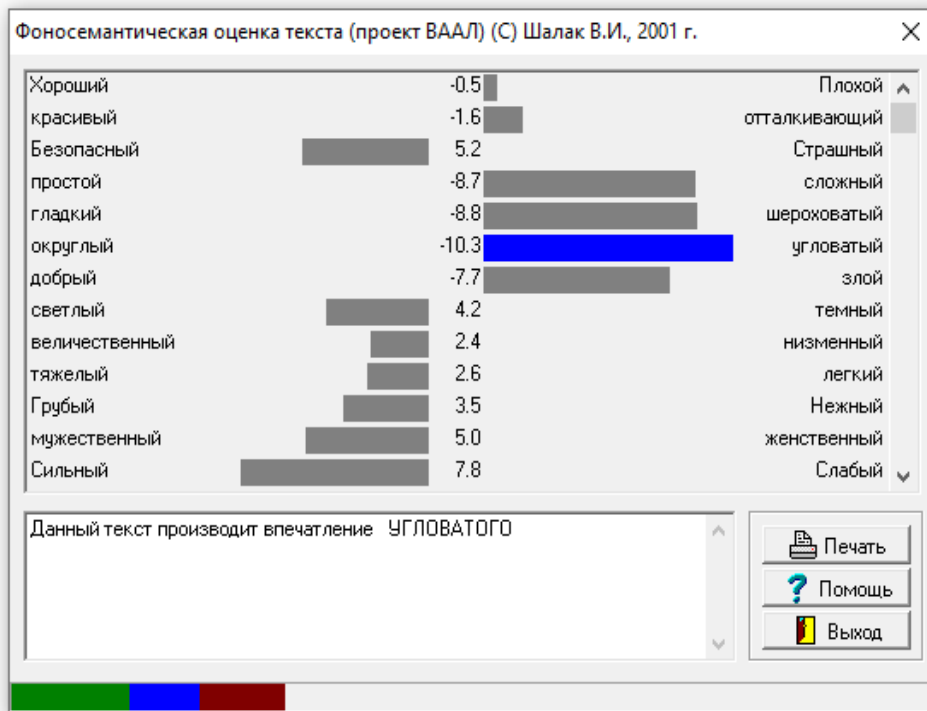

А программа «ВААЛ» выделяет *зелёный, синий и коричневый* цвет произведения и дает фоносемантическую характеристику *угловатый* (см. Рисунок 15).

Обозначенные этой системой цвета тоже легко объяснимы, если мы обратимся к образам морозного *серебряного* утра и ярко *сияющего бирюзой* неба. *Коричневый* связан с лексемами *след колес, земля*, которые содержат отсылку к этому оттенку. Признак *угловатый*, на наш взгляд, связан с идейным содержанием стихотворения: лирический герой, любясь изменениями и преображениями осеннего пейзажа, выражает некую тревогу и грусть: «Сердце стало и трезвей и холодней» [Там же].

Это противопоставление красоты переходного состояния природы и мироощущения человеческого сердца и наделяет текст стихотворения выявленным программой ВААЛ признаком *угловатости*.

Рисунок 15 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Первый утренник, серебряный мороз!..» системой «ВААЛ-мини»

Далее рассмотрим стихотворение «Небо», которое И.А. Бунин пишет также в начале XX в., а именно в 1903-1905 гг. Тематически стихотворение тоже относим к пейзажно-философской лирике:

*«В деревне капали капли,
 Выл теплый солнечный апрель.
 Блестели вывески и стекла,
 И празднично белел отель.*

*А над деревней, над горами,
 Раскрыты были небеса,
 И по горам, к вершинам белым,
 Шли темно-синие леса.*

*И от вершин, как мрамор чистых,
 От изумрудных ледников
 И от небес зеленоватых
 Тянуло свежестью снегов.*

*И я ушел к зиме, на север.
 И целый день бродил в лесах,*

*Душой теряясь в необъятных
Зеленоватых небесах.*

*И, радуясь, душа стремилась
Решить одно: зачем живу?
Зачем хочу сказать кому-то,
Что тянет в рту синеву,*

*Что прелость этих чистых красок
Словами выразить нет сил,
Что только небо - только радость
Я целый век в душе носил?» [Бунин, 2001, с. 266].*

Стихотворение состоит из шести строф, в каждой из которых представлен свой образ. Первое четверостишие повествует о «солнечном апреле», приходе в деревню тёплой весны. Во второй строфе дается описание неба и лесов. В третьей и четвертой строфе лирический герой устремляется от весны к зимней свежести и снегу. Последние два четверостишия посвящены философскому размышлению о чувствах героя на фоне пейзажа.

Стихотворение наполнено яркими, светлыми образами, обладающими цветовой семантикой (*капель, солнечный апрель, небеса, горы, ледники, снега, леса, мрамор*). Чувства и эмоциональный фон текста позитивны, это выражено в словах *празднично, радуясь, радость*.

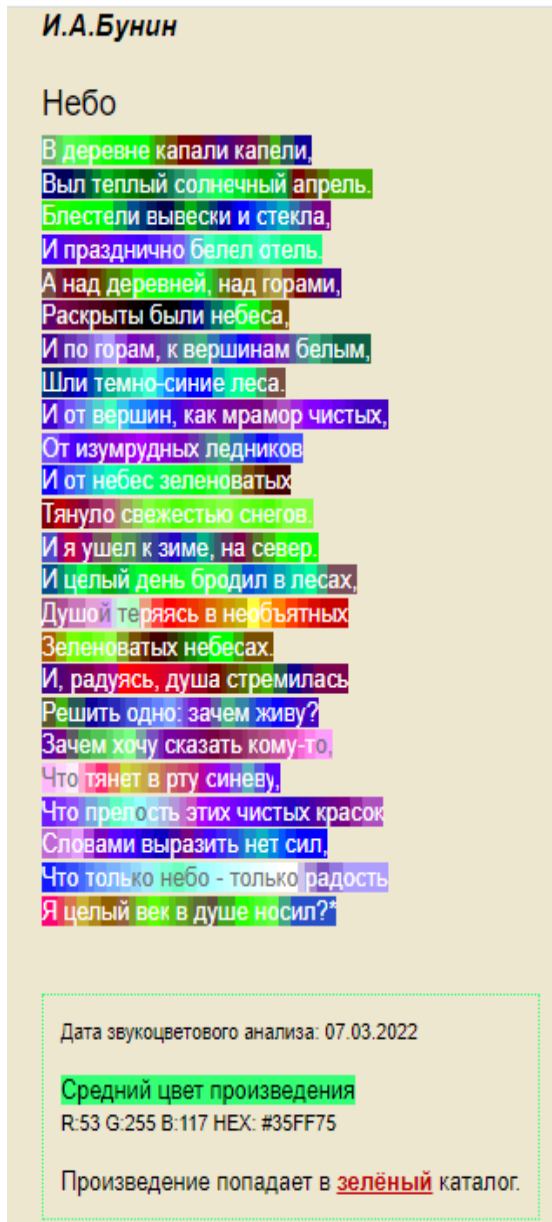
Для фоносемантического анализа выделяем слова, называющие цвета: *белел, белым, темно-синие, изумрудные, зеленоватые, синева*.

Душа лирического героя переполнена *радостью*, он наслаждается уединением с природой и *чистотой красок*. Программа «Звукоцвет.ру» определяет это стихотворение в зелёный каталог, присваивая тексту яркий светло-зеленый цвет (см. Рисунок 16). И это вполне объяснимо присутствием слов с семантикой *зеленого* цвета (*изумрудные, зеленоватые* (повторяется дважды), *леса*).

При анализе текста стихотворения в системе «ВААЛ» получаем *зеленый, синий и коричневый* цвета (см. Рисунок 17). Слов, называющих *синий* цвет также в

тексте достаточно (*небеса, темно-синие, синева*). *Коричневый* цвет связан, на наш взгляд, с образом деревни, ассоциацией с тающими снегами и обнажающейся в апреле земли, образом гор, стволов деревьев.

Рисунок 16 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Небо» программой «Звукоцвет.ру»

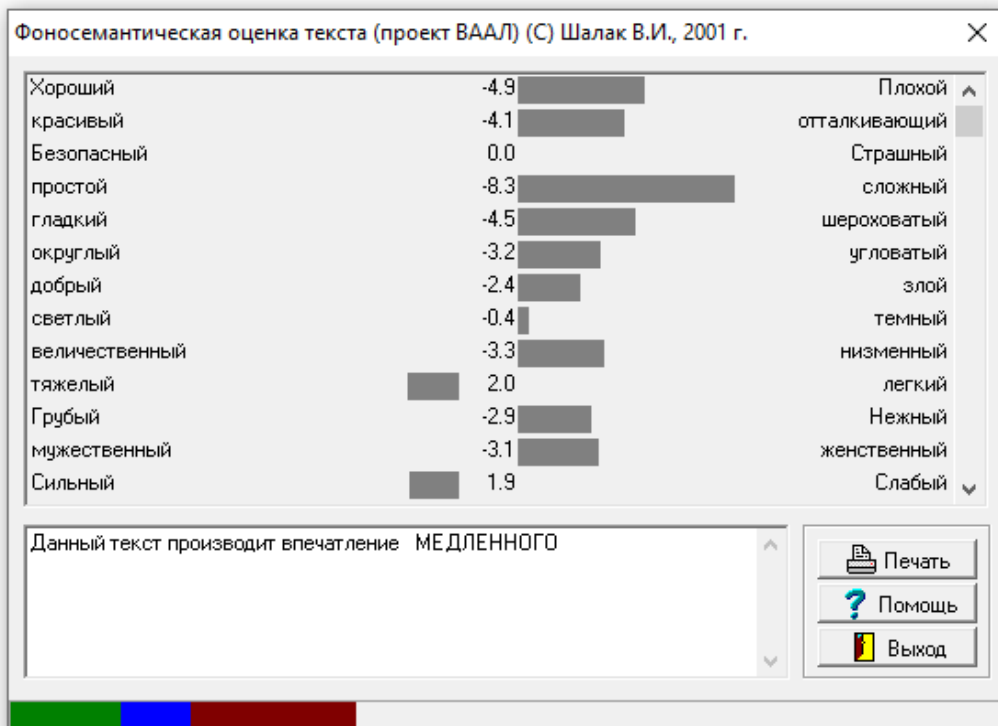
Помимо цветовых характеристик система «ВААЛ» присваивает тексту этого стихотворения признак *медленного* (см. Рисунок 17). Возможно, это коррелирует с идейным содержанием стихотворения: герой неспешно прогуливается в одиночестве в лесах, наслаждаясь красками, чистотой и

свежестью природы, и это позволяет ему чувствовать себя счастливым, осознавать, что единение с природой было всегда в его душе:

*«И, радуясь, душа стремилась
Решить одно: зачем живу? <...>
Что только небо – только радость
Я целый век в душе носил?» [Там же].*

Рисунок 17 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Небо» системой «ВААЛ-мини»

В стихотворении «Небо» И.А. Бунин использует описание пейзажа для выражения глубинных философских мыслей и идей. Эмоции и чувства соотносятся с деталями окружающего мира. И всегда изобилие красок и цветов помогает читателю ярче и четче представить рисуемые образы и картины. Не только понять замысел автора, но и прочувствовать его, услышать, увидеть, ощутить запахи, уловить авторские эмоции. И фоносемантический анализ позволяет нам сделать вывод, что у И.А. Бунина все средства изображения работают целостно и согласованно.

В 1905 г. поэт пишет стихотворение «Густой зеленый ельник у дороги». Тема этого произведения – наблюдение за следами оленя, который спасался от охотников. Стихотворение можно отнести отчасти к пейзажной лирике, отчасти – к философской:

*«Густой зеленый ельник у дороги,
Глубокие пушистые снега.
В них шел олень, могучий, тонконогий,
К спине откинув тяжкие рога.*

*Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
Здесь елку гнул и белым зубом скреб —
И много хвойных крестиков, остинок
Осыпалось с макушки на сугроб.*

*Вот снова след, размеренный и редкий,
И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
Теряется собачий гон — и ветки,
Обитые рогами на бегу...*

*О, как легко он уходил долиной!
Как бешено, в избытке свежих сил,
В стремительности радостно-звериной,
Он красоту от смерти уносил!» [Бунин, 2001, с. 267].*

Стихотворение состоит из четырех строф, все они посвящены описанию того, как лирический герой находит в лесу следы оленя на снегу, а также свидетельства того, что тот спасался от охотничьих собак.

Обращаясь к фоносемантическому анализу, выделяем следующие лексемы: *зелёный ельник, пушистые снега, могучий олень, тяжкие рога, елка, белый зуб*. Все эти слова обладают прямой цветовой образностью и цветовыми ассоциациями.

Программа «Звукоцвет.ру» присваивает тексту насыщенный *темно-голубой* оттенок и относит к каталогу *тёмный циан* (см. Рисунок 18). В тексте описываются зимний хвойный лес, заснеженные долины и луга, следы оленя,

оставленные на снегу. Несомненно, что *голубой* цвет связан именно с этими зимними образами и деталями.

Рисунок 18 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Густой зелёный ельник у дороги...» программой «Звукоцвет.ру»

И.А.Бунин

Густой зелёный ельник у дороги...

Густой зелёный ельник у дороги,
 Глубокие пушистые снега,
 В них шёл олень, могучий, тонконогий,
 К спине откинув тяжкие рога,
 Вот след его. Здесь натоптал тропинок,
 Здесь ёлку гнул и белым зубом скрёб —
 И много хвойных крестиков, остунок
 Осыпалось с макушки на сугроб,
 Вот снова след, размеренный и редкий,
 И вдруг — прыжок! И далеко в лугу
 Теряется собачий гон — и ветки,
 Обитые рогами на бегу...
 О, как легко он уходил долиной!
 Как бешено, в избытке свежих сил,
 В стремительности радостно-звериной,
 Он красоту от смерти уносил!*

Дата звукоцветового анализа: 07.03.2022

Средний цвет произведения
 R:0 G:126 B:197 HEX: #007EC5

Произведение попадает в **тёмный циан** каталог.

Система «ВААЛ» также выделяет приоритетно *синий* цвет с менее значительным *желтым* и *фиолетовым* (см. Рисунок 19). Первый связан с наличием большого числа звука [о], второй – звука [у], согласно характеристике звукоцветовых соответствий, предложенной А.П. Журавлевым (см. §2.3).

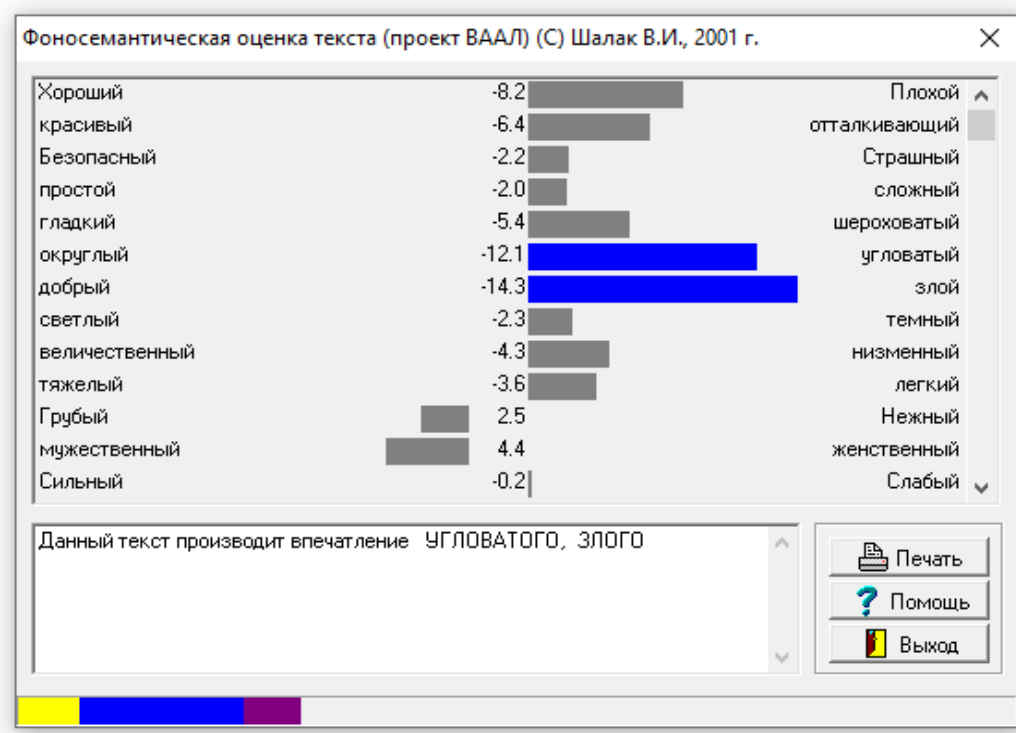
Признаки, которыми программа «ВААЛ» наделяет этот текст, *угловатый* и *злой* связываем с образом бегства оленя от охотников.

Лирический герой выделяет детали, которые свидетельствуют об этом событии:

*«Вот след его. Здесь натоптал тропинок –
 Здесь ёлку гнул и белым зубом скрёб...
 И вдруг – прыжок! И далеко в лугу
 Теряется собачий гон – и ветки,*

Обитые рогами на бегу...» [Там же].

Рисунок 19 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «Густой зелёный ельник у дороги...» системой «ВААЛ-мини»

Резкая смена описания леса происходит благодаря наречию *вдруг* и существительному *прыжок*. С этого момента текст уже исполнен действием и напряженностью.

Все проанализированные нами стихотворения написаны И.А. Буниным в одно и то же время, они также схожи по тематике (пейзажно-философской) и включают слова с прямым цветовым значением (колоративы) или ассоциативными признаками цветовых оттенков.

Если рассмотреть стихотворение того же периода, только не пейзажное, а исключительно философское по содержанию, однако при этом с достаточным количеством лексем цветового значения, то результаты будут сопоставимы с представленными выше. Обратимся к анализу стихотворения «За всё тебя, Господь, благодарю!» (1901 г.):

*«За всё тебя, Господь, благодарю!
Ты, после дня тревоги и печали,
Даруешь мне вечернюю зарю,
Простор полей и кротость синей дали.*

*Я одинок и ныне – как всегда.
Но вот закат разлил свой пышный пламень,
И тает в нем Вечерняя Звезда,
Дрожа насквозь, как драгоценный камень.*

*И счастлив я печальной судьбой,
И есть отрада сладкая в сознание,
Что я один в безмолвном созерцанье,
Что я все чужд и говорю – с Тобой» [Бунин, 2001, с. 266].*

Стихотворение состоит из трёх строф, что композиционно подчеркивает его тематику: обращение к Богу со словами благодарности, признание своего одиночества, единение с Богом. Интересно, что стихотворение содержит слова с цветовой семантикой: *вечерняя заря, синяя даль, закат, пламень, Вечерняя Звезда, самоцветный камень*. При этом программа «Звукоцвет.ру» присваивает тексту песочный, желтовато-оранжевый оттенок из тёмно-желтого каталога (см. Рисунок 20).

В тексте произведения описан закат и вечерняя заря, которые ассоциируются в сознании читателя с красноватыми оттенками. Желтый цвет – это цвет восхода или полуденного солнца, но именно идейное содержание в данном случае превалирует над семантическим: единение героя с Господом в завершении стихотворения воспринимается как свет и благодать.

Программа «ВААЛ» не выделяет цвета у данного текста, но присваивает тексту стихотворения признак *яркий*, что также, на наш взгляд, связано с основной концепцией произведения (см. Рисунок 21).

Рисунок 20 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «За всё тебя, Господь, благодарю!» программой «Звукоцвет т»»

И.А.Бунин

За всё тебя, Господь, благодарю!

За всё тебя, Господь, благодарю!
Ты, после дня тревоги и печали,
Даруешь мне вечернюю зарю,
Простор полей и кротость синей дали.

Я одинок и ныне — как всегда.
Но вот закат разлил свой пышный пламень,
И тает в нем Вечерняя Звезда,
Дрожа насквозь, как драгоценный камень.

И счастлив я печальной судьбой,
И есть отрада сладкая в сознание,
Что я один в безмольном созерцание,
Что я все чужд и говорю — с Тобой. *

Дата звукоцветового анализа: 13.03.2022

Средний цвет произведения
R:220 G:153 B:0 HEX: #DC9900

Произведение попадает в **тёмно-жёлтый** каталог.

Рисунок 21 – Фоносемантическая оценка стихотворения И.А. Бунина «За всё тебя, Господь, благодарю!» системой «ВААЛ-мини»

Фоносемантическая оценка текста (проект ВААЛ) (С) Шалак В.И., 2001 г.

Хороший	3.8	Плохой
красивый	5.0	отталкивающий
Безопасный	2.8	Страшный
простой	-2.4	сложный
гладкий	-6.7	шероховатый
округлый	-1.0	угловатый
добрый	-1.0	злой
светлый	8.0	темный
величественный	6.0	низменный
тяжелый	-2.0	легкий
Грубый	0.9	Нежный
мужественный	-1.0	женственный
Сильный	5.9	Слабый

Данный текст производит впечатление **ЯРКОГО**

Печать
Помощь
Выход

В филологических исследованиях есть указание на то, что «материал бунинской прозы диктует необходимость рассматривать соотношения цветowych прилагательных в контексте целого ряда произведений писателя, а не одного...» [Доброер, 2000, с. 202]. На наш взгляд, составление единого представления относительно особенностей поэтического творчества Бунина возможно путем сопоставительного анализа цветообозначений в его стихотворениях.

Немаловажным становится в рамках исследования также понимание авторского подхода к цветовосприятию: опора лишь на общие представления о восприятии звукобуквенного понимания цвета не позволит составить общей картины произведения конкретного автора [Горн, 2014, с. 236].

Таким образом, необходимо учитывать при анализе текста следующие моменты: первое – количество и качество цветозвуковых соответствий, присущих работам выбранного поэта; второе – проведение парадигматического анализа стихотворений выбранного поэта. Это иллюстрирует проведенный анализ на примере стихотворений «Осыпаются астры в садах», «Все лес и лес. А день темнеет...», «Дымится поле, рассвет белеет...», «Первый утренник, серебряный мороз!», «Небо», «Густой зелёный ельник у дороги...». А это больше половины проанализированных нами стихотворений.

О существенной характеристики цветоописаний написан ряд исследований поэзии А.С. Пушкина, Ф.И. Тютчева, А.А. Фета, прозы Н.В. Гоголя [Финкель, 1968], [Везерова, 1984], [Зими́на-Дырда, 2001], [Василевич, 2005], [Белов, 2008], [Харченко, 2013], [Суран, 2017].

В целом работы И.А. Бунина отличаются единством целей и способов из выражения, в том числе путем четкого выстраивания обозначений цветов и ярких звуковых акцентов в тексте.

§ 3.2 Анализ семантики цветowych прилагательных в прозе И.А. Бунина (на материале психолингвистического эксперимента)

В настоящее время в психолингвистической науке исследования звуко-символизма посвящены в большей степени изучению поэзии. Объясняется это тем, что тексты стихотворений в этом плане, бесспорно, превосходят прозу по репрезентативным показателям. При этом сказать, что прозаические тексты, с точки зрения звуко-символизма, бедны, на наш взгляд, будет неверно.

«На синтаксическом уровне актуализируется такой важный параметр фонетического значения, как звукоцвет» [Старцева, 1999, с. 69]. И хотя науке известны многочисленные исследования звукоцвета в поэтических текстах, недостаточно сказано об этой характеристике в прозе, мало исследований, посвященных описанию особенностей проявления звукоцвета в художественных текстах различных литературных направлений, а также в зависимости от индивидуального авторского стиля.

Последний вопрос в данной работе представлен более подробно. На примере анализа прозаических произведений И.А. Бунина мы постараемся подтвердить мысль о том, что при определенном авторском замысле звукоцветовые характеристики текста, как и звуко-символизм вообще, могут передавать необходимы авторские интенции и способствовать более глубокому пониманию текста.

Для изучения были, во-первых, отобраны тексты с описаниями природы, интерьера, окружающей действительности, наиболее полно отображающие цветовую характеристику. Роль пейзажа важна в понимании проблематики произведения, художественного авторского стиля, а также для дополнительной характеристики главных персонажей. Во-вторых, мы отобрали и тексты-описания внешности самих главных героев произведений И.А. Бунина, постарались выявить некую цветовую доминанту в этих отрывках, необходимую для глубокого осмысления творческого стиля писателя.

При необходимости придать тексту определенную цветовую гамму, И.А. Бунин в своих произведениях часто использует прилагательные-колоративы: «*черный с металлически-зеленым отливом петух*»; «*заколдованно-светлая ночь*»; «*глазки ореховые и очень блестящие*»; «*блестящие, злые черные глаза*»; «*белые хлопья*»; «*золотую пылью*»; «*шелковистые беленькие ее волосики*»; «*белым мехом*»; «*позеленевший самовар*»; «*чи-то черные, точно вырезанные из черного дерева силуэты*»; «*багровое пламя; темно-синюю глубину*»; «*наполненный лиловатым туманом*»; «*пышно-зеленые озими*»; «*на холодном бирюзовом небе*»; «*корявое дерево в бесцветной, кое-где уцелевшей зелени*»; «*в летней шляпке из черной соломы с жесткими, ржаво-атласными цветами*»; «*с невысоких сизых ржей*»; «*зеленый дым самовара*»; «*громада собак, черных, шоколадных, дымчатых*»; «*старые серебристые тополи*»; «*из-за красивых лиловатых облаков*»; «*голубых шариков*»; «*мутно-золотая заря*»; «*цветистая, как хвост павлина, волна*» [Бунин, 2001] и др.. Благодаря подобным словосочетаниям и оборотам речи зрительно формируется неповторимая авторская картина, выполненная в тонах, максимально отражающих настроение автора. То, каким мы увидим текст, зависит не только от использования в нем названий цветов, но и от психологии восприятия их звучания носителями языка. Следовательно, основы звукоцвета должны лежать в анализе поэтических произведений.

Использование прилагательных-колоративов позволяет достичь требуемой цветовой гаммы текста. Для того чтобы передать конкретные цветовые признаки, писатели также обращаются к употреблению «сложных» прилагательных, у которых, по сути, цветовой характеристики в семантике нет. Причиной такого приёма становится определенная ограниченность наименований цветов в русском языке, которая компенсируется доступными средствами художественного выражения в литературе и именуется «изобретательством» [Доброер, 2000].

В лингвистике широко применяется практика описательного подхода к прилагательным-наименованиям цветов, поскольку «прилагательные цвета относятся к эталонным словам, то есть в реальной действительности существует

определенный класс предметов, чьим неперенным атрибутом является данный признак» [Ивахницкая, 2001, с. 114].

По замечанию А.П. Журавлева, «в языке нет слов, которые имели бы значение, но не имели бы звучания, точно также, как нет слов, имеющих звучание, но не имеющих значения» [Журавлев, 1991, с. 302]. Соответственно фоносемантический анализ прилагательных предполагает подбор «цветовым» из них соответствующих аналогов из категории описательных. Так, в качестве примеров можно привести следующие пары сочетаний: зеленый – «цвета листвы или травы», «красный – «цвет крови», голубой – «цвета неба», белый – «цвета снега, молока, мела», черный – «цвета сажи, угля» [Санжаров, 1997, с. 457]. Указанная теория раскрывается в работах Ю.П. Князева, в частности в «Грамматической семантике: Русский язык в типологической перспективе» [Князев, 2007]. Однако данные закономерности не являются исчерпывающими и достаточными для целостного понимания и восприятия текстов в контексте их звукобуквенного отражения.

В экспериментальной части нашего исследования мы проводили фоносемантический анализ рассказов И.А. Бунина из цикла «Темные аллеи». В данных произведениях концентрация обозначений цветов при помощи прилагательных достаточно высокая, при этом они не ограничены непосредственно названиями цветов, а также включают в себя их описание путем включения сложных прилагательных [Журавлев, 1974, с. 125]. В качестве примера можно привести следующие авторские эпитеты из сборника: *бело-кудрявый*, *мокро-зеленый*, *красно-черный*, *бело-сизый* цвета, которые сложно считать сочетающимися в одном процессе или явлении.

Цель эксперимента – установление системы взаимосвязей между звукобуквенным выражением определений и цветов в русской классической прозе. В качестве диагностического инструментария применялись таблицы звукоцветовых соответствий, представленную в работах А.П. Журавлева (см. Таблицу 2 § 1.6) [Журавлев, 1974, с. 72].

Проведенное исследование показало, что между звуковым и зрительным типами цветовосприятия существует устойчивая связь, которая проявляется в литературных произведениях. Для обработки результатов сравнительного анализа автором использовались следующие методики:

- ручной подсчёт;
- компьютерные программы «Звукоцвет.ру» [Звуковой анализ текстов, URL: <http://zvukocvet.ru/>] и системы «ВААЛ» [ВААл-мини, URL: <https://www.vaal.ru>];
- анализ проведенного опроса среди студентов и детей дошкольного возраста.

Результаты и особенности применения последнего метода обработки данных представлены в § 3.5.

Эксперимент проводился на базе двух учебных организаций: гимназии №11 г. Тула, ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Выборка составила: старшеклассники в количестве 48 человек; студенты факультета русской филологии 2-3 курсов в количестве 75 человек.

В число исследовательских задач входило: определение соответствия семантики цвета с его цветовым значением; выявление соответствия между звукобуквенными и цветовыми обозначениями, указанными участниками эксперимента и результатами обработки слов компьютерными программами. Средством решения задач стал опрос, в основе которого лежали отрывки из произведений сборника И.А. Бунина «Темные аллеи». При отборе текстового материала учитывалась его экспрессивность и наличие большого количества прилагательных-колоративов. Далее представим выбранные отрывки текстов:

1. *«Черный пруд, вековые деревья, уходящие в звездное небо...
Заколдованно-светлая ночь, бесконечно-безмолвная, с бесконечно-
длинными тенями деревьев на серебряных полянах, похожих на озера»*
[Интернет-библиотека Комарова, URL: <http://www.ilibrary.ru>].

2. «...говорила, блестя ему в глаза радостными чёрно-зеркальными глазами» [Интернет-библиотека Комарова, URL: <http://www.ilibrary.ru>].
3. «Через минуту молочно-седой королевой, покачиваясь, вошла тётя в палевом шёлковом платье с кремовыми кружевами, с наплывами на щиколках, над тесными шёлковыми туфлями, и наконец-то она...» [Интернет-библиотека Комарова, URL: <http://www.ilibrary.ru>].

Компьютерный анализ текста позволил выявить следующие цвета из указанных в тексте: *светло-зелёный, красно-розовый, темно-желтый*. В качестве средства анализа использовалась программа «Звукоцвет.ру» (основана на положениях звукоцветовых соответствий методики А.П. Журавлева) (см. Рисунок 22, 23, 24).

1. *светло-зелёный,*
2. *красно-розовый,*
3. *темно-желтый.*

Для корректного анализа в программе «Звукоцвет.ру» требуется текст более 100 символов, поэтому второй текст мы троекратно повторили (см. Рисунок. 23).

Рисунок 22 – Фоносемантический анализ Текста № 1 в программе «Звукоцвет.ру»

И.А. Бунин*

Темные аллеи

Черный пруд, вековые деревья, уходящие в звездное небо... Заколдованно-светлая ночь, бесконечно-безмолвная, с бесконечно-длинными тенями деревьев на серебряных полянах, похожих на озера*

Дата звукоцветового анализа: 30.07.2018

Средний цвет произведения
R:122 G:255 B:16 HEX: #7AFF10

Произведение попадает в **зелёный** каталог.

Рисунок 23 – Фоносемантический анализ Текста № 2 в программе «Звукоцвет.ру»

И.А. Бунин

Темные аллеи

говорила, блестя ему в глаза радостными чёрно-зеркальными глазами говорила, блестя ему в глаза радостными чёрно-зеркальными глазами говорила, блестя ему в глаза радостными чёрно-зеркальными глазами*

Дата звукоцветового анализа: 17.02.2014

Средний цвет произведения
R:255 G:81 B:98 HEX: #FF5162

Произведение попадает в **красный** каталог.

Рисунок 24 – Фоносемантический анализ Текста № 3 в программе «Звукоцвет.ру»

И.А. Бунин*

Темные аллеи

Через минуту молочно-седой королевой, покачиваясь, вошла теть в палевом шелковом платье с кремовыми кружевами, с наплывами на щиколках, над тесными шелковыми туфлями, и наконец-то она*

Дата звукоцветового анализа: 30.07.2018

Средний цвет произведения
R:178 G:134 B:50 HEX: #B28632

Произведение попадает в **тёмно-жёлтый** каталог.

Проанализировав эти текстовые зарисовки в программе «ВААЛ», получаем схожие цветовые оттенки (см. Рисунки 25, 26, 27):

1. *зелёный,*
2. *коричневый,*
3. *коричневый.*

Рисунок 25 – Фоносемантическая оценка Текста № 1 в системе «ВААЛ-мини»

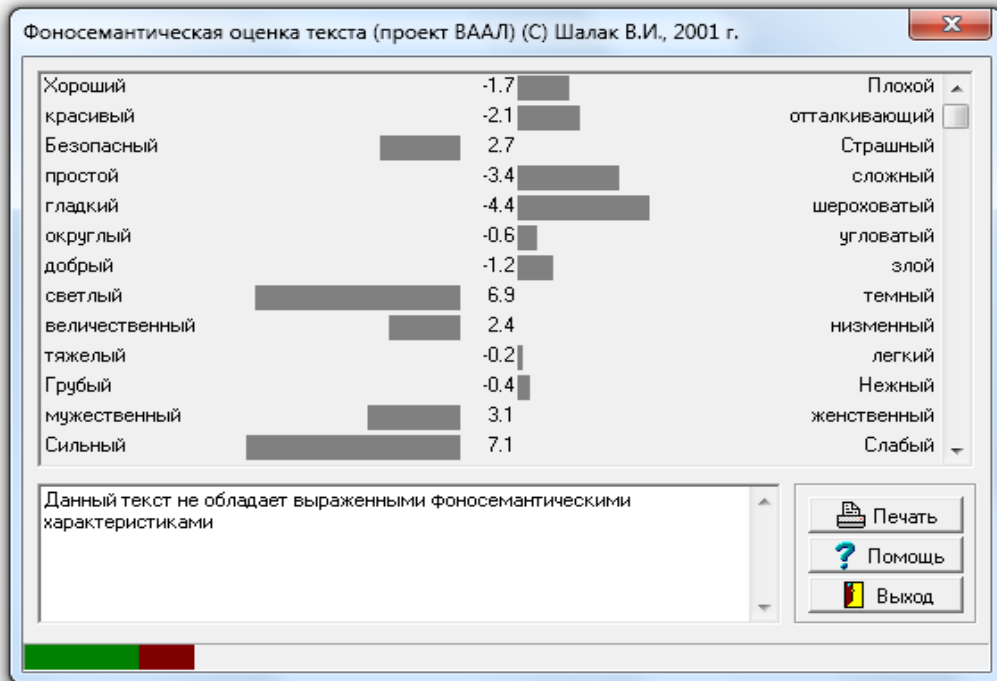

Рисунок 26 - Фоносемантическая оценка Текста № 2 в системе «ВААЛ-мини»

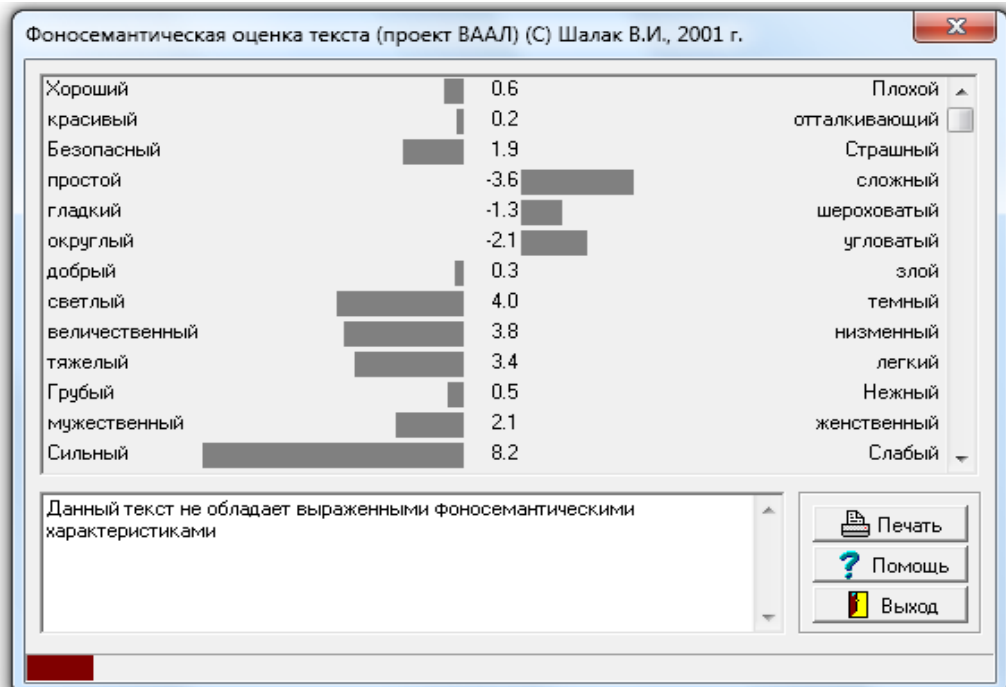
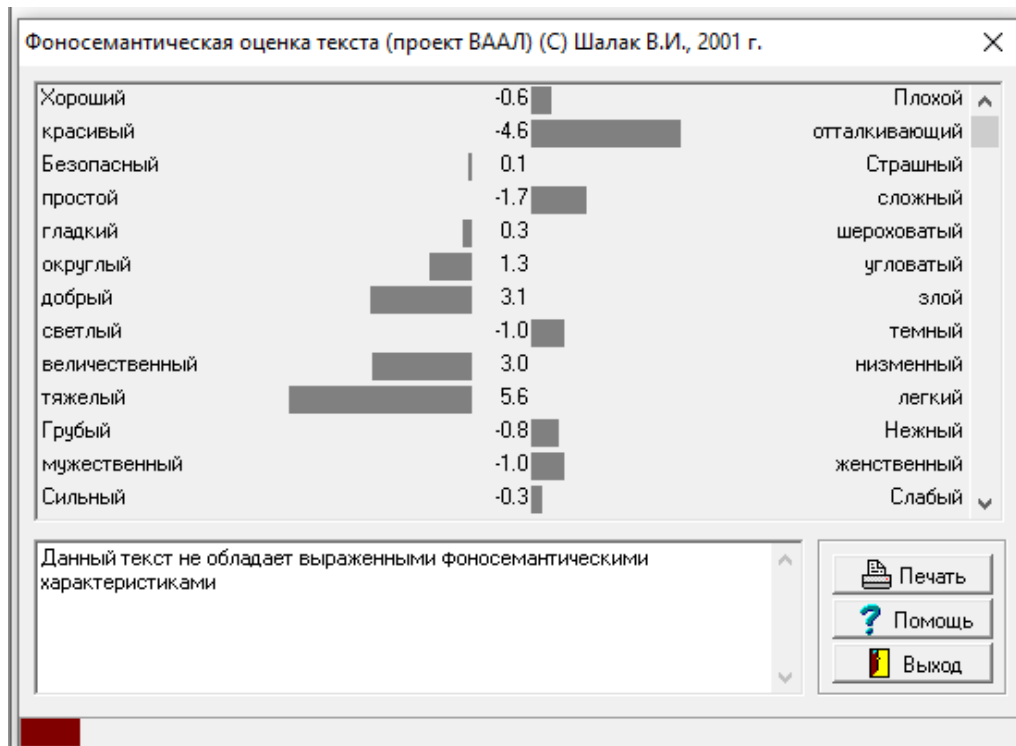

Рисунок 27 – Фоносемантическая оценка Текст № 3 в системе «ВААЛ-МИНИ»

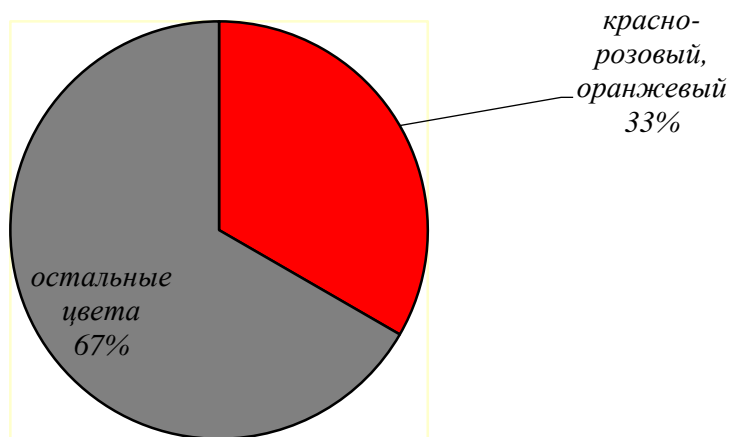

Далее выявленные цвета должны были соотноситься с каждым конкретным фрагментом текста, который предлагалось послушать респондентам. В случае, если данный цвет не соответствовал цвету, представленному программой, респондент мог назвать собственный цвет. Все ответы указывались в опросниках для дальнейшей их обработки и анализа.

В результате можно сделать вывод о следующих результатах исследования: 90% ответов респондентов (109 человек из 123) не соотнесли текст с цветом в том соответствии, которое было предложено компьютерной программой. Оттенки, названные ими, были совершенно другими. Если же в тексте присутствовали конкретные упоминания цветов, то респонденты с большей долей вероятности относили данные фрагменты к аналогичному цвету. Например, применительно к Тексту №2 чаще указывались *красно-розовый/ оранжевый* цвет, что вполне соответствовало результатам анализа в программе «Звукоцвет.ру». Такой результат показали 30% участников опроса. Остальные 70% респондентов не смогли дать однозначный ответ: ими были названы различные цвета,

характеризующие текстовый фрагмент: *белый, черный, серый, зеленый, синий, фиолетовый, желтый, коричневый* (см. Диаграмму 1). Как мы полагаем, причиной такого восприятия может стать упоминание *черного* цвета в тексте, который обладает невысоким давлением и влиянием на восприятие всего отрывка целиком. Слово *глаза* в свою очередь позволяет трактовать его с позиций широкой палитры применять к нему различные прилагательные-колоративы.

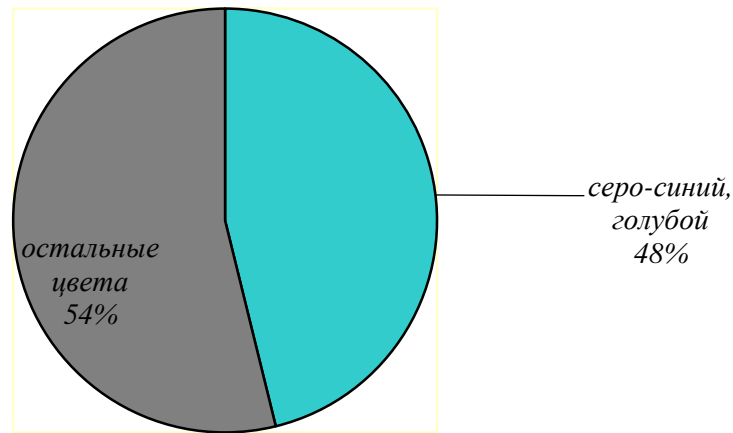
**Диаграмма 1 - Процентное соотношение выбора цветов
Текст № 2**

По итогам анализа остальных текстовых фрагментов можно сделать вывод о серьезном воздействии прилагательных-колоративов на целостное восприятие отрывков. Не соглашаясь с определенным цветом, респонденты называли собственные, которые находились в целом в той же цветовой гамме. Так Текст №1 был охарактеризован чаще всего как *голубой* или *серо-синий* (см. Диаграмму 2). Вероятно, причиной тому стало сопоставление со смыслообразующим словом *ночь*, которое упоминается в тексте.

Диаграмма 2 - Процентное соотношение выбора цветов
Текст № 1

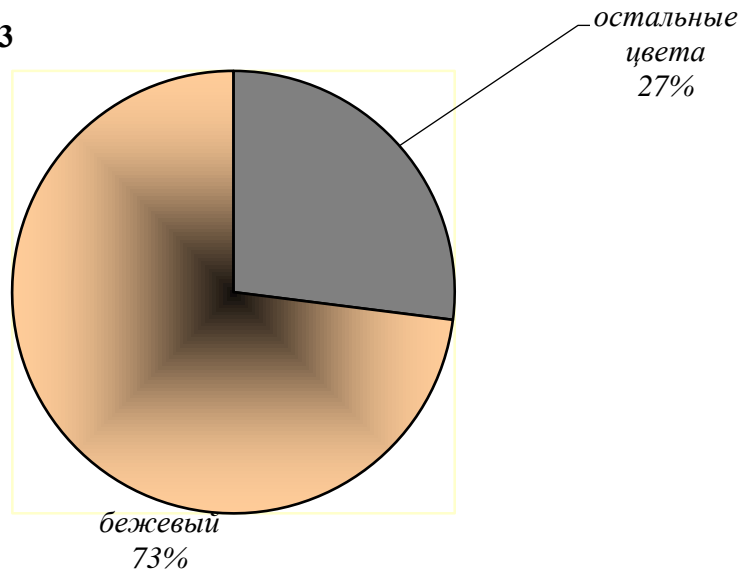
Следовательно, можно говорить о справедливости выводов относительно ассоциативного подбора цветовосприятия человеком, основанном на жизненном опыте, а также с учетом синестетических особенностей данного человека (см. § 1.5). Результаты опроса по Тексту №2 доказывают справедливость данных выводов.

Важное значение индивидуального восприятия и опыта в определении фоносемантического значения текста становится приоритетной и наиболее значимой характеристикой Текста №3. Эту мысль подтверждает тот факт, что ассоциации, вызванные словосочетаниями *кремовые кружева* и *молочно-седая королева*, сыграли главенствующую роль при выборе цвета, т.к. более 70 % испытуемых указали *бежевый* цвет (см. Диаграмма 3).

Итак, проведенный эксперимент позволяет сделать следующие выводы по исследованию.

Для формирования цветового образа в прозе могут применяться несколько способов, при этом включение в текст непосредственно прилагательных-колоративов становится одним из наиболее простых и понятных методов. Более яркие и экспрессивные тексты содержат огромное разнообразие лексем, воздействующих на эмоциональное восприятие текста человеком.

**Диаграмма 3 - Процентное соотношение выбора цветов
Текст № 3**

В заключение следует сказать о том, что, во-первых, аналогии при рассмотрении фоносемантических характеристик текста наиболее ярко прослеживаются при аудиальном знакомстве с ним, а результаты достаточно точно соотносятся с результатами компьютерной диагностики текста.

Во-вторых, лексическое значение слов-колоративов довлеет над их фонетическим значением.

§ 3.3 Сопоставительный анализ фоносемантических признаков и звукоцветового облика основных образов прозаических произведений

И.А. Бунина

При создании образа главного героя произведения писателю предстоит выполнить тщательную работу над речью персонажа, воплощением его характера. Это достаточно сложный и трудоемкий процесс. Кроме того, необходимо уделить внимание детализации пейзажа и интерьера, которые окружают героя. Отличительной чертой русской классической литературы становится создание определенного образа персонажа не только путем его описания, но и через ассоциации и параллели с окружением выбранного героя. Например, в романе

«Война и мир» для Наташи Ростовской был подобран образ летней ночи с её цветовыми акцентами. В свою очередь чеховский Егорушка напоминает степь на Юге России – загадочную и просторную. И.А. Бунин является продолжателем данной традиции: в его прозе чётко прослеживается взаимосвязь между персонажами и природой. Так А.А. Блок писал, что «мир произведений И.А. Бунина – это зрительные и слуховые впечатления и связанные с ними переживания» [Библиотека Максима Мошкова, URL: <http://az.lib.ru>].

Литературное творчество рубежа XIX и XX столетий характеризуется серьезными изменениями, которые во многом объясняются распространением такого направления, как импрессионизм. Приемы французских художников быстро завоевали любовь и признание, в том числе перейдя и в среду литераторов по всему миру. «Стремление передать жизнь сквозь призму собственных впечатлений в чувственной, непосредственной форме привлекло деятелей искусства начала XX века» [Аристова, 2017]. С нашей точки зрения, произведения И.А. Бунина являются ярким воплощением подобной формы в русской литературе.

М. Алданов считает: «Ни у кого, кажется, из больших писателей не было такой точности (и скупости) слова, такого совершенства в образах, определениях, в эпитетах, как у Бунина: «пушистые звёзды», «сухой, золотисто-шафранный свет», «сонные огни», «тугой гром», «пепельная тень»...» [Алданов, 1935, с. 472].

Именно через призму идей импрессионизма следует рассматривать творчество И.А. Бунина, а также его рассказы и стихотворения. Пейзажные зарисовки являются типичным проявлением данного направления в искусстве, поэтому их фоносемантический анализ позволит дополнить и раскрыть в полной мере специфику авторского видения действительности.

В рамках нашего исследования был выбран текстовый материал – рассказы о любви, где звукоцветовая семантика и её соотнесение с особенностями психологического восприятия текста проявляются особенно ярко.

Первым материалом для анализа становится пейзажное описание из рассказа «Легкое дыхание»: 1. *«На кладбище над свежей глиняной насыпью стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжелый, гладкий. Апрель, дни серые; памятники кладбища, просторного, уездного, еще далеко видны сквозь голые деревья, и холодный ветер звенит и звенит фарфоровым венком у подножия креста. В самый же крест вделан довольно большой, выпуклый фарфоровый медальон, а в медальоне — фотографический портрет гимназистки с радостными, поразительно живыми глазами. Это Оля Мещерская».* [Бунин, 1997, с. 90].

В первой части текста автор прибегает как к включению непосредственно прилагательных-колоративов (*дни серые*), так и к описательным, которые предполагают формирование целостного представления о цветовой картине сюжета на основе впечатлений и опыта читателя (*глиняная насыпь, голые деревья, крест из дуба, фарфоровый венок*). Именно такие опосредованные описания цветов наиболее часто встречаются в прозе И.А. Бунина.

Далее проводился фоносемантический анализ с применением программы «ВААЛ-мини». Общие характеристики, выданные ресурсом в отношении текста, были следующими: *шероховатый, сложный, синий и коричневый* (см. Рисунок 28).

Можно говорить о достоверности результатов, т. к. программа «Звукоцвет.ру» описала его в схожей цветовой палитре – *серо-синий* (см. Рисунок 29).

Показатели, полученные в результате анализа, рационально соотносятся с самим текстом: при описании могилы молодой гимназистки автор намеренно избегает радужных и светлых прилагательных, а фоносемантический фон может характеризоваться как приглушенный.

Рисунок 28 – Фоносемантическая оценка текста №1 из рассказа И.А. Бунина «Легкое дыхание» в системе «ВААЛ-мини»

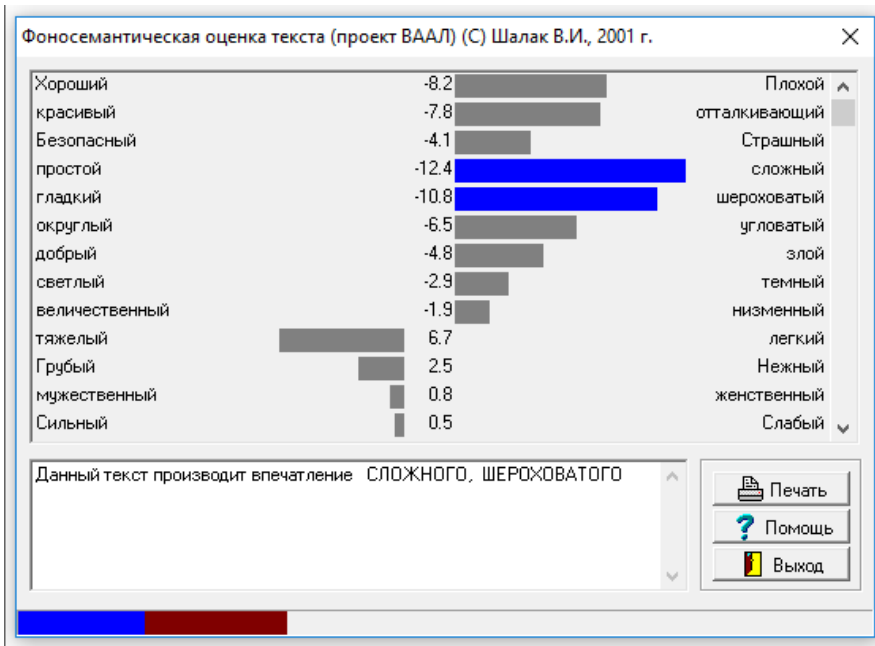

Рисунок 29 – Фоносемантическая оценка текста №1 из рассказа И.А. Бунина «Легкое дыхание» в программе «Звукоцвет.ру»

И.А.Бунин

Легкое дыхание

На кладбище над свежей глиняной насыпью стоит новый крест из дуба, крепкий, тяжелый, гладкий. Апрель, дни серые; памятники кладбища, просторного, уездного, ещё далеко видны сквозь голые деревья, и холодный ветер звенит и звенит фарфоровым венком у подножия креста. В самый же крест вделан довольно большой, выпуклый фарфоровый медальон, а в медальоне - фотографический портрет гимназистки с радостными, поразительно живыми глазами. Это Оля Мещерская.*

Дата звукоцветового анализа: 31.07.2018

Средний цвет произведения
R:97 G:144 B:154 HEX: #61909A

Произведение попадает в **серый** каталог.

Светлые воспоминания об Оле Мещерской не задают в целом светлый тон настроения и восприятия текста: общее состояние грусти передаётся через палитру *серого*. Так и читатель, погружаясь в описание образа молодой девушки, не выходит из состояния грусти о её безвременной кончине в раннем возрасте. Следовательно, характеристика «*сложный*» правомерно может быть присвоена данному отрывку.

Следующая часть исследования проводится на материале текстового описания особенностей поведения главной героини из выбранного произведения: 2. «*Последнюю свою зиму Оля Мещерская совсем сошла с ума от веселья, как говорили в гимназии. Зима была снежная, солнечная, морозная, рано опускалось солнце за высокий ельник снежного гимназического сада, неизменно погожее, лучистое, обещающее и на завтра мороз и солнце, гулянье на Соборной улице, каток в городском саду, розовый вечер, музыку и эту во все стороны скользящую на катке толпу, в которой Оля Мещерская казалась самой беззаботной, самой счастливой*» [Бунин, 1997, с. 93].

По результатам оценки ВААЛ-мини тексту соответствуют *светлый и громкий* признаки. Также программа определяет цветовой фон рассказа: в данном случае *желтый* и частично *фиолетовый* (см. Рисунок 30).

При этом исследование показывает, что для соотнесения характера и переживаний героя с окружающей средой автор прибегает к художественным средствам выразительности языка, которые соотносятся с результатами фоносемантического анализа в том случае, когда состояние персонажа гармонирует с деталями окружающей его обстановки. При контрастировании пейзажа и эмоционального состояния героя, как правило, фоносемантические признаки противопоставлены или имеют отличия.

Программа «Звукоцвет.ру» также показывает *желтый* цвет текста, что соотносится с предыдущим результатом (см. Рисунок 31).

Рисунок 30 – Фоносемантическая оценка текста № 2 из рассказа И.А. Бунина «Легкое дыхание» в системе «ВААЛ-мини»

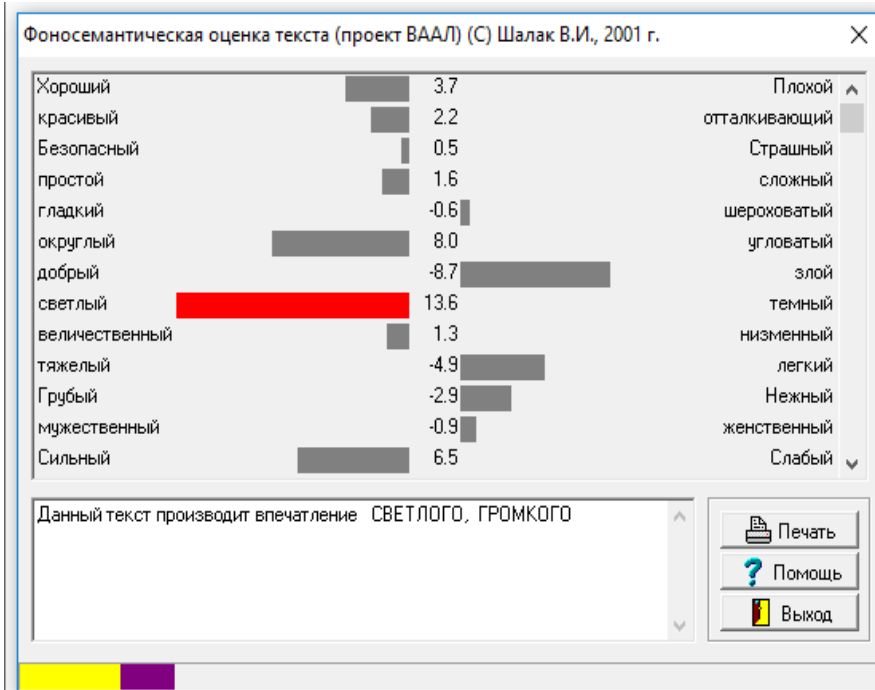
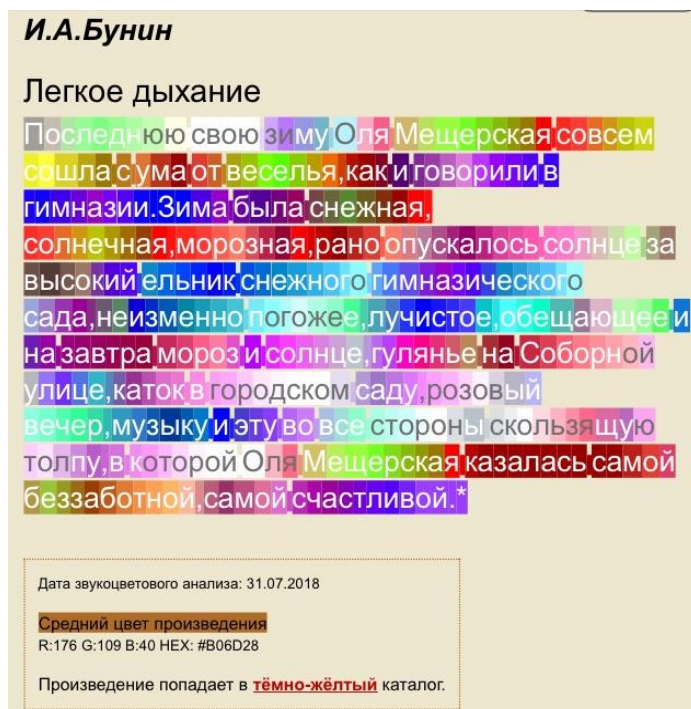

Рисунок 31 – Фоносемантическая оценка текста № 2 из рассказа И.А. Бунина «Легкое дыхание» в программе «Звукоцвет.ру»

Переход от яркого желтого к приглушенно-бледному серому выражается в текстовом виде самим автором. При исследовании текста мы встречаем определения: *солнечная, снежная, морозная зима, сияя глазами, розовый вечер,*

свежесть ландышей, солнце блестело и т. д. Постепенно жизнерадостные прилагательные-колоративы сменяются такими эпитетами, как: *черные лайковые перчатки, грязная площадь, закопченные кузницы, бледное личико, холодный весенний ветер, облачное небо*. В данном случае можно смело говорить о закономерности, связанной с логикой повествования: если в первой половине текста автор описывает жизнь, молодость и цветение, то постепенно эта тема сменяется угасанием и смертью.

Следующий отрывок, выбранный для анализа, из рассказа «Митина любовь», фрагмент с описанием портрета Кати – главной героини произведения: 1. *«Катя горела жарким румянцем, смущением, голосок ее иногда срывался, дыхания не хватало, и это было трогательно, очаровательно... Ужаснее же всего была та смесь ангельской чистоты и порочности, которая была в ней, в ее разгоревшемся личике, в ее белом платье, которое на эстраде казалось короче, так как все сидящие в зале глядели на Катю снизу, в ее белых туфельках и в обтянутых шелковыми белыми чулками ногах»* [Бунин, 1997, с. 108].

Зарождение чувства любви Мити к прекрасной девушке становится сюжетообразующим элементом рассказа. Страдания главного героя связаны с невозможностью любви его избранницы, ведь в таком случае её светлый образ будет запятнан, а низменные желания возьмут верх над светлым чувством.

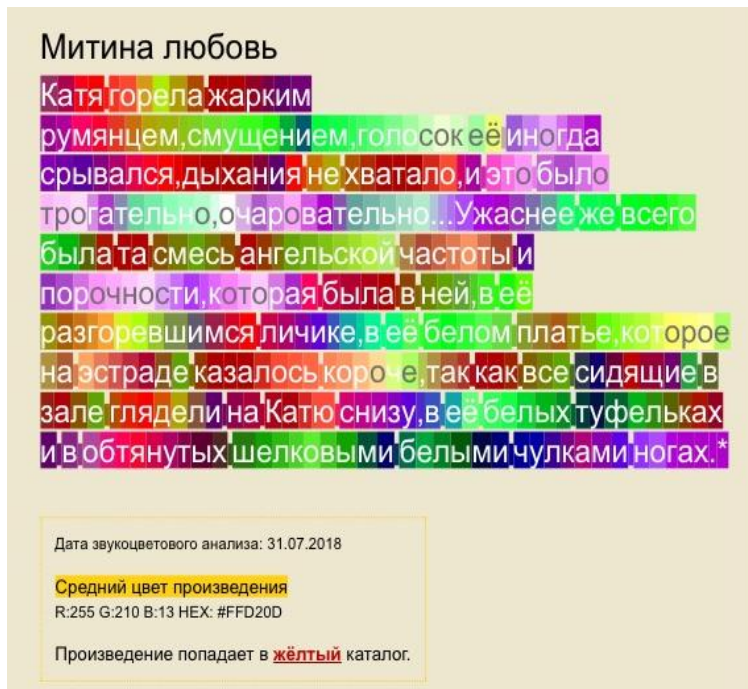
В текстовом фрагменте прослеживается отношение героя к возлюбленной. Именно такой она впервые предстает перед ним во время экзамена. Анализ в программе ВААЛ-мини показал следующие характеристики текста: *медленный, желтый и зеленый* (см. Рисунок 32). В целом в Звукоцвет.ру палитра оказалась такой же – программа обозначила текст как *желтый* (см. Рисунок 33).

Рисунок 32 – Фоносемантическая оценка текста № 1 из рассказа И.А. Бунина «Митина любовь» в системе «ВААЛ-мини»

Рисунок 33 – Фоносемантическая оценка текста № 1 из рассказа И.А. Бунина «Митина любовь» в программе «Звукоцвет.ру»

Второй фрагмент текста более простой в плане определения цвета, поскольку содержит конкретные колоративы: *белое платье, жаркий румянец*. Показатели анализа в данном фрагменте также неоднородны и расположены по принципу антитезы. Характеризуя Митю, можно говорить о его метаниях, невозможности определения единственно правильного поведения, а также противостоянии с окружающей действительностью. Следовательно, появляется контраст в фоносемантике отрывка.

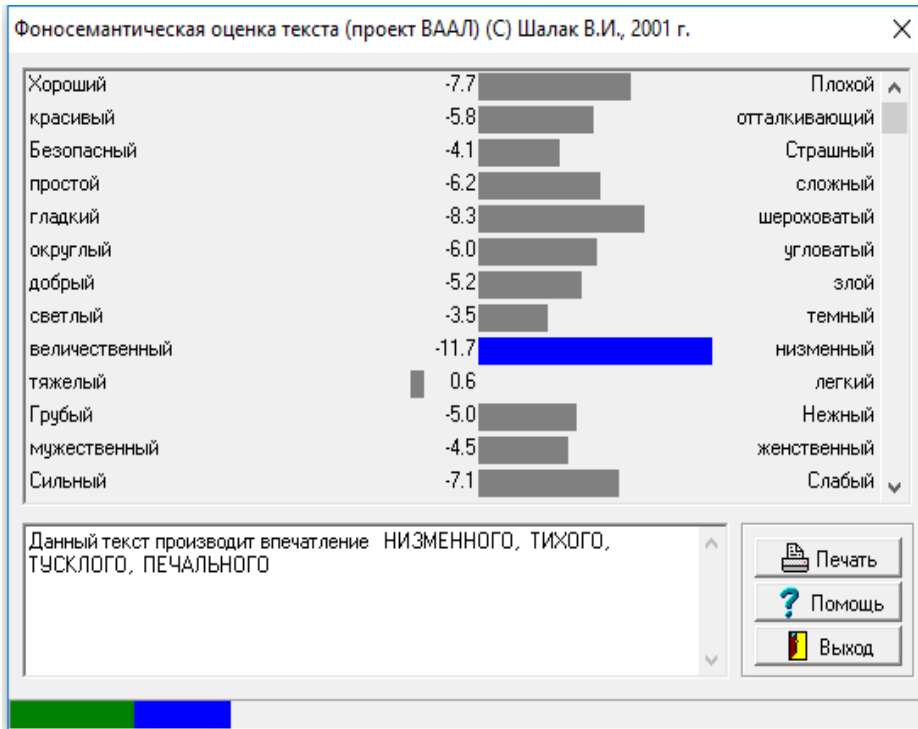
Таким образом, рассказ И.А. Бунина отличается тонким ощущением близости характера и мировосприятия героя с природой и окружающей обстановкой. Пейзажная зарисовка во время ожидания письма от девушки становится нежной, умиротворенной, лишенной противостояния: 2. *«Лес стоял еще совсем голый, но все же грохотанье поезда отдавалось в нем отчетливее, чем в поле, а вдали уже мелькали по-весеннему печальные огоньки станции. Вот и высокий зеленый огонь семафора, – особенно прелестный в такие сумерки в березовом голом лесу, – и поезд со стуком стал переходить на другой путь... Боже, как по-деревенски жалок и мил работник, ждущий барчука на платформе! Сумерки и тучи все сгущались, пока ехали от станции по большому селу, тоже еще весеннему, грязному. Все тонуло в этих необыкновенно мягких сумерках, в глубочайшей тишине земли, теплой ночи, слившейся с темнотой неопределенных, низко нависших дождевых туч, и опять Митя дивился и радовался: как спокойна, проста, убога деревня, эти пахучие курные избы, уже давно спящие, – с Благовещенья добрые люди не вздувают огня, – и как хорошо в этом темном и теплом степном мире!»* [Бунин, 1997, с. 117].

Указанный фрагмент текста в программах описывается как *низменный, тихий, тусклый, печальный*; а цвет отрывка – *синий и зеленый*, в результате цветовая палитра рассказа обозначается как *желтая* (см. Рисунок 34).

Спокойствие, которое ощущает персонаж, коррелирует с чувством безнадежности, грусти. «В некотором отношении душа Мити больна, а цвета

болезни, как показывает русская ментальная картина мира, – окрашены в желтые тона» [Аристова, 2017].

Рисунок 34 – Фоносемантическая оценка текста № 2 из рассказа И.А. Бунина «Митина любовь» в системе «ВААЛ-мини»

По результатам анализа указанного текста программой «Звукоцвет.ру» средний цвет отрывка – *зелёный* (см. Рисунок 35), который преобладает над *синим*, что сходно с фоносемантической оценкой данного текста, произведенной программой «ВААЛ-мини».

Если возвратиться к предыдущему анализу рассказа «Легкое дыхание», стоит указать на соответствие ощущений героя, фоносемантических признаков и цветовых характеристик, которое наблюдается в описании последних дней жизни Оли Мещерской (см. Рисунок 30).

Рисунок 35 – Фоносемантическая оценка текста № 2 из рассказа И.А. Бунина «Митина любовь» в программе «Звукоцвет.ру»

И.А.Бунин

Митина любовь

Лес стоял ещё совсем голый, но все же грохотание в нем поезда отдавалась в нём отчётливее, чем в поле, а вдали уже мелькали по-весеннему печальные огоньки станции. Вот и высокий зелёный огонь семафора, особенно прелестный в такие сумерки в берёзовом голом лесу, и поезд со стуком стал переходить на другой путь... Боже, как по-деревенски жалок и мил работник, ждущий барчука на платформе! Сумерки и тучи все сгущались, пока ехали от станции по большому селу, тоже ещё весеннему, грязному. Все тонуло в этих необыкновенно мягких сумерках, в глубочайшей тишине земли, тёплой ночи, слившейся с темной и неопределенных, низко нависших дождевых туч, и опять Митя дивился и радовался: как спокойно, просто, убого деревня, эти пахучие курные избы, уже давно спящие, - с Благовещенья добрые люди не вздувают огня, и как хорошо в этом тёмном и тёплом степном мире!

Дата звукоцветового анализа: 31.07.2018

Средний цвет произведения
R:0 G:254 B:128 HEX: #00FE80

Произведение попадает в **зелёный** каталог.

Таким образом, можно говорить о том, что пейзажные зарисовки в произведениях И.А. Бунина становятся ярким отображением внутреннего мира героев, соответствуют их характерам и особенностям поведения. По итогам эксперимента можно говорить о том, что:

а) цветовые описания и прилагательные-колоративы задают общий тон произведения, позволяя наиболее ярко раскрывать чувственно-волевою сторону персонажей;

б) при описании героя на лоне природы применяется принцип единства чувств, эмоций и окружающей действительности.

§ 3.4 Определение цветовой доминанты рассказов о любви И.А. Бунина (на материале психолингвистического эксперимента)

Наиболее полное понимание и осмысление текста возможно при проведении его комплексного анализа, в основе которого лежат принципы единства смысловой и звуковой-буквенной составляющих текста. В рамках данного исследования такой анализ предполагает применение системного и междисциплинарного подходов, которые основываются на положениях психолингвистики. Такой выбор объясняется тем фактом, что «текст обладает множеством значений как собственно текстовых, так подтекстовых и затекстовых» [Белянин, 2000, с. 6].

Предметом психолингвистики как научного направления выступает особенность восприятия конкретного текста читателем, которая выражается в виде построения специфической модели. Как отмечалось ранее, следует учитывать не только объективные текстовые показатели, но и опыт читателя, который задает общий тон тексту и его пониманию [Аристова, 2017]. Последнее не лишено субъективности, о чем говорит В. Гумбольдт: «никто не принимает слов совершенно в одном и том же смысле... Поэтому взаимное понимание между разговаривающими в то время есть недоразумение, и согласие в мыслях и чувствах – в то же время и разногласие» [Гумбольдт, 1964, с. 88]. Среди исследователей, разделяющих указанную точку зрения, также А.А. Потебня, Р. Ингарден, Ю.М. Лотман и др.

В числе многочисленных методов анализа текстового материала мы также рассматриваем психиатрический анализ личности автора. Он направлен на выявление особенностей его «психического склада», которые могли сказаться на общем настроении и более конкретных описаниях текста [Белянин, 2000, с. 35]. В рамках указанного анализа предполагается разделение текстов на несколько категорий в соответствии с их общим настроением и типом: «темный», «светлый», «активный», «сложный», «веселый», «печальный», «красивый»

[Белянин, 2000, с. 61]. При определении категорий текста в рамках его психиатрического анализа ученым использовался аспект эмоционально-смысловой доминанты, которая представляет собой «комплекс когнитивных и эмотивных эталонов, характерных для определенного типа личности и служащих психической основой метафоризации и вербализации картины мира в том или ином художественном произведении» [Онлайн-словари и энциклопедии, URL: <http://did.academic.ru>].

Доминанта как научное понятие является междисциплинарным термином, отдельные аспекты которого рассматривались в контексте философии (Г. Шпет, В. Соловьев, А. Белый, М. Бахтин), филологии (А. Потебня, В. Виноградов, Р. Якобсон, И. Гальперин), литературоведения (Б. Эйхенбаум, Ю. Тынянов, Г. Гуковский, Я. Мукаржовский). Определение доминанты зависит от специфики конкретного текста и может выражаться в таких видах, как время, жанр, язык, идея и пр. С позиций фоносемантического анализа текстов целесообразно рассматривать эмоционально-волевой аспект понятия доминанты, который направлен на учет личностных особенностей автора произведения, которые нашли свое отражение в структуре текста, подборе персонажей, событий и пр.

В данном исследовании применяется понятие *цветовой доминанты* произведений И.А. Бунина, выделение которой требует провести глубокий фоносемантический анализ рассказов на основе методик и принципов, выявленных А.П. Журавлевым.

Представленная методика позволяет определить средний цвет текста, который будет иметь соответствия с определенным типом текста, свойственным ряду рассказов И.А. Бунина.

Чтобы доказать правомерность данного заявления, потребуются провести анализ рассказов И.А. Бунина «Темные аллеи». Также мы обратились к лирике писателя. В целом же произведения И.А. Бунина, в отличие от многих классиков русской литературы, отличаются склонностью к печали, депрессии и трагичности. Аналогичные настроения, по мнению В.П. Белянина, встречаются у

А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Н.В. Гоголя, И.С. Тургенева [Белянин, 2000, с. 152]. Психолингвистическая характеристика произведений указанных писателей чаще всего печальная, подчеркиваемая такими категориями, как сожаление, скорбь, раздумья, дополненных тактильными, звуковыми и чувственными ощущениями, а в завершении произведения – смерть главного героя или другое несчастье (недуг).

В работах исследователя Л.А. Колобаевой сталкиваемся с такой точкой зрения: «Писательская индивидуальность Бунина отмечена в огромной мере таким узлом – соединением в его мироощущении острого, ежечасного «чувства смерти», памяти о ней, с сильнейшей жаждой жизни. Когда одно вытекает из другого, усиливает и подогревает друг друга...» [Колобаева, 1980, с.15].

Литературоведческий анализ произведений и характеров героев говорит о справедливости такого замечания: герои произведений так или иначе погибают (Митя, Оля Мещерская, герои «Грамматики любви»). Следующая важная характеристика – *вдох*. Она наиболее часто встречается в произведении «Легкое дыхание».

При описании текста и его психоэмоциональной составляющей целесообразно обратиться к разбору выдающегося психолога Л.С. Выготского. Доминанта текста, по его мнению, сводится к самому названию – «легкому дыханию» [Выготский, 1987, с.149]. Несколько отличается видение сущности текстового материала у В.П. Белянина: автор говорит о доминировании депрессивных состояний: «Депрессия сопровождается невозможностью сделать глубокий, «легкий» вдох» [Белянин, 2000, с. 146]. Кроме того, исследователь отмечает потребность в дыхании, вздохе, которая прослеживается на протяжении всего рассказа. Анализ произведения «Митина любовь» показывает схожие результаты. Впрочем, такой радостный вдох героя несет на себе отпечаток депрессивности – он наступает только перед смертельным выстрелом [Бунин, 1997, с. 163].

Следовательно, характеристика «печальный» как никогда близка бунинскому творчеству и может применяться к большей части его произведений. Даже на церемонии вручения Нобелевской премии И.А. Бунин произнес следующие слова: «...чувства радости, даже самые резкие, почти ничего не значат по сравнению с таковыми же чувствами печали...» [Бунин, 1967, с. 2]. Интерпретировать данный фрагмент речи можно следующим образом: писать в моменты радости нелепо, большего результата можно добиться, пребывая в состоянии скорби и грусти.

Для определения психоэмоционального состояния и характеристик бунинских текстов нами использовался анализ в программе «Звукоцвет.ру». По его итогам получается общий цвет рассказа. В частности, по выбранному сборнику «Темные аллеи» были получены следующие результаты:

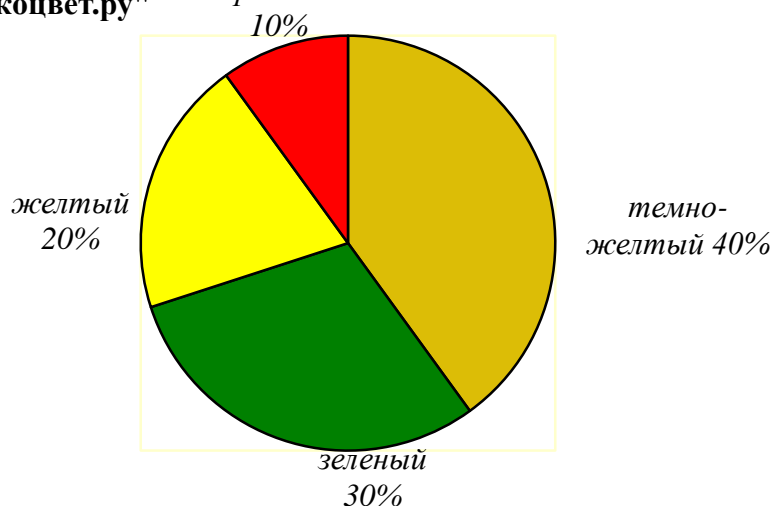
1. «Солнечный удар» – *зеленый*;
2. «Легкое дыхание» – *желтый*;
3. «Чистый понедельник» – *желтый*;
4. «Митина любовь» – *зеленый*;
5. «Холодная осень» – *зеленый*;
6. «Грамматика любви» – *темно-желтый*;
7. «Темные аллеи» – *красный*;
8. «Натали» – *с темно-желтый*;
9. «Таня» – *темно-желтый*;
10. «Кавказ» – *темно-желтый* [Звуковой анализ текстов, URL: <http://zvukocvet.ru>].

Графически результаты проведенного исследования выражаются в виде Диаграммы 4: она демонстрирует долю текстов каждого цвета в общем массиве произведений И.А. Бунина. Так доминируют *желтые* оттенки фоносемантики: на их долю приходится свыше 50% произведений (40% - *темно-желтый*, 20% -

желтый). Следующим по значимости становится *зеленый* (30%), замыкает «спектр» *красный* цвет (10%).

Диаграмма 4 - Процентное соотношение цветовых соответствий рассказов И.А.Бунина в программе "Звукоцвет.ру"

При определении цветовой доминанты прозы И.А. Бунина обратимся снова к результатам компьютерной диагностики, которая рассматривает все указанные оттенки в *темном* спектре. Следовательно, общий цвет доминанты бунинской лирики – *темно-желтый*.

Определяя особенности такого выбора настроения произведений, стоит учитывать традиции русского цветовосприятия, в котором *жёлтый* становится символом тяжелой депрессии и подавленности [Аристова, 2017].

Такая характеристика цвета доказывается в исследованиях М. Люшера, в рамках цветового теста которого указывается, что «желтый цвет означает поиски освобождающего выхода». Удручающая неудовлетворенная душевная привязанность требует здесь прежде всего облегчения для устранения депрессии. Неудовлетворенная эмоциональность превращается в безостановочные поиски выхода. Это не только освобождение от душевной ранимости, но и поиски удовлетворяющей гармонии, что может найти выражение, среди прочих иных возможностей, также и в поисках смысла жизни (мировоззрения) или в математическом складе ума [Сайт интегрального человековедения, URL: <http://aquarun.ru>].

Далее в рамках исследования предполагалось установить средний колористический оттенок произведений из цикла бунинской лирической прозы. Решение задачи осуществлялось методом опроса старшеклассников (МБОУ «Средняя школа № 16 – Центр образования р.п. Первомайский» Щекинского района Тульской области). Объем выборки составил 55 человек.

Методика проведения эксперимента заключалась в следующем: учащимся предлагался для самостоятельного изучения текст (отрывки из произведений И.А. Бунина). Далее требовалось сопоставить прочитанные фрагменты с цветовыми оттенками, которые транслировались на экране. Основой построения «световых шкал» послужили работы А.П. Журавлева (См. Таблицу 8 §2.3).

Ответы учащихся фиксировались в стандартизированных бланках, которые содержали следующие разделы: личные данные (возраст и пол), цвет, соответствующий тому или иному произведению. Обработка результатов производилась путем применения методов статистики, а её результаты отражены в Таблице 9.

Как показывает сводная таблица, учащиеся в наибольшей степени склонялись к выбору *темно-коричневого* и *красного* цветов (см. Таблица 9, подчеркнуто – в отдельных произведениях, выделено жирным шрифтом – общее количество указанного оттенка). На втором месте по частотности упоминания – *синий, голубой, желтый* и *белый* цвета (см. Таблица 9, подчеркнуто – в отдельных произведениях, выделено жирным шрифтом – общее количество указанного оттенка). При этом выбор программы на практике не совпал с ответами учащихся: практически никто не отдал предпочтение *темно-жёлтому*.

Статистическая корреляция ответов по гендерному признаку может быть признана ничтожной, поскольку её результаты и отклонения незначительны (см. Таблица 10).

Второе важное замечание касается общепризнанных особенностей цветовосприятия: например, *красная кровь, голубое небо, зеленая трава* – все эти словосочетания вызывают вполне определенные эмоциональные образы.

Таблица 9 – Сводная таблица количества реакций, полученных при сопоставлении текстов И.А. Бунина с цветовыми оттенками¹

Название произведения/ цвет	густо-красный	ярко-красный	светло-желтый или белый	зеленый	желто-зеленый	зеленоватый	синий	синеватый	темно-синий, сине- зеленый, лиловый	голубоватый, сиреневый	мрачный темно- коричневый или черный
«Солнечный удар»	5	2	4	–	2	3	<u>11</u>	5	<u>13</u>	4	6
«Грамматика любви»	<u>21</u>	9	2	1	–	1	2	1	3	8	7
«Легкое дыхание»	3	2	<u>15</u>	2	4	2	–	1	2	5	<u>19</u>
«Темные аллеи»	<u>13</u>	3	–	–	–	–	6	3	11	2	<u>17</u>
«Чистый понедельник»	1	1	<u>8</u>	–	3	1	4	5	6	6	<u>20</u>
«Митина любовь»	4	3	3	1	–	–	4	7	<u>14</u>	4	<u>15</u>
«Таня»	2	–	8	–	–	–	9	<u>10</u>	1	<u>10</u>	<u>15</u>
«Натали»	<u>15</u>	5	1	–	–	–	1		4	7	<u>22</u>
«Холодная осень»	4	2	<u>9</u>	–	1	–	4	6	8	5	<u>16</u>
«Кавказ»	14	10	2	–	–	–	5	4	5	3	<u>12</u>
Итого	82	37	52	4	10	7	46	42	67	54	149

¹ Подчеркнуты наиболее частотные цветовые показатели в отдельных произведениях, жирным шрифтом выделено общее количество указанного оттенка во всех анализируемых текстах.

Таблица 10 – Сводная таблица количества реакций, полученных при сопоставлении текстов И.А. Бунина и цветовых оттенков (с учетом гендерных признаков)²

Название произведения/цвет	густо-красный	Количество реакций		светло-желтый или белый	Количество реакций		синий	Количество реакций		темно-синий, сине-зеленый, лиловый	Количество реакций		голубоватый, сиреневый	Количество реакций		мрачный темно-коричневый или черный	Количество реакций	
		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.		Муж.	Жен.
«Солнечный удар»							<u>11</u>	6	5	<u>13</u>	7	6						
«Грамматика любви»	<u>21</u>	9	12															
«Легкое дыхание»				<u>15</u>	7	8										<u>19</u>	10	9
«Темные аллеи»	<u>13</u>	5	8													<u>17</u>	10	7
«Чистый понедельник»				<u>8</u>	3	5										<u>20</u>	8	12
«Митина любовь»										<u>14</u>	7	7				<u>15</u>	11	4
«Таня»													<u>10</u>	6	4	<u>15</u>	6	9
«Натали»	<u>15</u>	6	9													<u>22</u>	12	10
«Холодная осень»				<u>9</u>	3	6										<u>16</u>	10	6
«Кавказ»	<u>14</u>	4	10													<u>12</u>	4	8
Итого	82	24	39	52	13	19		6	5	67	14	13	54	6	4	149	71	65

² Подчеркнуты наиболее частотные цветовые показатели в отдельных произведениях, жирным шрифтом выделено общее количество указанного оттенка во всех анализируемых текстах, указаны гендерные различия в выборе цветовых показателей.

Следует также указать на многоплановый и многоаспектный характер цветовосприятия с позиций психологии личности. Так при выборе ассоциаций с цветом человек руководствуется его личностным восприятием, опытом и принятыми представлениями. Так, например, для синего цвета характерна прохлада, спокойствие и тишина, в то время как красный – это действие, агрессия, возбуждение. Вероятно, такое понимание основывается на ассоциативном ряду: синее небо, море – спокойствие; красный – провокация, опасность [Центр дополнительного образования, URL: <http://elitarium.ru>].

«Психологами доказано, что пик активности цветовосприятия приходится на подсознательный период нейронных процессов» [Аристова, 2017]. В процессе социализации человек получает определенный жизненный опыт, который в соединении с индивидуальными личностными особенностями, согласно научным исследованиям, «оказывают значительное воздействие на цветовое восприятие» [Там же]. Следовательно, восприятие текста динамично, оно меняется с возрастом, а также зависит от ряда факторов, например, менталитета. При этом степень и скорость воздействия каждого цвета также отличается: у *красного* она выше, чем у *синего* и *зеленого*.

Итак, при анализе произведений с позиций фоносемантического подхода следует учитывать зависимость цветовосприятия от особенностей личности как автора произведения, так и читателя. Проявление авторской позиции выражается в системе персонажей, символов и образов, которые складываются в целостную картину произведения. Читатель проявляет через цветовосприятие собственный опыт и ментальность, а также прочие черты.

В рамках нашего исследования было установлено, что тексты И.А. Бунина в большей степени характеризуются через понятия мрачности и трагичности, которые и являются чертами его прозы. Комментарии информантов свидетельствуют о таких фактах, как неизменные муки и

переживания, а часто – и смерть героев в книгах. Этим объясняется выбор *темных* цветов и оттенков при проведении цветового звукобуквенного анализа рассказов И.А. Бунина. Вместе с тем, аналогичные характеристики (хотя и не лишённые субъективных высказываний) проявляются и в ответах респондентов.

Итак, результаты исследования могут быть выражены в следующих тезисах:

- произведения И.А. Бунина отличаются четко выраженной цветовой и смысловой доминантой, которая тяготеет к *темно-желтому* цвету и депрессивности;

- определение цветовой доминанты осуществляется в ходе проведения комплексного анализа текста, включающего аспекты психолингвистики, литературоведения и др.;

- анализ произведения должен строиться с учетом модели мироощущения и психологии обоих субъектов – читателя и писателя;

- выявление эмоционально-смысловой доминанты текста и определение с ее помощью типа текста коррелирует с цветовыми параметрами произведения.

Применительно к текстам И.А. Бунина данное высказывание особенно актуально: темные оттенки рассказов соотносятся с «печальным» типом текста.

§ 3.5 Сопоставление анализа восприятия звукоцветовых соответствий в произведениях И.А. Бунина во взрослой и детской аудитории (на материале психолингвистических экспериментов)

В научном знании признана идея о том, что онтогенез протекает не самостоятельно и оторвано, но в неразрывной связи с процессом филогенеза. Генетические предпосылки обнаруживаются даже в таких аспектах, как поведенческие особенности детей. Например, «когда ребенок закапывает

игрушку в песок, это не что иное как повторение действий его далеких предков, которые прятали добытое, зарывая его в землю. К тому же именно в этом возрасте, до трех лет, ребенок овладевает прямохождением, речевым общением и предметной деятельностью» [Тронский, 1967, с. 204]. Следовательно, анализ текста невозможен без учета указанных факторов, в частности, определения степени воздействия мировоззренческих ориентиров, заложенных в детстве, на дальнейшее развитие личности и понимание ею текстов, слов, контекстов.

Например, в исследованиях А.Г. Спиркина указывается, что «этимологический анализ слов убеждает нас в том, что наименование предметов, как правило, носит вполне мотивированный характер» [Спиркин, 1957, с. 27]. Следовательно, изначально человек общался при помощи звуков, и именно они легли в основу стройной и сложно устроенной речи и письменности.

В психолингвистике вопросы мотивированности звуков и букв также рассматриваются как системообразующие факторы. Например, в направлении бихевиоризма чувственное восприятие переносится из области исключительно психологической в систему ассоциативного восприятия. Согласно теории «треугольника значения» Огдена и Ричардса, «в каждом референциальном процессе имеются три компонента: знак, мысль и референт. Существуют связи между знаком и мыслью, а также между мыслью и референтом. Но связь между мыслью и референтом (объектом внеязыковой действительности, подразумеваемым автором) никогда не бывает непосредственной: она существует только в сознании человека» [Цит. по: Старцева, 1999, с. 27]. Однако ученые говорят лишь о начальных аспектах связи звуков и объектов, но не ставят своей целью определение закономерностей этой взаимосвязи.

Между тем именно в архаическом мышлении звучание предметов имеет особый сакральный смысл. Впоследствии такие границы стираются, а

наименования становятся самостоятельными, практически утрачивая связь с первоначальным смыслом и объектом. Чтобы установить особенности трансформации речи человека, допускается проведение эксперимента с детьми дошкольного возраста. Развитие ребенка протекает таким образом, что повторяет в отдельных моментах филогенез человечества в целом. Применение данной методики обусловлено потребностью в установлении принципов восприятия детьми отдельных звуков [Макарова, 2015].

Подобная работа, включающая анализ процесса восприятия звуков и их соотнесения с цветами спектра детским подсознанием, направлена на выявление фундаментальной взаимозависимости семантики и фонетического значения.

В рамках анализа звукоцвета в произведениях И.А. Бунина мы провели эксперимент, в котором приняли участие учащиеся 1-7 классов МБОУ «Средняя школа № 16 – Центр образования р.п. Первомайский» Щекинского района, Тульской области (возраст 6-13 лет, 80 человек). Основной задачей эксперимента являлось выявление различий/сходств цветовых ощущений при прочтении букв и прослушивании звуков с представленными А.П. Журавлевым измерениями гласных по «световым шкалам».

Учащиеся получили по два бланка с пустыми, «незакрашенными» буквами, обозначающими гласные звуки. Эксперимент провели в два этапа. Первый этап – заполнение цветом представленных букв, второй – заполнение цветом представленных букв после услышанных соответствующих звуков.

В результате эксперимента были получены следующие данные. Первый этап (выявление цветобуквенных соответствий) показал те же соответствия, что представлены в концепции А.П. Журавлева. Но второй этап («раскрашивание» букв после произнесенных соответствующих им звуков) дал расхождения с имеющимися показателями. Только 70 % опрошенных присвоили звукобукве «А» – *красный* цвет (см. Таблицу 11, выделено

жирным шрифтом), почти 24 % – *ярко-красный* и остальные 6 % – *светло-желтый/белый, синий, темно-коричневый/синий, зеленый*; звукобуква «О» в 80 % оказалась *синего* цвета (см. Таблицу 11, подчеркнута) и только 15 % опрошенных присвоили «О» *светло-желтый/белый* (см. Таблицу 11, выделено жирным шрифтом). В остальных случаях были получены показатели, в большей степени (в процентном соотношении более 60) соответствующие схеме А.П. Журавлева, (см. Таблицу 11, выделено жирным шрифтом).

Таблица 11 – Сводная таблица количества реакций, полученных на втором этапе эксперимента³

Звукобуквы/цвета	А	Я	О	Е	Ё	Э	И	Й	У	Ю	Ы
Густо-красный	56	75									5
Ярко-красный	19	4									
Светло-желтый/белый	1		12	2	3					2	
Зеленый	1			73	3					1	
Желто-зеленый			3	5	70						
Зеленоватый						69				1	
Синий	1		<u>64</u>			4	72	10	1	3	
Синеватый							6	66	1	3	
Темно-синий/сине-зеленый/лиловый		1			2		1	3	77	1	
Голубоватый/сиреневый			1		1		1		1	68	
Темно-коричневый/черный	2				1	7		1		1	75
Итого совпадений схеме А.П. Журавлева (количество человек)	56	75	64	73	70	69	72	66	77	68	75
Итого совпадений схеме А.П. Журавлева (проценты)	70	94	80	91	88	86	90	83	96	85	94

³ Выделено жирным шрифтом преобладающее количество ответов, совпадающих с предложенными А.П. Журавлевым звукоцветовыми показателями; подчеркнута преобладающее количество ответов, несовпадающих с предложенными А.П. Журавлевым звукоцветовыми показателями.

В других проводимых нами экспериментах расхождения чаще были при зрительном восприятии текста (см. предыдущие параграфы этой главы). Но в качестве основы для исследований мы брали готовые художественные тексты. В данном эксперименте мы получили расхождения, наоборот, при прослушивании. Это еще раз подтверждает нашу мысль о том, что семантика слова превалирует над фонетическим значением и возникновению цветовой ассоциации в том числе. «Этот процесс значительно ослаблен в детском подсознании, в сравнении с взрослым человеком, постоянно обращающимся к денотату» [Макарова, 2015]. Довольно часто дети называли цвет, объясняя его определенным знакомым образом, который был услышан ими в тексте. Это значит, что звуковое значение тяготеет к семантическому отражению. Соответственно, отсутствие слова и его лексического значения дает возможность получить «чистую» взаимосвязь звука и цвета.

Изучение закономерностей и взаимосвязей между звуками, буквами и их цветовосприятием предполагало работу с детьми. При этом нами использовалась методика А.П. Журавлева, в которой каждой звукобукве соответствует определенный цвет спектра. Исследование проводилось на базе ТГПУ им. Л.Н. Толстого. Участниками эксперимента стали студенты филологических специальностей 1-3 курсов в составе 55 человек. Возраст аудитории – 18-20 лет. Изучение взаимосвязей между указанными категориями проводилось посредством комплексного анализа произведений И.А. Бунина из сборника «Темные аллеи».

Представим данные тексты.

1. *«Утром, когда я вышел в коридор, в нем было солнечно, душно, из уборных пахло мылом, одеколоном и всем, чем пахнет людный вагон утром. За мутными от пыли и нагретыми окнами шла ровная выжженная степь, видны были пыльные широкие дороги, арбы, влекомые волами, мелькали железнодорожные будки с канареечными кругами подсолнечников и алыми мальвами в палисадниках... Дальше пошел*

безграничный простор нагих равнин с курганами и могильниками, нестерпимое сухое солнце, небо, подобное пыльной туче, потом призраки первых гор на горизонте...» [Бунин, 2006, с. 143].

2. *«...Все время дожди, кругом сосновые леса. То и дело в яркой синеве над ними скопляются белые облака, высоко перекачивается гром, потом начинает сыпать сквозь солнце блестящий дождь, быстро превращающийся от зноя в душистый сосновый пар... Все мокро, жирно, зеркально... В парке усадьбы деревья были так велики, что дачи, кое-где построенные в нем, казались под ними малы, как жилища под деревьями в тропических странах. Пруд стоял громадным черным зеркалом, наполовину затянут был зеленой ряской... Я жил на окраине парка, в лесу. Бревенчатая дача моя была не совсем достроена, – неконопаченые стены, неструганные полы, печи без заслонок, мебели почти никакой. И от постоянной сырости мои сапоги, валявшиеся под кроватью, обросли бархатом плесени...» [Там же, с. 238].*

Далее приведем описание экспериментальной части нашего исследования. Тексты предлагались для ознакомления в формате аудирования (первая группа – женский голос, вторая – диктор-мужчина). Участники третьей группы самостоятельно знакомились с текстом в графическом виде. Опросник имел стандартную форму и предлагался каждому участнику эксперимента. В нем содержались вопросы относительно личных данных и цветовосприятия.

Второй этап эксперимента – ознакомление с текстом детей дошкольного возраста. В данном случае ответы детей фиксировались с помощью аудиозаписей на диктофон. В результате предполагалось установить закономерности формирования звуковосприятия в процессе развития человека.

Оценка результатов предполагала подсчет суммарного количества гласных в тексте, а также их распределение по группам в зависимости от

принадлежности к тому или иному цвету в соответствии с методикой А.П. Журавлева. Задачей нашего исследования стало доказательство тезиса, что «для поэта, кроме значений слов, важна еще и значимость звуков... поэт организует звучание так, что оно своей значимостью аккомпанирует основному значению, выраженному в словах текста» [Журавлев, 1991, с. 72].

Идеи А.П. Журавлева относительно особенностей восприятия цвета основываются на утверждении, что «цветовое устройство мира отразилось в цветовом устройстве языка» [Там же]. Исследование особенностей данного процесса производилось как путем проведения опросов и дальнейшего ручного подсчета результатов, так и с применением компьютерной программы «Звукоцвет.ру».

Результаты экспериментальной части исследования будут отражены ниже. Прежде всего, обратимся к данным по каждому из представленных фрагментов текста И.А. Бунина (Текст №1 и Текст №2).

Компьютерная программа описывает Текст №1 как *серо-синий* (см. Рисунок 36).

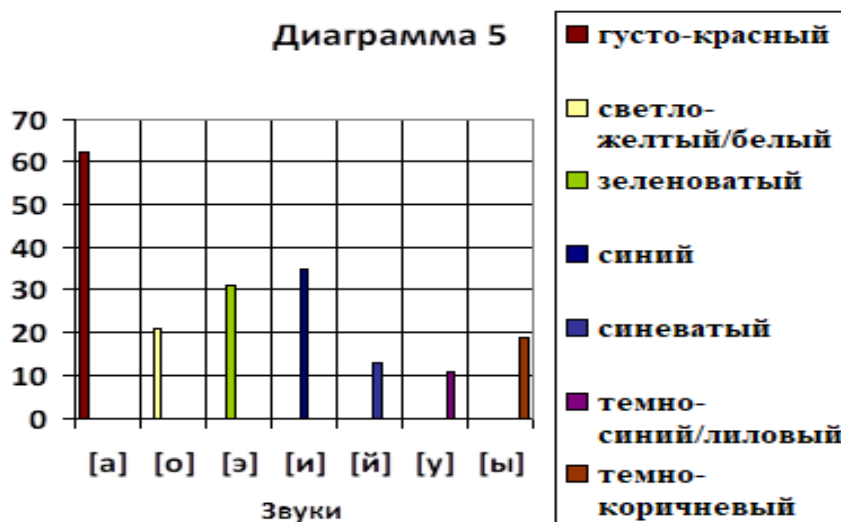
Рисунок 36 – Фоносемантическая оценка Текста № 1 из рассказа И.А. Бунина «Кавказ» в программе «Звукоцвет.ру»

Чтобы определить особенности цветовосприятия, мы сопоставили эти данные с результатами подсчета ответов респондентов (в основе анализа – методика А.П. Журавлева).

Принцип исследования заключался в выделении и подсчете гласных звуков анализируемого текстового фрагмента. Далее устанавливалось их соответствие цветам и оттенкам по заданной шкале. Итоговый средний цвет Текста №1 – на 90% *красно-коричневый*, на 10% - *синий* (см. Диаграмму 5).

Диаграмма 5 – Ручной подсчет количества гласных Текста №1 из рассказа И.А. Бунина «Кавказ»

При фоносемантической оценке Текста № 1 программа «ВААЛ» наделяет этот отрывок следующими признаками: *тяжелый, холодный, медлительный, медленный*. Средний цвет указанного отрывка – в меньшей степени *синий* и в большей – *коричневый* (см. Рисунок 37).

Представленный текст в интерпретации взрослой аудитории (студентов) приобрел оттенки *желтого* – свыше 65% респондентов выбрали именно этот вариант. При этом у аудитории этого возраста отмечается четкая корреляция результатов с гендерными особенностями: так в мужском прочтении большинство опрошенных склонились в сторону *желто-оранжевого* цвета текста.

Рисунок 37 – Фоносемантическая оценка Текста № 1 из рассказа И.А. Бунина «Кавказ» в система «ВААЛ-мини»

Тот же материал, но в исполнении женщины приобрел окраску в *желтый* (10 человек), *серо-голубой* (9 человек), *зеленый* (1 человек).

По результатам этапа самостоятельного зрительного прочтения текста, были получены следующие показатели. Более половины опрошиваемых (10 человек из 18) так же присвоили тексту *желтый* цвет, а остальные 8 указали различные оттенки цветовой палитры: *коричневый* (3), *серый* (2), *зелено-голубой* (2), *розовый* (1) (см. Таблицу 12 и Диаграмму 6).

Таким образом, при зрительном восприятии текста ответы при выборе цветового показателя более вариативны.

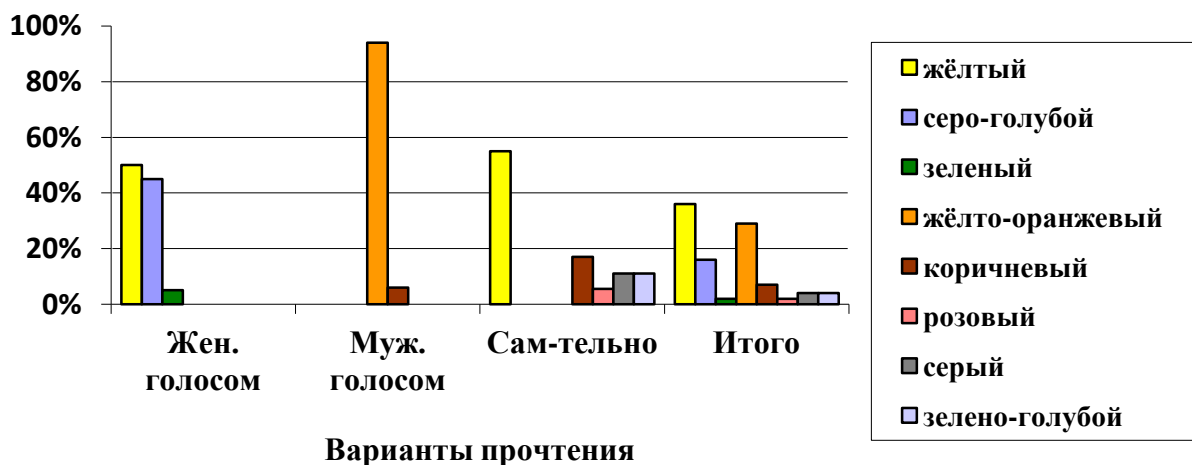
С нашей точки зрения, это объясняется возможностью перечитывать текст необходимое количество раз, обдумывать его при самостоятельном прочтении, а также допустимой опорой на ассоциативность, связанную с жизненным опытом реципиента. [Макарова, 2015]. Мы предполагаем также, что большая часть информантов выбрала именно *желтый* цвет как основной для Текста № 1 в связи с определенным жизненным опытом и связанными с ним ассоциациями.

Видимо, цвета пейзажных элементов (поля, песок), а также оттенки, свойственные утреннему времени суток (цвет светлеющего неба, цвет восходящего солнца), предопределили выбор светлых, желтых тонов. Также следует указать на большую степень визуального воздействия на психологическое восприятие текста по сравнению с аудированием.

Таблица 12 – Сводная таблица количества реакций, полученных при прочтении Текста № 1 из рассказа И.А. Бунина «Кавказ»

Варианты прочтения текста/цветовые соответствия	Женским голосом	Мужским голосом	Самостоятельно	Итого
Жёлтый	10 (50%)		10 (55,5%)	20 (36%)
Серо-голубой	9 (45%)			9 (16%)
Зеленый	1 (5%)			1 (2%)
Жёлто-оранжевый		16 (94%)		16 (29%)
Коричневый		1 (6%)	3 (17%)	4 (7%)
Розовый			1 (5,5%)	1 (2%)
Серый			2 (11%)	2 (4%)
Зелёно-голубой			2 (11%)	2 (4%)
Итого	20 (100%)	17 (100%)	18 (100%)	55 (100%)

Диаграмма 6 - Процентное соотношение реакций, полученных при прочтении Текста № 1 из рассказа И.А. Бунина «Кавказ»

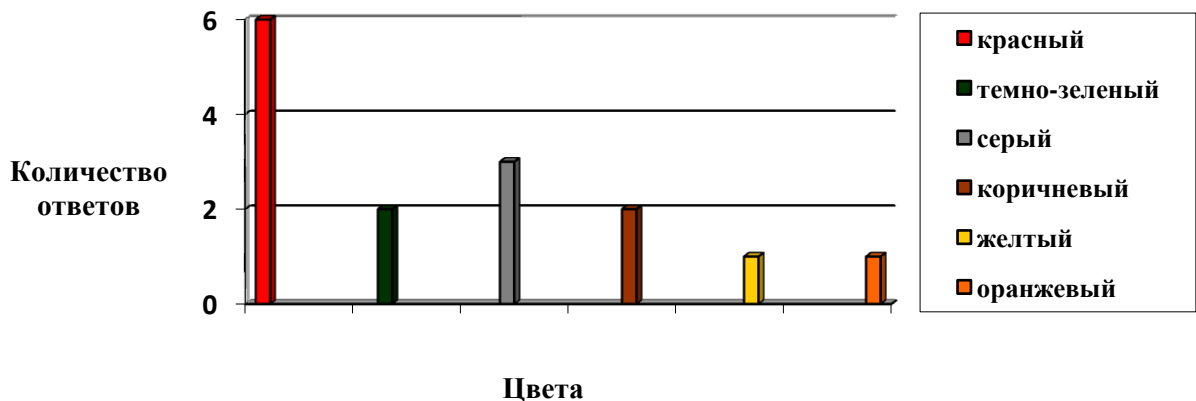

Следовательно, можно говорить о вероятном воздействии двух составляющих звукобуквы на восприятие: звуковая составляющая оказывается сильнее при прослушивании, буквенная – при прочтении. Также важный вывод был сделан относительно вида и качества прочтения текста: при воспроизведении «женской» версии настроение текста передается корректнее – *серо-голубой* и *серой-синий* оттенки были даны как респондентами, так и программой «Звукоцвет.ру» (см. Рисунок 36).

Таким образом, промежуточные результаты исследования показали, что при прослушивании текста в мужском исполнении респонденты склонялись к *желто-оранжевым* оттенкам и *красно-коричневым*.

Результаты опроса дошкольников отображены графически в виде Диаграммы 7. Распределение показало, что отрывок текста окрашен частично в *темно-зеленый* (по причине страха), *красный* и *серый* цвета. При этом выбор последних двух не был подкреплён аргументам.

Диаграмма 7 - Соотношение цветовых показателей в детской аудитории по Тексту №1 из рассказа И.А. Бунина "Кавказ"

В данном случае также следует учитывать возрастные особенности текста: для детей дошкольного возраста сама фактура достаточно сложна из-за обилия незнакомых слов и словосочетаний (*могильники; арбы, влекомые*

волами; курганы и др.). Во-вторых, многие предложения трудны для понимания с точки зрения структуры и синтаксиса.

В дошкольном возрасте легко воспринимаются простые предложения. Однако подобный текст мы выбрали осознанно, рассчитывая на то, что многое из услышанного детям будет неизвестно в силу незначительного приобретенного жизненного опыта. Одновременно можно проследить первоначальное восприятие звуков безотносительно к смысловой составляющей слов. Иными словами, дети оценивают слова по их звучанию, поскольку не знакомы с их значением.

Описанный выше этап эксперимента позволил получить цветовые показатели «чистых» звуков, по той причине, что незнание значения слова исключает возможность его давления на звучание, а значит, в детском подсознании, в отличие от взрослого, денотат не влияет на соотнесение услышанного слова с цветовым оттенком.

Результаты второй части экспериментальной работы могут быть выражены в следующем: при отсутствии выраженного влияния содержательной составляющей слова или предложения (которое наблюдается у детей) происходит подсознательное определение цветовосприятия текста без попыток связать его с денотатом.

Второй вывод касается особенностей выбора цвета: часто дети делают его, исходя из личных предпочтений и представлений. Например, текст может представляться им *красным*, если этот цвет – любимый, а прочитанный рассказ в целом понравился. Иной пример – это окрашивание текста в *серый* цвет на основании слова «призрак». Именно такого цвета был призрак в фильме, который когда-то видел ребенок. Следовательно, роль ассоциативного мышления в дошкольном возрасте достаточно высока.

Объективный анализ ответов дошкольников осложнялся отсутствием логики в ряде фраз и цветовосприятий. Так, остался непонятен ответ ребенка, который назвал цвет текста *красный*, поскольку он напомнил ему о *дожде*.

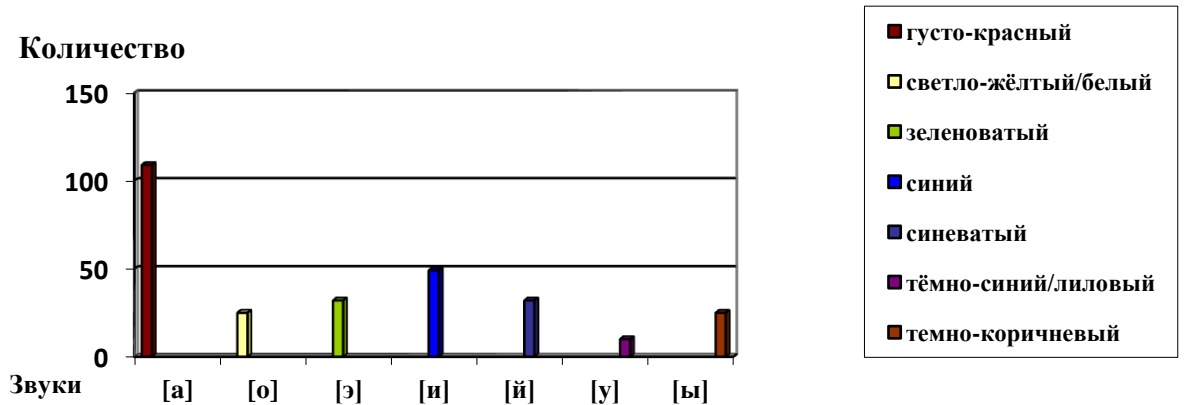
Какова взаимосвязь данного явления и оттенка – не вполне понятно. Из этого следует, что такая характеристика проистекает исключительно из совокупности звуков в данном тексте, что подтверждается компьютерной диагностикой – Текст №1 окрашен в *красно-коричневый цвет*.

Аналогичные данные были получены при фоносемантическом исследовании Текста №2. В данном случае также было установлено, что ответы детей существенно отличались от ответов респондентов в возрасте 18-20 лет. Одновременно требуется охарактеризовать текст с позиций компьютерной диагностики: он определен как *темно-желтый* (см. Рисунок 38). Результаты ручного подсчета звукоцветовых соответствий отражены графически на Диаграмме 8. Как видно, в данном случае текст характеризуется как *красный*.

Рисунок 38 – Фоносемантическая оценка Текста №2 из рассказа И.А. Бунина «Муза» в программе «Звукоцвет.ру»

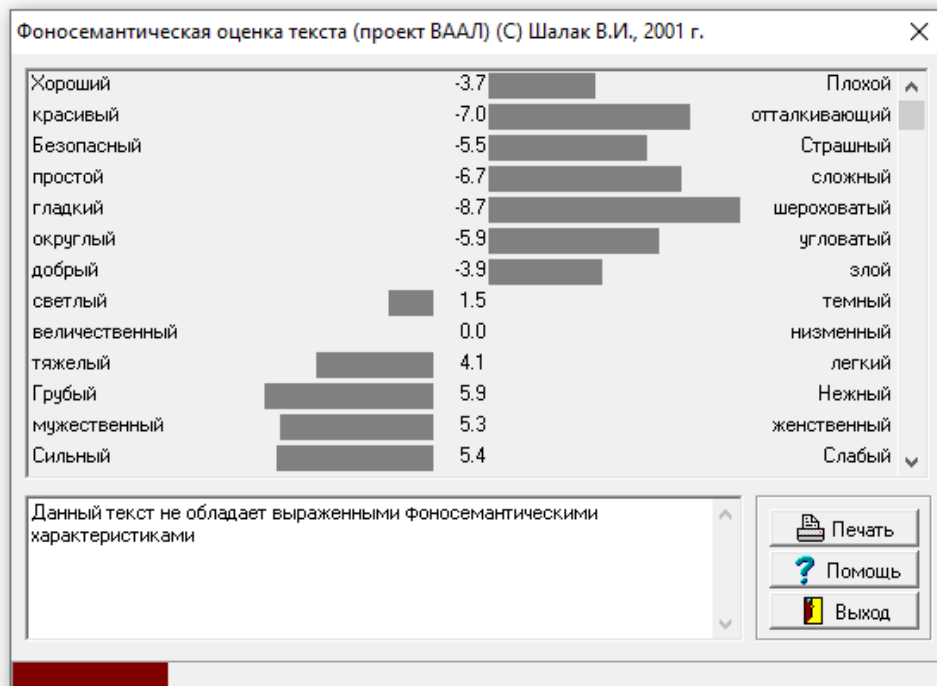

Диаграмма 8 - Соотношение количества гласных Текста №2 из рассказа И.А. Бунина "Муза" при ручном подсчете

Согласно данным ВААЛ, указанный фрагмент бунинской прозы имеет *коричневую* окраску (см. Рисунок 39). Аудирование показало, что свыше половины респондентов склоняются к *зеленому* цвету текста, хотя его оттенки были названы самые разнообразные – от *темных* до *сине-зеленых*.

Рисунок 39 – Фоносемантическая оценка Текста №2 из рассказа И.А. Бунина «Муза» в системе «ВААЛ-мини»

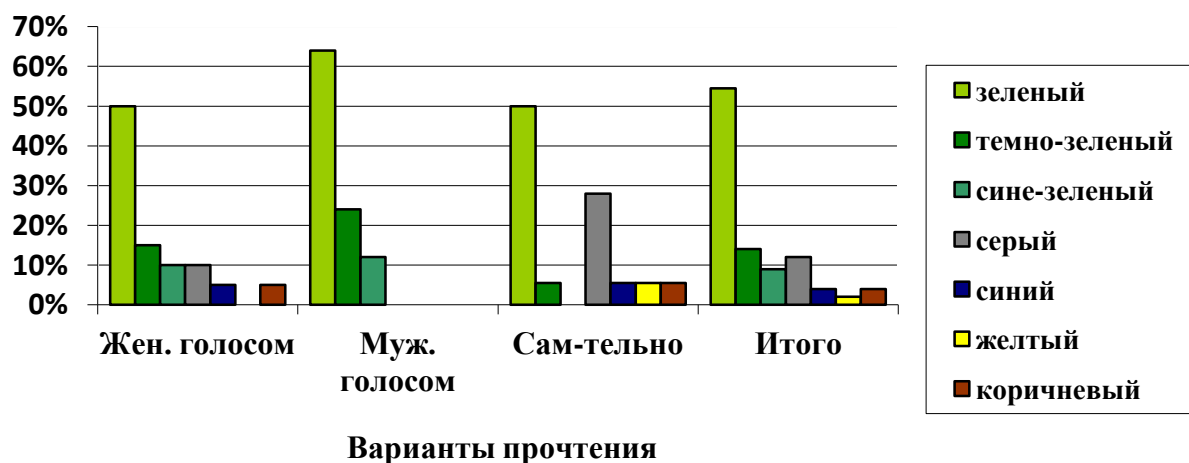

Также доказано слабая степень эмоционального воздействия графической формы текста: звук оказывает сильное воздействие на человека, в то время как звукобуква ослабляется за счет второй составляющей. Поэтому респонденты предлагали больше вариантов цветов текста по сравнению с аудио-версией: *зеленым* назвали его половина опрошенных (9 человек), *серым* – 5 человек, *синим*, *коричневым*, *желтым* – остальные (см. Таблицу 13 и Диаграмму 9).

Таблица 13 – Сводная таблица количества реакций, полученных при прочтении Текста № 2 из рассказа И.А. Бунина «Муза»

Варианты прочтения текста/цветовые соответствия	Женским голосом	Мужским голосом	Самостоятельно	Итого
<i>Зеленый</i>	10 (50%)	11 (64%)	9 (50%)	30 (54,5%)
<i>Темно-зеленый</i>	3 (15%)	4 (24%)	1 (5,5%)	8 (14,5%)
<i>Сине-зеленый</i>	3 (15%)	2 (12%)		5 (9%)
<i>Серый</i>	2 (10%)		5 (28%)	7 (12%)
<i>Синий</i>	1 (5%)		1 (5,5%)	2 (4%)
<i>Желтый</i>			1 (5,5%)	1 (2%)
<i>Коричневый</i>	1 (5%)		1 (5,5%)	2 (4%)
Итого	20 (100%)	17 (100%)	18 (100%)	55 (100%)

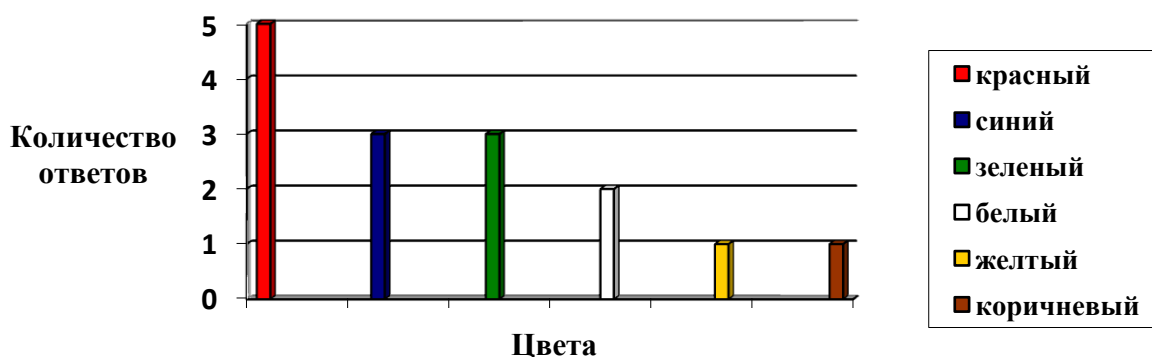
Диаграмма 9 - Процентное соотношение реакций, полученных при прочтении Текст № 2 из рассказа И.А. Бунина "Муза"

Однако усредненным показателем экспериментального исследования текста стал *серо-зеленый* цвет. Такой вариант цвета может быть вызван содержательной составляющей текста: в нем встречаются слова с соответствующей цветовой характеристикой – сосны, лес, дождь и пр.

Анализ ответов дошкольников не поддается строгому учету и логике, поскольку лишен четкой ассоциативной составляющей. Большая часть опрошенных назвала в качестве основного цвета текста *красный*. Остальные выбирали между *синим*, *желтым*, *белым*, *зеленым* и *коричневым* (см. Диаграмму 10). В отличие от взрослых, дети затруднились с обозначением четких аргументов выбора того или иного цвета текста. Это доказывает, что а) текст оказался сложным для восприятия; б) подбор цвета проводился в большей степени интуитивно.

Диаграмма 10 - Соотношение цветовых показателей в детской аудитории по Тексту №2 из рассказа И.А. Бунина "Муза"

Также отметим, что в качестве ответа респонденты должны были называть то первое впечатление, что приходит им на ум при знакомстве с текстом. Такой подход наиболее доступен дошкольникам: по мере взросления люди утрачивают возможность интуитивной оценки, обращаясь при анализе к собственному опыту и денотатам.

Подведем итог анализа результатов звукоцветовой оценки текстов в рамках проведенного эксперимента.

Определенную роль при выявлении звукоцветовых соответствий может играть «архаическое мышление».

Анализ фоносемантической структуры текста показывает различные результаты, которые связаны в том числе с формой представления текста, а также возрасте и особенностях восприятия читателя. Звуковое значение и семантика слова – тесно взаимосвязанные понятия, которые активно проявляются у детей младшего возраста. Использование методики А.П. Журавлева позволило определить не только цвет текстов, представленных в эксперименте, но и сопоставить данные с результатами опроса респондентов.

Тем не менее, вопрос о «чистом» звукоцветовом соотношении остается открытым. Для получения ответа на него требуется дополнительное изучение проблемы в аспекте привлечения к эксперименту лиц, которые не соотносят названия с их смысловым наполнением. К примеру, это люди, у которых затруднен доступ к зрительному восприятию объектов и их буквенным образам, т.е. наименованиям. В этом направлении на данный момент в науке известно немного исследований, а значит, их результаты могут быть полезны для дальнейшего изучения и звукоцвета, и других фоносемантических вопросов.

§ 3.6 Анализ восприятия звукоцветовых соответствий в произведениях

И.А. Бунина носителями южнославянских языков (на основе психолингвистического эксперимента)

В предыдущих параграфах данного исследования мы обращаемся к анализу звукобуквенных и цветовых соответствий носителями русского языка. Мы опираемся на изучение и поэтических, и прозаических текстов

произведений И.А. Бунина. Для экспериментов с целью их максимальной чистоты мы выбрали реципиентов различных возрастных групп (дети дошкольного возраста, школьники, студенты). Но, как было уже отмечено нами ранее, различия в соответствии звук-цвет могут наблюдаться у носителей различных языков, что объясняется функциями языка, его специфическими особенностями, неразрывно связанных с психологией его носителей. (см. § 1.6). В этой связи было логичным провести ещё одно исследование восприятия звукоцветовых значений в произведениях И.А. Бунина носителями южнославянского языка – сербского и боснийского.

Опираясь на мысль, высказанную лингвистом Э. Сепиром, о том, что «внутреннее содержание всех языков одно и то же – интуитивное знание опыта. Только внешняя их форма разнообразна до бесконечности...» [Сепир, 1993, с. 193], попытаемся доказать, что звуковое восприятие в разных языках имеет как различия, так и сходство. Каждый язык рисует свою картину мира, опираясь на общие принципы познания окружающего мира, поэтому исследования национальных особенностей и универсальных составляющих этих языков позволяют восстанавливать фрагменты языковой картины мира и ее идей [Прокофьева, 2007, с. 7].

Целью эксперимента было выявление различий и сходств в восприятии звуков и соотнесении их с цветовыми характеристиками, представленными в работах А.П. Журавлева, у носителей разных языков: русского и сербского, боснийского.

В данном исследовании принимали участие студенты философского факультета Университета в Баня-Луке (Босния и Герцеговина). Организовать и провести эту работу нам помогла профессор Светлана Бороевич, доктор философских наук, координатор Лаборатории экспериментальной психологии при Университете в Баня-Луке. Нам удалось с ней связаться, отправить по электронной почте ей анкеты для участников

(см. Приложение А), а также аудиозаписи, записанные в женском исполнении, текстов поэтических и прозаических произведений И.А. Бунина (см. Приложение Б).

Респондентам были представлены 8 аудиозаписей текстов И.А. Бунина и анкеты для заполнения результатов, содержащие цветовые соответствия методики, предложенной в работах А.П. Журавлева. В эксперименте приняли участие 28 человек из Боснии и Герцеговины в возрасте от 20 до 25 лет, из них 26 – девушек и 4 – юноши. Первые четыре текста – поэтические, остальные – прозаические. Для удобства описания будем использовать нумерацию текстов. Аудиозапись № 1 – текст стихотворения «Осыпаются астры в садах», аудиозапись № 2 – текст стихотворения «Сказка», аудиозапись № 3 – текст стихотворения «Всё лес и лес...», аудиозапись № 4 – текст стихотворения «Ещё и холоден и сыр...» (см. ранее §1.3), аудиозапись № 5 – текст рассказа «Кавказ», начинающийся со слов «Утром, когда я вышел в коридор...», аудиозапись № 6 – текст рассказа «Муза», начинающийся со слов «Всё время дожди...» (см. ранее § 1.5). Эти тексты мы уже приводили ранее в предыдущих параграфах, поэтому в этом их дублировать не будем. Приведем два отрывка из рассказа «Танька», соответствующих аудиозаписям № 7 и № 8:

№ 7. «Прошлую зиму Танька и даже Васька ложились спать поздно и могли спокойно наслаждаться сиденьем на "группке" печки хоть до полуночи. В избе стоял распаренный, густой воздух; на столе горела лампочка без стекла, и копоть темным, дрожащим фитилем достигала до самого потолка. Около стола сидел отец и шил полушубки; мать чинила рубахи или вязала варежки; наклоненное лицо ее было в это время кротко и ласково, тихим голосом пела она "старинные" песни, которые слыхала еще в девичестве, и Таньке часто хотелось от них плакать. В темной избе, завянной снежными вьюгами, вспоминалась Марье ее молодость, вспоминались жаркие сенокосы и вечерние зори, когда шла она в девичьей

толпе полевою дорогой с звонкими песнями, а за ржами опускалось солнце и золотую пылью сыпался сквозь колосья его догорающий отблеск. Песней говорила она дочери, что и у нее будут такие же зори, будет все, что проходит так скоро и надолго, надолго сменяется деревенским горем и заботою» [Интернет-библиотека Алексея Комарова, URL: <http://www.ilibrary.ru>].

№ 8. «А Таньке снился сад, по которому она вечером ехала к дому. Сани тихо бежали в чащах, опушенных, как белым мехом, инеем. Сквозь них роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зеленые - звезды... Кругом стояли как будто белые хоромы, иней сыпался на лицо и щекотал щеки, как холодный пушок... Снился ей Васька, часовые рулады, слышалось, как мать не то плачет, не то поет в темной дымной избе старинные песни...» [Интернет-библиотека Алексея Комарова, URL: <http://www.ilibrary.ru>].

Результаты проведенного эксперимента, представлены в Таблице 14. Наиболее частотные совпадения подчеркнуты, наибольший процент совпадения выделен жирным шрифтом.

Анализируя полученные результаты, приходим к выводу, который мы уже высказывали ранее: все тексты можно анализировать с точки зрения проявления в нем звукоцвета, но только те тексты, которые по авторскому замыслу богаты цветообозначениями с целью выражения идейного, эмоционального и тематического содержания произведения, воспринимаются большим числом читающих или слушающих эти тексты со схожей цветовой гаммой (см. §2.3).

Другими словами, текст будет обладать ярко выраженными фоносемантическими признаками, в частности мы имеем в виду звукоцвет, и идентифицироваться разными слушателями, читателями более или менее схоже, если автор прибег к функции «окрашивания» текста. И в этом отношении анализ реципиентов, говорящих не на русском языке, очень показателен.

Таблица 14 – Сводная таблица количества реакций, полученных при прослушивании текстов И.А. Бунина и сопоставлении их с цветовыми оттенками в иностранной аудитории⁴

Цветовые соответствия/аудиозаписи	№1	№2	№3	№4	№5	№6	№7	№8
<i>Густо-красный</i>	2		5		<u>5</u>	1	1	
<i>Ярко-красный</i>	2	1	1	4	3	2		1
<i>Светло-желтый/белый</i>	3	2	5	5	1	<u>7</u>	<u>6</u>	<u>6</u>
<i>Зеленый</i>	2	1	<u>7</u>		2	2	3	
<i>Желто-зеленый</i>	4	4	6		2	5		2
<i>Зеленоватый</i>	1	1		1	1		1	2
<i>Синий</i>	4	3	2	4	2	4	2	1
<i>Синеватый</i>		6		2	1	1	2	2
<i>Темно-синий/сине-зеленый/лиловый</i>		1	1	1	3	2	5	5
<i>Голубоватый/сиреневый</i>	<u>7</u>	<u>10</u>	1	<u>12</u>	4	4	2	1
<i>Темно-коричневый/черный</i>	3				<u>5</u>	2	3	4
Преобладающий оттенок в процентном соотношении	25%	36%	25%	42%	18%	25%	21%	21%

Студенты из Университета Баня-Луки давали оценку именно услышанным звукам, а не семантике слов и связанных с ними образов или ассоциаций.

Так, например, в некоторых анкетах было указано в графах для комментариев, что аудиозапись № 1, стихотворение «Осыпаются астры в садах», вызывает образы «описания природы», «успокоения», «осени», «цветового контраста». К аудиозаписи № 2, стихотворение «Сказка», были даны комментарии: «вода», «море», «спокойствие». К аудиозаписи № 3, стихотворение «Всё лес и лес», – комментарий «лес», причем несколько раз в разных анкетах. Аудиозапись № 4, стихотворение «Ещё и холоден и сыр»,

⁴ Наиболее частотные совпадения подчеркнуты, наибольший процент совпадения выделен жирным шрифтом.

реципиенты наделили образами «воздуха», а также «любви» и «радости», т.к. «услышали слова, схожие по звучанию на сербском языке со словами». К аудиозаписи № 5, отрывок из рассказа «Кавказ», были даны комментарии: «рассвет», «природа», «насыщенный зелёный», «холодно и грязно». К аудиозаписи № 6, отрывок из рассказа «Муза», – комментарии «конец дня», «темный закат», «дождь», «мокро». Аудиозапись № 7, отрывок из рассказа «Танька», был наделен следующими характеристиками: «лес, после жары прошедший дождь, запахи в воздухе, трудно дышать», «конец дня, грустные зимние ночи». Один студент написал, что услышал слово *лампа*, что повлияло на выбор цвета *светло-желтый*. Аудиозапись № 8, окончание рассказа «Танька», связывали с ощущениями «нового дня и счастливого конца», «темнотой», «лучами света».

В большинстве случаев названные комментарии схожи с тематикой текстов или семантикой присутствующих слов и образов. Но указанные комментарии с распознаванием слов и их значений говорят о том, что слушатели в первую очередь опираются на лексему, при наличии такой возможности, а не на звучание.

На этом этапе эксперимента подтверждается тот факт, что реципиенты, не знающие русского языка, при прослушивании аудиозаписи пытаются сегментировать текст, чтобы услышать знакомые по звучанию слова из своего языка, но возникающая в данном случае звуковая ассоциация оторвана от лексического значения слов присутствующих в тексте.

Эти же аудиозаписи мы представили старшеклассникам МБОУ «Гимназия №1 – Центр образования» г. Щекино с целью выявления различий и сходств в восприятии текстов русскоязычных учащихся и студентов из Боснии и Герцеговины. В анкетировании принимало участие 49 человек в возрасте 16-18 лет, из них 23 мальчика и 26 девочек. Результаты проведенного эксперимента представлены в Таблице 15.

Анализируя результаты старшеклассников, говорящих на русском языке, мы делаем вывод, что на этом этапе эксперимента цветовых совпадений больше (количество совпадений подчеркнуто), чем в ответах студентов из Баня-Луки, но не значительно. В обеих таблицах процент совпадения от 18 до 49. И самый показательный результат мы наблюдаем в цветовых совпадениях аудиозаписи № 4, стихотворение «Еще и холоден, и сыр», в обеих таблицах он наибольший и приближен к половине ответов – 42% и 49 % (см. Таблицу 14 и Таблицу 15, выделено жирным шрифтом).

Таблица 15. Сводная таблица количества реакций, полученных при прослушивании текстов И.А. Бунина и сопоставлении их с цветовыми оттенками в русской аудитории⁵

Цветовые соответствия/аудиозаписи	№1	№2	№3	№4	№5	№6	№7	№8
<i>Густо-красный</i>	2	1	1		2		3	1
<i>Ярко-красный</i>	7	4	7	3	9	1	8	3
<i>Светло-желтый/белый</i>	<u>16</u>	9	10	<u>27</u>	<u>16</u>	<u>17</u>	11	<u>19</u>
<i>Зеленый</i>	5	9	<u>15</u>	2	5	8	1	8
<i>Желто-зеленый</i>	7	7	1	1	5	1	4	1
<i>Зеленоватый</i>		3		1	1	1		1
<i>Синий</i>	1	7	1	4	2	2	2	7
<i>Синеватый</i>	1		1	1		1	1	1
<i>Темно-синий/сине-зеленый/лиловый</i>	2	2	12	1	1	10	3	3
<i>Голубоватый/сиреневый</i>	8	<u>13</u>	3	12	2	7	8	6
<i>Темно-коричневый/черный</i>	4	4	6	3	12	11	<u>12</u>	8
Преобладающий оттенок в процентном соотношении	31%	22%	26%	49%	32%	29%	23%	33%

⁵ Наиболее частотные совпадения подчеркнуты, наибольший процент совпадения выделен жирным шрифтом.

Исходя из этого, делаем предположение, что именно текст этого произведения наиболее выражен фоносемантически.

Далее сопоставляем результаты проведенных этапов эксперимента с результатами фоносемантического звукоцветового анализа текстов с помощью программ «Звукоцвет.ру» и «ВААЛ-мини».

Цветовые оттенки текстов, представленных в аудиозаписях № 1 - № 6 мы уже определили ранее, в предыдущих параграфах (см. §3.1 и §3.5), поэтому представим ниже результаты по текстам № 7 и № 8. На Рисунке 40 представлен анализ текста из рассказа «Танька» (аудиозапись № 7) программой «Звукоцвет.ру», выявленный цвет – *светло-синий*.

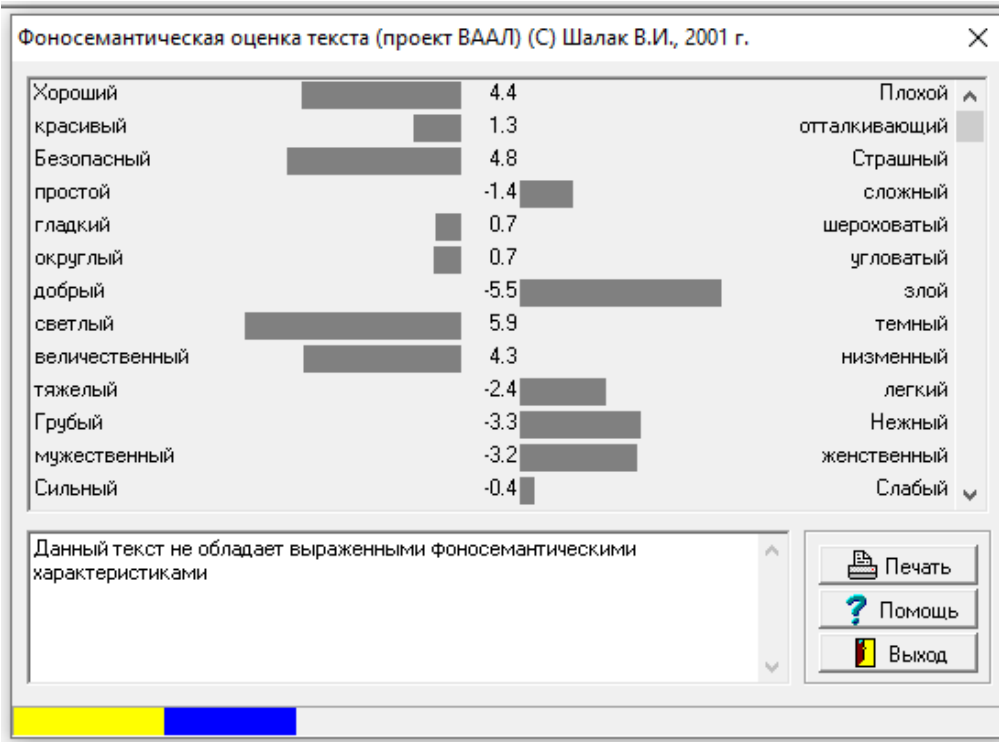
Рисунок 40 – Фоносемантическая оценка к тексту аудиозаписи № 7 в программе «Звукоцвет.ру»

Результаты фоносемантического анализа этого текста системой «ВААЛ-мини» представлены на Рисунке 41. Программа не определяет ярких фоносемантических признаков данного отрывка, но определяет два цвета –

желтый и *синий* (см. Рисунок 41). Что касается завершающих строк из рассказа «Танька» (аудиозапись № 8), то программа «Звукоцвет.ру» наделяет этот текст *бирюзовым* оттенком (см. Рисунок 42).

Рисунок 41 – Фоносемантическая оценка к тексту аудиозаписи № 7 в системе «ВААЛ-мини»

Рисунок 42 – Фоносемантическая оценка к тексту аудиозаписи № 8 в программе «Звукоцвет.ру»

И.А.Бунин

Танька (окончание)

А Таньке снился сад, по которому она вечером ехала к дому. Сани тихо бежали в чашах, опущенных, как белым мехом, инеем. Сквозь них роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зеленые - звезды... Кругом стояли как будто белые хоромы, иней сыпался на лицо и щекал щеки, как холодный пушок... Снился ей Васька, часовые рулады, слышалось, как мать не то плачет, не то поет в темной дымной избе старинные песни...

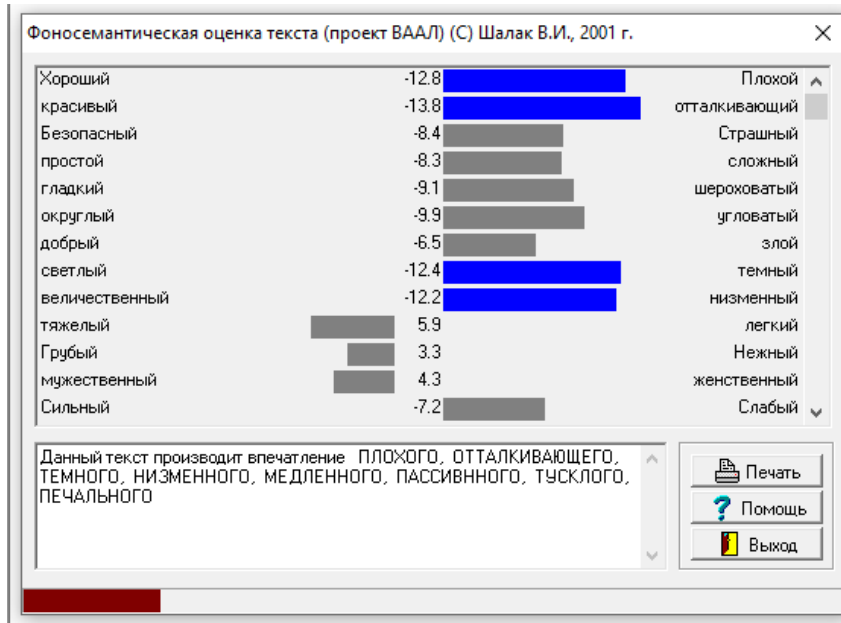
Дата звукоцветового анализа: 23.03.2022

Средний цвет произведения
R:112 G:206 B:139 HEX: #70CE8B

Произведение попадает в **бирюзовый** каталог.

А программа ВААЛ-мини указывает на ряд ярко выраженных фоносемантических признаков: *плохой, отталкивающий, темный, неизменный, медленный, пассивный, тусклый, печальный*, – присваивая тексту *коричневый* цвет (см. Рисунок 43).

Рисунок 43 – Фоносемантическая оценка к тексту аудиозаписи № 8 в системе «ВААЛ-мини»

Результаты сопоставительного анализа выбранных цветовых соответствий носителями разных языков, а также выявленных программами «Звукоцвет.ру» и «ВААЛ-мини» приводим в Таблице 16. Курсивом и подчеркнутым шрифтом выделяем совпадения, жирным шрифтом – результат полного совпадения результатов.

По Таблице 16 наглядно отображаются совпадения в выявленных цветовых соответствиях. В каждом случае они есть: либо ответы студентов и старшеклассников одинаковы, например ответы к аудиозаписи № 2, № 6, № 8, либо совпадают цвета, выявленные программами, с ответами респондентов, например ответы к аудиозаписи № 5, № 7. Абсолютное совпадение по цветовому признаку наблюдаем к аудиозаписи № 3, во всех случаях определен *зеленый* цвет.

Таблица 16 – Сводная таблица сопоставительного анализа выбранных цветовых соответствий носителями разных языков, а также выявленных программами «Звукоцвет.ру» и «ВААЛ-мини»⁶

Аудиозаписи	Студенты из Боснии и Герцеговины	Школьники из России	Звукоцвет.ру	ВААЛ	Совпадения
1	Голубоватый/ сиреневый	Светло- желтый/белый	<i>Циан</i> (сине-зелёный)	<i>Синий</i>	<i>Звукоцвет.ру и</i> <i>ВААЛ</i>
2	<i>Голубоватый/ сиреневый</i>	<i>Голубоватый/ сиреневый</i>	Зелёный	Коричневый/ синий	<i>Студенты и</i> <i>школьники</i>
3	Зелёный	Зелёный	Зелёный	Светло-зелёный	Все результаты совпали
4	<i>Голубоватый/ сиреневый</i>	Светло- желтый/белый	Светло-зелёный	<i>Синий</i>	<i>Студенты и</i> <i>ВААЛ</i>
5	<u>Густо-красный</u>	Светло- желтый/белый	<i>Серо-синий/ тёмно-синий</i>	<i>Синий/ коричневый</i>	<i>Звукоцвет.ру и</i> <i>ВААЛ, студенты и</i> <u><i>ВААЛ</i></u>
6	<i>Светло- желтый/белый</i>	<i>Светло- желтый/белый</i>	<u>Тёмно-жёлтый</u>	<u>Коричневый</u>	<i>Студенты и</i> <i>школьники,</i> <u><i>ВААЛ</i></u> <i>и</i> <u><i>Звукоцвет.ру</i></u>
7	<i>Светло- желтый/белый</i>	Темно- коричневый/ черный	<u>Светло-синий/ серо-синий</u>	<i>Жёлтый/синий</i>	<i>Студенты и</i> <i>ВААЛ,</i> <u><i>Звукоцвет.ру</i></u> <i>и</i> <u><i>ВААЛ</i></u>
8	<i>Светло- желтый/белый</i>	<i>Светло- желтый/белый</i>	Бирюзовый	Коричневый	<i>Студенты и</i> <i>школьники</i>

⁶ Курсивом и подчеркнутым шрифтом выделяем совпадения, жирным шрифтом – результат полного совпадения результатов.

Анализируя все выше представленные результаты, делаем следующие выводы.

Во-первых, звукоцветовые соответствия носителями разных языков, в частности русского и сербского/боснийского имеют как различия, так и точки пересечения. Во многом результат зависит от авторского замысла и использования фонетического цвета. Эту мысль подтверждают процент соответствий по аудиозаписи № 4, текст стихотворения «Ещё и холоден и сыр, а также результат выбранного реципиентами и программами цвета к аудиозаписи № 3, текст стихотворения «Всё лес и лес».

Как уже мы предполагали ранее, цветовыми характеристиками в большей степени обладают тексты описания природы, характеристики героев или окружающей обстановки. Оба стихотворения являются пейзажной лирикой, обладают словами-названиями цветов или же словами, которые по мнению А.П. Журавлева, являются «эталоном» цветовых образов, например, такие слова, как *небо, трава, снег, солнце* и др. (см. § 3.2). Видимо, благодаря этому именно эти стихотворения обладают наибольшим числом совпадений в выявлении звукоцветовых соответствий носителями разных языков южнославянской и восточнославянской групп, а также компьютерными программами.

Во-вторых, при присваивании тексту определенного цветового значения реципиент в первую очередь пытается опираться на семантические характеристики, улавливая ассоциативную связь со знакомыми образами, предметами или явлениями. Эту мысль подтверждают комментарии студентов, говорящих на сербском и боснийском языках, которые они оставляли в анкетах, объясняя выбранный цвет услышанным знакомым и понятным словом или образом.

В-третьих, на определение цветовых соответствий того или иного текста влияет наличие или отсутствие определенных синестетических способностей, индивидуальный тип и образ мышления, а также восприятия

информации, интеллектуальные способности, возрастные и гендерные особенности.

Для утверждения бесспорности подобных мыслей, несомненно, необходимо большее количество исследований и их участников, привлечение большего числа реципиентов, говорящих на других языках. Но полученные результаты позволяют предположить, что ФЗ вызывает сходные ассоциации «цветного слуха» у людей, говорящих на восточнославянских и южнославянских (западная подгруппа) языках, т.к. 50% анализируемых текстов по цветовым соответствиям совпали (см. Таблица 16). Различия в цветовых характеристиках текстов объясняются, на наш взгляд, не только наличием или отсутствием знакомых лексем, но и отличием соответствий звука и цвета у носителей разных языков. В этом отношении было бы показательным исследование, направленное на определение цветового показателя у отдельного звука и звукобуквы носителями другого языка. Это может быть сделано при дальнейшем изучении фоносемантических звукобуквенных соответствий поэтических и прозаических текстов произведений И.А. Бунина.

Выводы по Главе 3

Особенно привлекает бунинская поэзия своим ярким цветоописанием, которое выражается через целую палитру характеристик природных явлений. Пейзаж играет красками, а цвета становятся постоянными составляющими текста. Следовательно, понимание особенностей цветовосприятия текста позволит лучше понять специфику произведений И.А. Бунина и восприятия его текстов.

Немаловажным становится в рамках исследования также понимание авторского подхода к цветовосприятию: опора лишь на общие представления о восприятии звукобуквенного понимания цвета не позволит составить общей картины произведения конкретного автора [Горн, 2014, с. 236].

Таким образом, необходимо учитывать при анализе текста следующие моменты: первое – количество и качество цветозвуковых соответствий, присущих работам выбранного поэта; второе – проведение парадигматического анализа стихотворений выбранного поэта.

При определенном авторском замысле звукоцветовые характеристики текста, как и звуко-символизм вообще, способны передавать необходимые авторские интенции и способствовать более глубокому пониманию текста не только в поэзии, но и в прозаических текстах.

Использование прилагательных-колоративов позволяет достичь требуемой цветовой гаммы текста. Вместе с тем такие прилагательные не становятся гарантиями четкого перенесения смыслов в категорию текстового цвета. Целостное восприятие колористики рассказа достигается путем использования целого комплекса средств выразительности языка, лексем, которые ассоциируются в обществе с определенными звуками и цветами.

Исследование особенностей оформления текстов бунинской лирики показало, что посредством определенного фоносемантического представления автору удастся установить соответствие и параллели между

переживания и характером героев и окружающей их природой [Аристова, 2017].

Например, в ситуациях, когда персонаж умиротворен, наблюдается согласованность цветозвукового строя текста, в то время как переживания отражаются в виде противопоставлений и несогласованности как между героем и окружающим миром, так и явлениями природы как таковыми. Всё это представляется наиболее наглядно в результате фоносемантического анализа.

Изучение текста и особенностей его цветовосприятия требует изучения менталитета и психотипа как автора произведения, так и самого читателя.

Выявление цветовых и звукобуквенных соответствий, а также эмоционально-смысловой доминанты дополняет комплексный анализ текста, направленный на осмысление и понимание произведения.

Определенную роль при выявлении звукоцветовых соответствий может играть «архаическое мышление».

Определение цветовосприятия текста тесно связано не только с формой его выражения (аудиальной или письменно-графической), но и с возрастом слушателя или читателя. Однако можно четко говорить о наличии ярко проявляющейся взаимосвязи между семантикой и звуковыми характеристиками текста. При этом в ходе проведенного эксперимента было установлено, что звуковосприятие совпадает как у респондентов, так и по результатам анализа компьютерной программы, основанной на методике А.П. Журавлева.

При присваивании тексту определенного цветового значения реципиент в первую очередь пытается опираться на семантические характеристики, улавливая ассоциативную связь со знакомыми образами, предметами или явлениями.

На определение цветовых соответствий того или иного текста влияет наличие или отсутствие определенных синестетических способностей,

индивидуальный тип и образ мышления, а также восприятия информации, интеллектуальные способности, возрастные и гендерные особенности информантов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Вопрос о происхождении языка – один из самых исследуемых в современной лингвистике. К изучению данной проблемы обращались еще ученые Древней Греции, они пытались выяснить, как связаны форма и содержание. Мыслители Античности были убеждены на том, что любое явление действительности в основе построено на взаимосвязи своего значения и способа выражения.

К исследованиям о происхождении речи и ее функционировании обращаются не только лингвисты, но и философы, психологи, культурологи. Современные тенденции к системному подходу изучения лингвистических проблем, опора на междисциплинарные связи и их углубление способствуют развитию таких смежных наук, как фоносемантика. Одной из задач данной науки является изучение звукоизобразительности слова, связи семантики и звучания. Для ответа на подобные вопросы фоносемантика обращается к фундаментальным основам лингвистики: возникновение языка, его суть и структура, функции и экспрессивность.

Большая часть теоретических мнений относительно языка и способа его происхождения, которые на данный момент известны науке, сходятся в суждении о взаимосвязи звукового и лексического значения в слове.

Определенным фонетическим значением способны обладать при различных обстоятельствах воспроизведения и восприятия речи звуки, буквы, звукобуквы. Одна из самых ярких фоносемантических характеристик – это соотнесении вышеперечисленных понятий с цветовыми соответствиями. Чему и уделено детальное внимание в данной диссертационной работе. Явление звукоцвета изучается не только в рамках фоносемантики. Его исследуют в психологии, психолингвистике и медицине. В связи с этим дальнейшее изучение звукоцвета становится целесообразным для ответа на вопросы о происхождении и

функционировании языка, о восприятии текста, о формах синестезии и особенностях человеческого мышления.

Данная диссертационная работа посвящена изучению звукоцвета в произведениях И.А. Бунина. Связь значения языковой единицы с ее звуковой оболочкой доказана во многих отечественных и зарубежных трудах по фоносемантике, подтверждена экспериментально. Фонетическое значение достаточно специфично и своеобразно, что доказано и в рамках данной работы. Оно не всегда четко выражено, что затрудняет процесс его изучения и описания. Наиболее точно фонетическое значение определяется в словах, в которых оно согласовано с семантикой, поэтому и не все тексты обладают яркими фоносемантическими признаками. Это обнаруживается в тех произведениях или их частях, которые автор наделил таковой особенностью. Как подтверждено в данной работе, фоносемантическими параметрами обладают тексты пейзажных зарисовок, описания окружающей среды и характеристики главных героев, в которых автор использует обращение к цветовым ассоциациям.

Произведения И.А. Бунина отличаются наличием большого количества слов-колоративов, а также слов, которые направляют к определенным цветовым образам. Именно поэтому в качестве материала для данной работы использованы тексты поэтических и прозаических произведений И.А. Бунина.

В ходе исследования подтверждена мысль, что фонесемантическими признаками обладают и звуки речи, и буквы, и звукобуквы, т.к. в разных случаях именно эти единицы являются отправной точкой для восприятия текста, к примеру «зрительное» прочтение или слуховое прослушивание.

Также в результате проведения ряда экспериментов было выяснено, что в большей степени с цветами спектра связаны гласные звуки, хотя согласные и ассоциируются с цветовыми оттенками у носителей языка, но наиболее яркие цветовые признаки присущи гласным звукам. Они

составляют основу для изучения фоносемантических звукоцветовых соответствий слова и текста. Именно поэтому в основе экспериментальной части исследования лежат звукоцветовые соответствия, представленные в работах А.П. Журавлева, поскольку они согласуются с теоретической направленностью данного диссертационного исследования и отвечают требованиям его практической части. Также при проведении экспериментов применены компьютерные системы и программы фоносемантической оценки текстов, в основу которых положены те же соответствия трудов А.П. Журавлева. Целесообразность их использования при подобном анализе бесспорна, т.к. упрощает процесс статистической работы при определении звукоцветовых характеристик текста, его среднего цветового оттенка и предполагает получение объективных результатов фоносемантической оценки слов.

В результате проделанной работы следует сделать определенные выводы относительно особенностей звукоцветовых соответствий в художественном тексте, а именно в произведениях И.А. Бунина.

Во-первых, выявление звукоцветового параметра текста является возможным не для всех реципиентов, поскольку каждый человек обладает разными интеллектуальными и синестетическими способностями, неповторимым способом мышления и восприятия информации. Относительно синестезии: на данный момент определено несколько различных форм этого явления, они отличаются механизмами возникновения в сознании человека, что связано с функционированием головного мозга, развитием творческих способностей и индивидуальных особенностей восприятия индивидуума. Сегодня до конца не изучен вопрос о различии формы синестезии и метафорического переноса, что необходимо для дальнейшего исследования звукоцветового восприятия. В данной работе при проведении экспериментов с группами разных возрастов, национальностей, гендерных характеристик за основу было взято

положение о человеческом восприятии в принципе без отнесения реципиентов к носителям определенной формы синестезии, но при этом учтена возможность индивидуальных особенностей восприятия текста в процессе расшифровки результатов исследования.

Во-вторых, различия в соответствии звук-цвет наблюдаются у носителей разных языков, в частности русского и сербского/боснийского. Это объясняется особенностями функционирования языка, которые отражены в сознании его носителей. Но при этом, что также подтверждено в данной работе, звукоцветовые соответствия в подобных экспериментах могут быть и одинаковыми в том числе у реципиентов, говорящих на разных языках. Это доказывает мысль о том, что фонетическое значение существует самостоятельно, хотя и связано с семантикой слова. Оно не вступает в конфликт с лексическим значением, а наоборот, соответствует ему и помогает при выражении идеи произведения.

В-третьих, выраженной характеристикой звукоцвета обладают те тексты, в которых присутствует определенный авторский замысел относительно цветовой образности. В большей степени звукоцветом отличаются поэтические тексты И.А. Бунина, относящиеся к пейзажной лирике. Сама тематика определяет наличие большого числа слов-колоративов и средств выразительности, способствующих зрительному, слуховому и цветовому восприятию произведения, позволяющему получить более точный осмысленный образ.

В-четвертых, характеристикой звукоцвета обладают не только поэтические тексты, но и прозаические. Представленный анализ текстов из рассказов И.А. Бунина позволяет сделать подобное предположение. В большей степени это касается текстов, содержащих описания пейзажа, окружающей среды и обстановки, характера героя. В данной работе представлен анализ звукоцветовых соответствий текстов с наличием слов-колоративов или без них, но обладающих описанием, направляющим к

цветовым ассоциациям. При фоносемантическом звукоцветовом анализе текстов рассказов о любви И.А. Бунина выявлена эмоционально-смысловая доминанта произведения, соответствующая цветовому параметру и определенному типу текста. Звукоцвет актуален и при анализе текстов, содержащих описания образов главных героев, их характеров и окружающей обстановки, т.к. способствует раскрытию идеи и глубокому пониманию произведения. В результате проведенного исследования подтверждено, что отличительной чертой авторского стиля И.А. Бунина является цветоописание, поэт использует наименования цветов для создания необходимого образа, поэтому изучение его произведений с точки зрения фоносемантики является вполне обоснованным.

Проведенный ряд экспериментов позволяет сказать, что звукоцветовые характеристики передают определенные авторские намерения и способствуют более глубокому восприятию текста. Цветопередача происходит не только с помощью конкретных слов-колоративов, но и с помощью других лексем, особым образом влияющим на ассоциации читателя.

В-пятых, фоносемантические и звукоцветовые характеристики чаще совпадают при различном восприятии текста (слуховом или зрительном), когда автор изображает героя в единении с природой, когда описание пейзажа является способом детализации характера персонажа.

При этом определенная часть результатов компьютерного анализа текстов и ряда экспериментов среди реципиентов также совпадают. Эти сходства наблюдаются не только в русскоговорящей аудитории, но среди носителей сербского и боснийского языка. Причем этап эксперимента, в котором принимали участие студенты из Боснии и Герцеговины, доказывает утверждение, что семантика слова все же довлеет над фонетическим значением, т.к. носители южнославянских языков (сербского и боснийского) старались выделять в тексте сегменты, соответствующие известному

звучанию слов своего языка, чтобы понять текст и впоследствии оценить его цветовые параметры. На данном этапе эксперимента также подтверждено, что значение звукоцвета способно существовать отдельно от семантики слова, т.к. выявленные звукоцветовые соответствия определенного текста были абсолютно одинаковыми по результатам компьютерного анализа (в обеих программах) и анкетирования носителей русского языка и сербского/боснийского.

Надо сказать, что о значимости фоносемантических звукоцветовых соответствий и их влиянии на восприятие текста говорить можно в том случае, если рассматриваются произведения одного автора в рамках сопоставительного анализа.

В-шестых, на определение звукоцветовых характеристик влияет несколько факторов и со стороны создателя текста, и со стороны того, кто его воспринимает: различие в индивидуальных цветовых картинах, в вариациях нейронных связей и их характерах, жизненном опыте, ментальности, интеллектуальных и синестетических способностях, возрастных, гендерных особенностях и языковых принадлежностях автора и читателя. Это выражается в выборе определенных слов, средств выразительности при написании текста, а также в особенностях их восприятия и понимания во время его прочтения/прослушивания.

В-седьмых, надо полагать, что хотя и все тексты можно подвергнуть фоносемантическому звукоцветовому анализу, не все результаты стоит рассматривать как показательные, т.к. звукоцвет – это особенное средство выразительности, которым автор наделяет свой текст при определенной необходимости, если это важно для передачи художественного замысла.

Данное утверждение возможно в связи с проведенным рядом экспериментов в группах детского дошкольного возраста и в иноязычной аудитории, где можно говорить о некой «чистоте» результатов анализа звукоцветовых соответствий. В этих исследованиях получен результат

оценки именно звука, а не звука и значения слова, его графического облика, а также ряда ассоциативных образов, возникающих у реципиента при восприятии «знакомых» слов. Отсюда следует, что признак звукоцвета универсален относительно семантики слова, т.к. он различим и при прослушивании слов с неизвестной семантикой (как это происходит в детской аудитории) или слов из другого языка (как это происходит в иноязычной аудитории).

Для подтверждения высказанных мыслей и их развития необходимо определенное количество исследований произведений других авторов, с привлечением большего числа информантов, отличающихся по возрасту, гендеру, национальности, языковой принадлежности. Стоит сказать, что необходимо также получить соответствия звука/буквы/звукобуквы и цвета, существующих в сознании носителей других языков, т.к. в данном исследовании использованы соответствия, представленные в работах А.П. Журавлева, полученные на базе экспериментов в русской и украинской аудитории. Подобная работа была бы востребована для углубленного изучения вопроса о звукоцвете в принципе, о проявлении этого признака в художественных текстах и степени его влияния на восприятие и понимание текста читателем. Исследования данного характера могут быть проведены не только в рамках фоносемантики, лингвистики и психолингвистики, но и с привлечением знаний из других научных областей, позволяющих изучать особенности человеческого восприятия, функционирования определенного языка, проявления экспрессивных признаков в человеческом сознании. Изучение явления звукоцвета является важным при исследовании законов функционирования слова, его существования, структуры, использовании в общении как части языковой системы и его фундаментальной единицы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аванесов, Р.И. Русское литературное произношение [Текст] / Р.И. Аванесов., изд. 8, перераб. и доп. – М. : Ленанд,2015. – 384 с.
2. Аванесов, Р.И. Фонетика современного русского литературного языка [Текст] / Р.И. Аванесов. – М. : Изд-во Московского университета,1956. – 240 с.
3. Аверьянова, Н.А. Звукосимволизм и интерпретация поэтического текста [Текст] // Проблемы фоносемантики (тезисы выступлений на совещании) – М. : АН СССР, Институт языкознания, 1989. – С.96-108.
4. Айхенвальд, Ю. И. Иван Бунин [Текст] // Ю.И. Айхенвальд Силуэты русских писателей М. : Издание «Научное слово», 1917. – 220 с.
5. Актуальные проблемы психологии речи и психологии обучения языку [Текст] // Под ред. А.А. Леонтьева и Т.В. Рябовой. – М.: МГУ, 1970. – 166с.
6. Алданов, М.А. И.А. Бунин. Собрание сочинений [Текст] // М.А. Алданов // Современные записки. Т. IX, X, Кн. 59. – Л. : Петрополис, 1935. – 472 с.
7. Алексеева, Т.Н. Программное обеспечение фонетических исследований языка и речи [Текст]: Автореф. дисс. ... кандидата филол. Наук: 10.02.01. / Т.Н. Алексеева. – Л. : ЛГУ, 1988. – 13с.
8. Аль-Ани, Н.М. Философия техники: очерки истории и теории. Учебное пособие [Текст] / сост. Н. М. Аль-Али – СПб., 2004 Аль-Ани, Н. М. Философия техники: очерки истории и теории/учебное пособие. СПб., 2004 – 184 с.
9. Античные теории языка и стиля (антология текстов) [Текст] / Общ. ред. О.М. Фрейденберг. – СПб. : Алетейя, 1996. – 362 с.

10. Апресян, Ю.Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка [Текст] / Ю.Д. Апресян. – М. : Наука, 1974. – 312с.
11. Аристова, Л.В. Выявление цветовой доминанты рассказов о любви И.А. Бунина (на основе психолингвистического эксперимента) [Текст] // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск: Изд-во КГУ, 2017 – [Электронный ресурс]: режим удаленного доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru>
12. Аристова, Л.В. Сопоставление фоносемантических признаков и результатов звукоцветового анализа основных образов прозаических и поэтических произведений И.А. Бунина [Текст] // Теория языка и межкультурная коммуникация. – Курск: Изд-во КГУ, 2017 – [Электронный ресурс]: режим удаленного доступа: <http://tl-ic.kursksu.ru>
13. Арутюнова, Н.Д. Типы языковых значений: Оценка: Событие: Факт [Текст] / Н.Д. Арутюнова. – М.: Наука, 1988. – 341с.
14. Ахманова, О.С. О психолингвистике [Текст] / О.С. Ахманова. – М. : Изд-во Моск. Ун-та, 1957. – 64с.
15. Балаш, М.А. Фоносемантическая структура текста как фактор его понимания: Экспериментальное исследование: Автореф. дисс. ... кандидата филол. Наук: 10.02.01 [Текст] / М.А. Балаш. – Горно-Алтайск, 1999 – 21 с.
16. Балли, Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка [Текст] / Ш. Балли. – М. : Изд-во иностранной литературы, 1955. – 416 с.
17. Балли, Ш. Французская стилистика. [Текст] / Ш. Балли. – 2-е изд., стереотипное. – М. : Эдиториал УРСС, 2001. – 392 с.
18. Барон-Коэн, С., Джонсон, Д., Ашер, Дж., Уилрайт, С., Фишер, С.Е., Греггерсон, П.К., Эллисон, С., Синестезия чаще встречается при аутизме? [Текст] / С.Барон-Коэн и др., // Молекулярный аутизм, 2013. – [Электронный ресурс]: режим удаленного доступа: <https://molecularautism.biomedcentral.com/>
19. Белецкий, А.А. Знаковая теория языка [Текст] // Теоретические проблемы современного советского языкознания. – М. : Наука, 1964. – 160 с.

20. Белинский, В.Г. Взгляд на русскую литературу [Текст]/ В.Г. Белинский. – М. : Современник, 1983. – 606 с.
21. Белов, А.А. Лексико-семантическое поле «зной» в поэтических текстах Ф.И. Тютчева: Дис. ... канд.фил.наук: 10.02.01 [Текст] / А.А. Белов. – Череповец, 2008 – 170 с.
22. Белый, А. Глоссолалия. Поэма о звуке. [Текст] / А.Белый. – Берлин : Эпоха, 1922. – 131 с.
23. Беляева, Л.Н. Применение ЭВМ в лингвистических исследованиях и Лингводидактике [Текст] /Л.Н. Беляева. – Л. : ЛГПИ, 1986. – 82 с.
24. Белянин, В. П. Основы психолингвистической диагностики. (Модели мира в литературе) [Текст] / В.П. Белянин. – М. : Тривола, 2000. – 248 с.
25. Бенвенист, Э. Общая лингвистика. [Текст] / Э. Беневист. – М. : Прогресс, 1974. – 448 с.
26. Бенвенист, Э. Природа языкового знака [Текст] // Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. (Очерки и извлечения). – Л. : ЛГУ, 1990. – 193 с.
27. Блок, А.А. О лирике [Текст] / А.А. Блок Библиотека Максима Мошкова. – М. : 1907. – [Электронный ресурс]: образовательный портал. Режим удаленного доступа: <http://az.lib.ru/> (дата обращения: 7.11.17)
28. Богин, Г.И. Фоносемантика как одно из средств пробуждения рефлексии [Текст] // Фоносемантические исследования. – Пенза, 1990. – С.25-36.
29. Богородицкий, В.А. Лекции по общему языковедению [Текст] / [Соч.] В.А. Богородицкого. – М. : Либроком, 2019. – 312 с.
30. Бодлер, Ш. Письма [Текст] / Ш. Бодлер. / Перевод. Фокин С. Л., Ред. Фокин С. Л., – СПб. : Machina, 2012. – 366 с.

31. Бодуэн де Куртенэ, И.А. Фонетические законы [Текст] // Избранные труды по общему языкознанию. Т.2. – М., 1963. – 391 с.
32. Большой толковый словарь русского языка [Текст] / Под ред. С. А. Кузнецова — автор. ред., СПб. : Норинт, 2009. – 1534 с.
33. Бондарко, Л.В., Вербицкая, Л.А. Основы общей фонетики. 3-е изд. [Текст] / Соавт. Л.В. Бондарско, Л.А. Вербицкая – СПб. : Изд-во СПбГУ, 2000. – 157 с.
34. Бондарко, Л.В. Звуковой строй современного русского языка [Текст] / Л.В. Бондарко. — М. : Просвещение, 1977. – 175 с.
35. Бунин, И.А. Жизнь Арсеньева; Роман; Темные аллеи; Рассказы [Текст] / Вступ. Ст. и примеч. О. Михайлова. – М. : Литература, 2006. – 496с.
36. Бунин, И.А. Избранная проза [Текст] / И.А. Бунин. – М.: АСТ ОЛИМП, 1997. – 655 с.
37. Бунин, И.А. Воспоминания. Нобелевские дни [Текст] / И.А. Бунин. – М. : Художественная лит-ра, 1967. – 3 с.
38. Бунин, И.А. Рассказы. Стихотворения [Текст] / И.А. Бунин – М. : Дрофа, 2001. – 288 с.
39. Бунин, И.А. Стихотворения. Рассказы. Повести [Текст] / И.А. Бунин. Библиотека Всемирной литературы. – М. : Художественная литература, 1973. – 528 с.
40. Бунин, И.А., Полное собрание стихотворений, романов и повестей [Текст] / И.А. Бунин. – М. :Альфа-книга, 2018. – 1181 с.
41. Валуйцева, И.И. Влияние фонетической значимости текста на особенности его восприятия: Автореф. дисс. ... кандидата филол. Наук: 10.02.19 [Текст] / И.И. Валуйцева. – М. : АН СССР, Институт языкознания, 1987. – 19 с.
42. Василевич, А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: На материале цветообозначения в языках разных систем [Текст] / А.П. Васильевич. – М. : Наука, 1987. – 138 с.

43. Василевич, А.П. Цвет и названия цвета в русском языке [Текст] / А.П. Васильевич. – М. : КомКнига, 2005. – 216 с.
44. Везерова М.Н., Майкова А.Н. Лексика цвета, света в идиолектах Ф.И. Тютчева, А.А.Фета, А.Н. Майкова [Текст] // Формирование семантики и структуры художественного текста. – Куйбышев, 1984. С. 13-24.
45. Вендина, Т.И. Введение в языкознание [Текст] / Т.И. Вендина. – М.: Высшая школа, 2001. – 288 с.
46. Википедия [Электронный ресурс]: Свободная энциклопедия. – Режим удаленного доступа: <https://www.wikipedia.org/>
47. Виноградов, В.В. О теории художественной речи [Текст] / В.В. Виноградов. – М. : Высшая школа, 1971. – 240 с.
48. Воронин, С.В. Звукосимволизм [Текст] // Лингвистический энциклопедич. словарь. – М. : Советская энциклопедия, 1990. – С. 166.
49. Воронин, С.В. Основы фоносемантики [Текст] / С.В. Воронин. – Л. : Изд-во Ленинградского университета, 1982. – 244 с.
50. Воронин, С. В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании [Текст] / С.В. Воронин. – Л. : Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. – 200 с.
51. Вундт, В. Душа человека и животных: лекции. [Текст] / В.Вундт.; пер. с нем. Е.К. Кемниц. – СПб., Типография Н. Тиблена и Комп. (Н. Неклюдова), 1865. – Том 1. – 617 с. [Электронный ресурс]: – Режим удаленного доступа: <https://www.biblioclub.ru/>
52. Вундт, В. Индивидуум и общество. Речь, произнесенная 23 апреля 1891 г., в день рождения короля саксонского Альберта, в Лейпцигском университете [Текст] / В. Вундт, пер. с нем. В.Вундт. – СПб. : Типо-лит. А. Рабиновича и Ц. Крайза, 1896 – С. 21
53. Вундт, В. Проблемы психологии народов [Текст] // Воронин С.В. Фоносемантические идеи в зарубежном языкознании. (Очерки и извлечения). – Л. : ЛГУ, 1990. – С. 60 – 63.

54. Выготский, Л.С. Психология искусства [Текст] / Под ред. М.Г. Ярошевского. – М. : Педагогика, 1987. – 341 с.
55. Газов-Гинзберг, А.М. Был ли язык звукоизобразителем в своих основах? [Текст] / А.М. Газов-Гинзберг. – М. : Наука, 1965. –183 с.
56. Головин, Б. Н. Введение в языкознание [Текст] / Б.Н. Головин. 2-е изд. М. : Высшая школа, 1973 – 320 с.
57. Горелов, И.Н. Прикладные аспекты фоносемантики [Текст] // Фоносемантические исследования. – Пенза, 1990. – С. 112-120.
58. Горелов, И.Н. Разговор с компьютером: Психолингвистический аспект проблемы [Текст] / И.Н. Горелов. – М.: Наука, 1987. – 255 с.
59. Горн, Е.А. Особенности перевода цветообозначений в художественном тексте [Текст] / Е.А. Горн., г. Горно-Алтайск, 2014. – 428 с.
60. Гумбольдт, В. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человеческого рода (Извлечения) [Текст] // Звегинцев В.А. История языкознания XIX – XX веков в очерках и извлечениях. Ч.1. – М.: Просвещение, 1964. – 464 с. С. 85-104.
61. Гумбольдт, В. Избранные труды по языкознанию [Текст] / В. фон Гумбольдт. – М.: Прогресс, 1984. – 397 с. С. 92-94
62. Дионисий Галикарнасский О соединении слов [Текст] // Античные риторика., пер. М.Л. Гаспарова, - М. : Изд-во Московского университета, 1978. – 352 с.
63. Диссертации по гуманитарным наукам [Электронный ресурс]: – Режим удаленного доступа: <http://cheloveknauka.com/>
64. Доброер, А. Этнолингвистика [Текст] // Проблемы языка и культуры. Т.12. Люблин. : Wydawnictwo UMCS, 2000. – 205-220 с.
65. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации [Текст] / Н.И. Жинкин. – М. : Наука, 1982. – 159 с.
66. Журавлев, А.П. Диалог с компьютером [Текст] /А.П. Журавлев – М. : Молодая гвардия, 1987. – 205 с.

67. Журавлев, А. П. Звук и смысл [Текст] / А.П. Журавлев. – М. : Просвещение, 1991. – 160 с.
68. Журавлев, А.П. Символическое значение языкового знака [Текст] // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. – М. : Наука, 1972. – 173 с. (С. 81-105.)
69. Журавлев, А.П. Фонетическое значение [Текст] / А.П. Журавлев. – Л. : ЛГУ, 1974. – 160 с.
70. Журавлев, А.П., Орлов Ю.М. Признаковое семантическое пространство русских гласных [Текст] // Развитие фонетики современного русского языка. Фонологические подсистемы. – М. : Знание, 1971. – С. 209 – 228.
71. Залевская, А.А. Некоторые актуальные направления психолингвистического исследования лексики [Текст] // Проблемы семантики: психолингвистические исследования. – Тверь, 1991. – С. 5-17.
72. Звуковой анализ текстов [Электронный ресурс]: Образовательный портал. – Режим удаленного доступа: <http://zvukocvet.ru/>
73. Звегинцев, В.А. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. 2. [Текст] // В.А. Звегинцев – М. : Просвещение, 1964. – 464 с.
74. Зими́на-Ды́рда, Т. Ю. Поэтика цвета и света в прозе И.А. Бунина, П.А. Нилуса и А.М. Федорова: Дисс. ... кандид. филол. Наук: 10.01.01 [Текст] / Т.Ю. Зими́на-Ды́рда. – Москва, 2001. – 227 с.
75. Зимова, М.Д. Звукоизобразительные тенденции начальных согласных в немецком и новогреческом языках: Дисс. ... кандид. филол. Наук: 10.02.20 [Текст] / М.Д. Зимова. – Пятигорск, 2005. – 324 с.
76. Зиндер, Л.Р. Условность и мотивированность языкового знака [Текст] // Фонетика. Фонология. Грамматика. – М. : Наука, 1971. – С. 346-351.

77. Иванова, М.К. Современная психолингвистика и проблема звукоизобразительности [Текст] // Задачи коммунистического строительства и перспективы советской филологии. – Л. : ЛГУ, 1982. – С. 153-157.

78. Ивахницкая, А. Э. Основные прилагательные цвета в истории развития русского и английского языков: Дисс. ... кандид. филол. Наук: 10.02.19 [Текст] / А.Э. Ивахницкая. – Саратов, 2001. – 196 с.

79. Ингарден, Р. Исследования по эстетике [Текст] / Р.Ингарден.; пер. с польского А.Ермилова и Б.Федорова., М. : Изд-во Иностранной литературы, 1962. – 552 с.

80. Интернет-библиотека Алексея Комарова [Электронный ресурс]: Образовательный портал. – Режим удаленного доступа: <http://www.ilibrary.ru/>

81. Каражаев, Ю.А. Фоносемантический аспект происхождения языка [Текст] // Фоносемантические исследования. – Пенза: Изд-во Пензенского ГПИ, 1990. – С. 36-44.

82. Караулов, Ю.Н. Русский ассоциативный словарь [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М. : Русский язык, – 1993. – 784 с.

83. Киселева, Н.В. Фоносемантический анализ текста в структуре мероприятий психологического сопровождения учебного процесса курсантов военно-учебных заведений и учебных центров: Дисс. ... кандид. филол. Наук: 19.00.07 [Текст] / Н.В. Киселева. – Санкт-Петербург, 2004. – 139 с.

84. Кларк, Г., Кларк, Е. Как маленькие дети употребляют свои высказывания [Текст] // Психолингвистика. М. : Прогресс, 1984. – 370 с.

85. Князев, Ю. П. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе [Текст] / Ю.П. Князев. – М. : Языки славянских культур, 2007. – 704 с.

86. Кодухов, В. И. Введение в языкознание [Текст] / В.И. Кодухов. – М. : Просвещение, 1987. – 291 с.

87. Колобаева, Л. Человек и его мир в художественной системе А.Белого [Текст] // Филологические науки. М. : Алмавест, 1980. – №5. – с. 12-20.
88. Кондратов, А. М. Звуки и знаки [Текст] / А.М. Кондратов. – М. : Знание, 1978. – 53 с.
89. Красовская, Н.А. Художественно-изобразительные свойства звуков в поэтической речи: Дисс. ...кандид. филол. Наук: 10.02.19 [Текст] / Н.А. Красовская. – Новгород, 1998. – 218 с.
90. Левицкий, В.В. Звуковой символизм: закономерности функционирования и источники порождения [Текст] // Проблемы фоносемантики. (Тезисы выступлений на совещании). – М. : Наука, 1989. – С. 69-71.
91. Лотман, Ю.М. Статьи по семиотике и топологии культуры [Текст] / Ю.М. Лотман., Избранные статьи в трех томах, Т. 1, Таллин : Александра, 1992. – 247 с.
92. Вундт, Г.В. Новые опыты о человеческом разуме [Текст] / Г.В.Лейбниц. – М. : Отдельное издание, 1936. – 484 с.
93. Выготский, Л.С. Психология искусства [Текст] / Л.С. Выготский., под ред. М.Г. Ярошевского. – М. : Педагогика, 1987. – 341 с.
94. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики [Текст] / А.А. Леонтьев. – М. : Смысл, 1997. – 318 с.
95. Леонтьев, А.А. Языкознание и психология [Текст] / А.А. Леонтьев. – М. : Наука, 1966. – 80 с.
96. Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) [Текст] / Под ред. В.Н. Ярцевой. – М. : Советская энциклопедия, – 1990. – 685 с.
97. Ломоносов, М.В. Краткое руководство к красноречию [Текст] / М.В. Ломоносов ПСС. – М. – Л. : Изд-во АН СССР, – 1952. – Т.7. – 966 с.
98. Лосев, А.Ф. Знак. Символ. Миф. Труды по языкознанию [Текст] / А.Ф. Лосев. – М. : Изд-во МГУ, – 1982. – 479 с.

99. Лурия, А. Р. Маленькая книжка о большой памяти (Умнемониста) [Текст] / А.Р. Лурия – М. : Издательство Московского университета, 1968. – 88 с.

100. Макарова Л.В. Семантика цветowych прилагательных в прозе И.А. Бунина [Текст] / Л.В. Макарова., Тула : Изд-во ТГПУ им. Л.Н. Толстого., 2014 – 205 с.

101. Макарова, Л.В. Взаимосвязь звукового и цветового значений в прозаическом тексте [Текст] // Филологические этюды: сб. науч.ст. молодых ученых, Вып.18, Саратов : Изд-во СГУ, 2015 – 471 с.

102. Марухина, С.А. Фоносемантические маркеры поэтического текста (на материале английского и французского языков): Дисс. ... кандид. филол. Наук: 10.02.19 [Текст] / С.А. Марухина. – Ярославль, 2014. – 181 с.

103. Матусевич, М.И. Современный русский язык. Фонетика. Учеб. Пособие / М.И. Матусевич – М. : Просвещение, 1976. – 288 с.

104. Матусова, Е.Д. КРАТИЛ [Текст]// Античная философия: Энциклопедический словарь. – М. : Прогресс-Традиция, 2008. – С. 432-433.

105. Международный интернет-проект ЛИК [Электронный ресурс]: Образовательный портал. – Режим удаленного доступа: <https://liconism.com/>

106. Михалёв, А.Б. Проблема звукоизобразительности во французской лингвистике [Текст] / А.Б. Михалёв // Вестник ПГЛУ, №1-2, Пятигорск, 1997. – С.25-31.

107. Михалёв, А.Б. Психолингвистическая проблематика фонестемы [Текст] / А.Б. Михалёв // Языковое бытие человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Материалы IV Международных Березинских чтений. Вып.14. М. : ИНИОН РАН, МГЛУ, 2008. – С.140-148.

108. Михалёв, А.Б. Фоносемантика: от античности до современности [Текст] // А.Б. Михалёв // Вестник ПГЛУ, №1, Пятигорск, 2012. – С.92-96.

109. Наумова, Н.А. Актуализация английской языковой картины мира с помощью звуко-символических средств (на материале английской поэзии):

Дисс. ... канд. філол. наук: 10.02.04 [Текст] / Н.А. Наумова. – Саранск, 2005. – 205 с.

110. Найдеш, О.В. Звукообразність мови: звуконаслідування, звуко символізм, синестезія [Текст] / Найдеш О.В. // Матеріали II Міжнародної наук.-практ. конф. [«Дні науки 2006»], (Дніпропетровськ, 17–28 квітня 2006 р.: тези допов.) / відп. ред. Біла К.О.– Т. 18: Філологічні науки. – Дніпропетровськ : Наука і освіта, 2006. – С. 30–32.

111. Научная библиотека диссертаций и авторефератов [Электронный ресурс]: режим удаленного доступа: <http://www.dissercat.com/>

112. Немов Р.С. Психология [Текст] / Р.С. Немов – М. : Просвещение, 2004. – 688 с.

113. Немченко, В. Н. Введение в языкознание: учебник для вузов / В. Н. Немченко. – М. : Дрофа, 2008. – 703 с.

114. Орлова, Е.В. О восприятии звуков [Текст] // Развитие фонетики современного русского языка. – М. : Наука, 1966. – С. 144-154.

115. Осипова, Л.Ф. Вопросы взаимосвязи звука и значения в отечественном языкознании [Текст] / Л.Ф. Осипова // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы: сборник статей Международной научно-практической конференции (30 апреля 2014 г, г. Уфа). – Уфа : Аэтерна, 2014. – С. 157-159.

116. Остгоф, Г., Бругман, К. Морфологические исследования в области индоевропейских языков: предисловие к книге [Текст]/ Звегинцев В.А. // История языкознания XIX-XX веков в очерках и извлечениях. Ч.1 – М. : Просвещение, – 1960. – С. 187-198.

117. Осгуд Ч., Суси Дж., Танненбаум П. Приложение методики семантического дифференциала к исследованиям по эстетике и смежным проблемам [Текст] // Семиотика и искусствоведение / Под ред Ю.М. Лотмана, В.М. Петрова – М. : Мир, 1972. – 364 с. (С. 355-359)

118. Онлайн-словари и энциклопедии [Электронный ресурс]: режим удаленного доступа: <http://did.academic.ru/>
119. Павлова И.Ю. Фоносемантические аспекты речевой деятельности: Дисс. ... кандид. филол. Наук: 10.02.04 [Текст] / И.Ю. Павлова. – Санкт-Петербург, 1999. – 393 с.
120. Павлюк, Н.А. Сопоставление фонетического и лексического значения [Текст] // Проблемы мотивированности языкового знака. – Калининград, 1976. – С. 66-73.
121. Панов, М.В. Русская фонетика [Текст] / М.В. Панов – М. : Просвещение, 1967. – 438 с.
122. Панов, М.В. Современный русский язык. Фонетика [Текст] / М.В. Панов – М. : Высшая школа, 1979. – 256 с.
123. Панов, М.В. Энциклопедический словарь юного филолога. Языкознание [Текст] / Сост. М.В. Панов. – М., 1984. – 351 с.
124. Петухова, Е.В. Звукоизобразительность в диахронии [Текст] // Голос культуры в иноязычном образовании. – Курск : Изд-во Курского госуд. ун-та, 2009. – С. 148-154.
125. Петухова, Е.В. О сохранении примарной фонетической мотивированности языкового знака в процессе морфологического словообразования и конверсии [Текст] // Language and Communication, Issue I // Сборник научных статей. – Изд-во «Umbrella», Ростов-на-Дону, 2001. – С. 67-70.
126. Петухова, Е.В. Эволюция проблемы 'звук и смысл' [Текст] // Методы и приемы работы с иноязычными текстами различных стилей и жанров // Сборник научно-методических статей. – Курск : Изд-во Курского госуд. ун-та, 2004. – С. 116-122.
127. Платон Собрание сочинений в 4 т. [Текст] : Т. I / Общ. ред. А.Ф. Лосева и др.; Авт. вступит, статьи А. Ф. Лосев; Примеч. А. А. Тахо-Годи; Пер. с древнегреч. – М.: Мысль, 1990. – 860 с.

128. Потебня, А.А. Мысль и язык: полное собрание сочинений [Текст] / А.А. Потебня. – М. : Лабиринт, 1999. – 300 с.
129. Проект ВААЛ-мини [Электронный ресурс]: образовательный портал. Режим доступа: <http://www.vaal.ru/> (дата обращения: 7.11.17).
130. Прокофьева, Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное [Текст] / Л.П. Прокофьева. – Саратов : Изд-во Саратовского Мед. Унив-та, 2007. 280с.
131. Рамачандран, В., Хаббард, Э. Звучащие краски и вкусные прикосновения [Текст] / Под. ред. А.Ю. Мостинской// В мире науки – М. : 2003. № 8. С. 47–53.
132. Реформатский, А.А. Введение в языковедение [Текст] / А.А. Реформатский. – М. : Аспект Пресс, 1996. – 518 с.
133. Романов, Д.А. Эмоционально-семантические параметры фонетической системы современного русского языка: Дисс. ... кандид. филол. Наук: 10.02.01 [Текст] / Д.А. Романов. – Тула, 1998. – 235 с.
134. Русский композитор А.Н. Скрябин: биография, семья, творчество, память [Текст] // Nacion.ru [Электронный ресурс]: режим удаленного доступа: <https://nacion.ru/> (Дата обращения: 3.02.2022)
135. Санжаров, Л.Н. Неканоническая фонетика и проблемы фоносемантики: учеб. материалы по курсу «Теория языка» [Текст] / Л.Н. Санжаров – Тула : Тульский полиграфист, 1997. – 28 с.
136. Санжаров, Л.Н. Новая фонетика современного русского языка: учеб. материалы по курсу «Теория языка» [Текст] / Л.Н. Санжаров – Тула : Тульский полиграфист, 1997. – 96 с.
137. Санжаров, Л.Н. Современная фоносемантика: Истоки, проблемы, возможные решения. 2-е изд., допол. [Текст] / Л.Н. Санжаров – Тула : Тульский полиграфист, 2002. – 138 с.
138. Санжаров, Л.Н. Финьков, А.В. Язык, цвет, компьютер [Текст] // Информатика и образование. – 1990. – №4. – С.83-86.

139. Сайт интегрального человековедения [Электронный ресурс]: режим удаленного доступа: <http://aquarun.ru/>

140. Сепир, Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии: Пер. с англ. [Текст] / Общ. ред. и вступ. ст. А.Е. Кибрика. – М. : Издательская группа «Прогресс», «Универс», 1993. – 656 с.

141. Сепир Э. Об одном исследовании в области фонетического символизма [Текст] // Сепир Э. Избранные труды по языкознанию и культурологии. Пер. с англ. / Общ. Ред. И вступ. Ст. А.Е. Кибрика. – М. : Прогресс, 1994. – 656 с. (С. 323-335).

142. Сидоров-Дорсо, А.В. Синестезия: мнения и перспективы [Текст] / Под ред. А.В. Сидоров-Дорсо – М.: Московский государственный психолого-педагогический университет, 2019. – [Электронный ресурс]: режим удаленного доступа: <https://psyjournals.ru/synesthesia/>

143. Скаличка, В. Исследование венгерских звукоподражательных выражений [Текст] // Пражский лингвистический кружок. Сборник статей – М. : Прогресс, 1967. – 149 с.

144. Слюсарева, Н.А. Теория Ф. де Соссюра в свете современной лингвистики [Текст] / Н.А. Слюсарева – М. : Наука, 1975 – 111 с.

145. Соколов, П.П. Факты и теория цветного слуха [Текст] / Под ред. Проф. Н.Я. Грота // Вопросы философии и психологии. – М. : Типолитография Тв-ва И.Н. Кушекрев и Ко, – 1897. – №37. – С. 252-275.

146. Соловьев, С.М. Изобразительные средства в творчестве Ф. М. Достоевского. Очерки [Текст] / С.М. Соловьев., М. : Советский писатель, 1979 – 352 с.

147. Соссюр, Ф. Заметки по общей лингвистике [Текст] / Ф. де Соссюр – М. : Прогресс, 2001. – 280 с.

148. Соссюр, Ф. Курс общей лингвистики [Текст] / Редакция Ш. Балли и А. Сеше; Пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре; Примечания / Пер. с франц.

С. В. Чистяковой. Под общ. рея. М. Э. Рут. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. – 432 с.

149. Спиркин, А.Г. Происхождение языка и его роль в формировании мышления [Текст] / Под ред. Д.П. Горского // Мышление и язык. – М. : Изд-во Политической литературы, 1957. – 80 с.

150. Старцева Н.М. Экспрессивно-стилистические возможности фонетической системы современного русского языка: Дисс. ... кандид. филол. Наук: 10.02.19 [Текст] / Н.М. Старцева. – Ростов-на-Дону, 1999. – 187 с.

151. Степанова, С.В. Характер проявления фоносемантических особенностей звуков в различных стилях речи: Дисс. ... кандид. филол. Наук: 10.02.01 [Текст] / С.В. Степанова. – Тула, 1998. – 211 с.

152. Суран, Т. Цветовая палитра и функции цветообозначений в творчестве Н.В. Гоголя и М.А. Булгакова [Текст] // Научный вестник Ужгородского университета, 2017. – № 1 (37). – С. 29-33

153. Тронский, И.М. Общеиндоевропейское языковое состояние. (Вопросы реконструкции) [Текст] / И.М. Тронский – Л. : Наука, 1967. – 103 с.

154. Финкель, И.Л. Синтез формы и цвета в творчестве А.С. Пушкина [Текст] / И.Л. Финкель – Л. : Изд. «Просвещение» 1968. – С.4.

155. Фортунатов, Ф.Ф. Сравнительное языковедение (общий курс) [Текст] / Ф.Ф. Фортунатов – М. : Красанд, 2010. – 256 с.

156. Харченко, В.К. Словарь цвета: Концепция, новые материалы, полная электронная версия [Текст] // В.К. Харченко – М. : Литинститут, 2013. – 208 с.

157. Хюпе, Дж. М., Дожат, М. Критический обзор литературы по нейровизуализации по синестезии [Текст] // Естественная лаборатория медицины, 2015. [Электронный ресурс] – режим удаленного доступа: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/>

158. Центр дополнительного образования [Электронный ресурс]: Образовательный портал. – Режим удаленного доступа: <http://elitarium.ru/>

159. Четыре аспекта фонетических описаний: артикуляционный, акустический, перцептивный, функциональный [Электронный ресурс] // Myfilology.ru – Образовательный портал. – Режим удаленного доступа: <https://myfilology.ru/> (дата обращения: 5.04.2020)

160. Чугаева, Т.Н. Звуковой строй языка в перцептивном аспекте (экспериментальное исследование на материале английского языка): авторефер. дисс.. доктор. филол. Наук: 10.02.19 [Текст] / Т.Н. Чугаева. – СПб. – 2009. – 15 с.

161. Чукарькова, О.В. Основные тенденции расширения интегративности фоносемантики как науки на современном этапе [Текст] // Теория и практика общественного развития, 2011. – [Электронный ресурс]: Режим удаленного доступа: <https://cyberleninka.ru>

162. Шадрина, И.Н. Фоносемантическая доминанта текста как структурообразующий компонент текста перевода: Экспериментальное исследование на материале русского и английского языков: Дисс. ... кандидат. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / И.Н. Шадрина. – Горно-Алтайск, 2001. – 164 с.

163. Шляхова, С.С. Фоносемантические маргиналии в русской речи: Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук: 10.02.01 [Текст] / С.С.Шляхова. – Пермь, 2006. – 41 с.

164. Шляхова, С.С. «Другой» язык: Опыт маргинальной лингвистики [Текст] / С. С.Шляхова. – Пермь : Перм. гос. техн. ун-т, 2005. – 346 с.

165. Шаумян, С.К. Язык как семиотическая система [Текст]// Теоретические проблемы современного советского языкознания. – М., 1964. – С. 47–55.

166. Шмелев, А. Г. Психодиагностика личностных черт [Текст] / А.Г. Шмелев – СПб. : Речь, 2002. – 480 с.

167. Шелестюк, Е. В. Семантический дифференциал как способ выявления внушающего воздействия текстов [Текст] // Языковое бытие

человека и этноса: когнитивный и психолингвистический аспекты. Вып. 15. – М., 2009. С. 329–333.

168. Шкловский, В. О поэзии и заумном языке [Текст] // Поэтика. Сборники по теории поэтического языка. Вып.2. – Пг. : Гос. Тип. Лештуков, 1919. – С.13–26.

169. Шлегель, К.В.Ф. Философия языка и слова. Люцинда. Сочинения [Текст] / К.В.Ф. Шлегель, Сочинения, Т.2. – М. : Quadrivium, 2018.

170. Шулепова, О.Л. Фоносемантический профиль слов и прозаических тестов: Автореферат дисс. ... кандид. филол. наук: 10.02.19 [Текст] / О.Л. Шулепова. – Саратов, 1991. – 21 с.

171. Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т.3. [Текст] / под. ред. И.Е. Андреевского – Петербург : АИО «Ф.А. Брокгауз и И.А. Ефрон», 1891. – 799 с.

172. Якобсон, Р.О. В поисках сущности языка [Текст] / Р.О. Якобсон // Семиотика. – М. : Радуга, 1983. – С.102-117.

173. Якобсон, Р.О. Звук и значение [Текст] / Р.О. Якобсон // Избранные работы. – М. : Прогресс, 1985. – 460 с. (С. 30– 91).

174. Якобсон, Р.О. Лингвистика и поэтика [Текст] / Р.О. Якобсон и К. Леви-Стросс // Структурализм: «за» и «против». – М. : Прогресс, 1975. – 469 с. (С.193-230).

175. Baron-Cohen, S. Is there a normal phase of synaesthesia in development? [Текст] / PSYCHE, 1996.

176. Chastaing, M. L'opposition des consonnes «sordes» aux consonnes «sonners» a-t-elle une valeur symbolique? [Текст] / M. Chasting // Vie et Vangage. – 1964. – vol.147 – p.367 – 370.

177. Cortex, Volume 12 [Электронный ресурс]/ Образовательный журнал. – Режим удаленного доступа: <https://www.journals.elsevier.com/cortex>

178. Cytowic, Richard E. *Synesthesia: A Union of the Senses* (2nd edition) [Текст] / Richard E. Cytowic. – Cambridge, Massachusetts : MIT Press, 2018. – p. 387.
179. Day, S.A. Some Demographic and Socio-cultural Aspects of Synesthesia [Текст] / S/A/ Day in L. Robertson & N. Sagiv, ed., *Synesthesia: Perspectives from Cognitive Neuroscience*, Oxford : Oxford University Press, 2005. – p. 11-33
180. Fechner, Th. *Vorschule der Aesthetik* [Текст] / Leipzig : Breitkopf und Hartel, Mentalimagery, 1880. – p. 312-324.
181. Gage, J. *Colour and Culture. Practice and Meaning from Antiquity to Abstraction* [Текст] / J. Gage. – London : Thames & Hudson, 1993.
182. Galton, F. The visions of sane persons [Текст] // *Fortnightly Review*. – 1881. – T.29 – C. 729 – 740.
183. Heyes, Cecelia. Where Do Mirror Neurons Come From? [Текст] // *Neuroscience and Biobehavioral Reviews*. – *Cognitive Science* : University of Oxford, 7 Nov. 2009., Web. 30 Jan. 2015. – p. 576-579.
184. Jakobson, R. *Essais de linguistique Générale* [Текст] / R. Jakobson. – Paris: Ed. de Minuit, 1963. – 214 p.
185. Jewanski, Jörg; Day, Sean A.; Ward, Jamie A. *Colorful Albino: The First Documented Case of Synesthesia* [Текст] / Jewanski Jörg, Day Sean A.; Ward Jamie by Georg Tobias Ludwig Sachs in 1812 // *Journal of the History of the Neurosciences: Basic and Clinical Perspectives*. 18 (3): p. 293 – 303.
186. Locke, J. *An Essay Concerning Human Understanding, Book III* [Текст] / J. Locke, 2013. – RareBooksClub.com [Электронный ресурс]: режим удаленного доступа: <http://www.philotextes.info>
187. Mahling, F. Das Problem der 'audition colorée': Eine historische-Kritische Untersuchung [Текст] // *Archiv für die gesamte Psychologie*, 57, 1926. – p. 165-301.

188. Marks, L.E. On colored-hearing synesthesia: Cross-modal translations of sensory dimensions [Текст] // Psychological Bulletin. 82 (3) : 1975. – p. 303–331.
189. Nabokov, V. Speak, Memory: An Autobiography Revisited [Текст] / V. Nabokov. – New York : Putnam, 1966. – p. 316.
190. Newman, S. Futher Experiments in phonetic symbolism [Текст] / S.Newman // Amer J. of Psychology. – 1993. – N 45. – p. 53–75.
191. Naumer, M.J., van den Bosch J.J. Touching sounds: thalamocortical plasticity and the neural basis of multisensory integration [Текст] // J. Neurophysiol. : journal.,2009. – July (vol. 102, no. 1). – P. 7 – 8.
192. Sagiv, Noam; Robertson, Lynn C. Synesthesia: perspectives from cognitive neuro science [Текст] // Oxford : Oxford University Press, 2005. – 266 p.
193. Sanborn, F.B. The Writings of Henry David Thoreau [Текст] // Familiar Letters, Vol. IV, part II, 1970. – p. 150
194. Science Do sequence-space synaesthetes have better spatial imagery skills? Maybe not [Текст] / [Электронный ресурс]: Образовательный журнал. – Режим удаленного доступа: <https://www.science.org/>
195. Simner, Julia. Encyclopedia of Neuroscience [Текст]/ J. Simmer. - Springer Berlin Heidelberg, 2009. – p. 361-398.
196. Simner, J., Hubbard, E.M. Variants of synesthesia interact in cognitive tasks: Evidence for implicit associations and late connectivity in cross-talk theories [Текст] // Neuroscience – Amsterdam : Elsevier B.V., 2006. – 13 December (vol. 143, iss. 3). – P. 805 – 814.
197. Peacock, Kenneth. Instruments to Perform Color-Music: Two Centuries of Technological Experimentation [Текст] // Leonardo 21, No. 4, 1988. – p. 397-406.

ПРИЛОЖЕНИЕ А (справочное)

Анкета для реципиентов исследования на русском языке

Добрый день, дорогой друг!

Приветствует тебя аспирант ТГПУ им. Л.Н. Толстого факультета русской филологии и документоведения (специальность «Теория языка») Аристова Л.В. Перед тобой бланк участника фоносемантического звукоцветового анализа текстов русского писателя И.А. Бунина.

Укажи, пожалуйста, свой возраст, пол и национальность.

Прослушай тексты и соотнеси их с представленными в таблице цветами (см. далее), выбери цвет, наиболее подходящий, на твой взгляд, к каждому отрывку. Если затрудняешься выбрать один цвет из таблицы, укажи два или свой вариант.

1. _____

2. _____

3. _____

4. _____

5. _____

6. _____

7. _____

8. _____

При желании, можешь оставить небольшие комментарии к каждому прослушанному отрывку.

1. _____

2. _____

3. _____

4. _____

5. _____

6. _____

7. _____

8. _____

Благодарим за участие! Ты нам очень помог! Хорошего дня!

1. А – густо-красный	
2. Я – ярко-красный	
3. О – светло-желтый или белый	
4. Е – зеленый	
5. Ё – желто-зеленый	
6. Э – зеленоватый	
7. И – синий	
8. Й – синеватый	

9. У – темно-синий, сине-зеленый, лиловый		
10. Ю – голубоватый, сиреневый		
11. Ы – мрачный темно-коричневый или черный		

Анкета для реципиентов исследования на сербском языке

Добар дан уважени колега,

Поздрављам Вас као студент докторских студија ТГПУ универзитета „ЛАВ НИКОЛАЈЕВИЧ ТОЛСТОЈ“, факултет руске филологије и записа(специјалност ТЕОРИЈА ЈЕЗИКА). Пред вама је облик фоносемантичкој анализи звучне боје текстова руског писца И.А. Бунин.

Зовем се Људмила Аристова. Пред тобом је бланко упитник учесника

Уважени, молим Вас напишити свој узраст, пол и националност

Слушајте текстове и повежите их са бојама представљеним у табели (види доле), одаберите боју која по вашем мишљењу најбоље одговара сваком одломку. Ако вам је тешко да одаберете једну боју из табеле, наведите две или своју верзију.

1. _____

2. _____

3. _____

4. _____

5. _____

6. _____

7. _____

8. _____

Ако желите, можете оставити мале коментаре за сваки одломак који сте преслушали.

1. _____

2. _____

3. _____

4. _____

5. _____

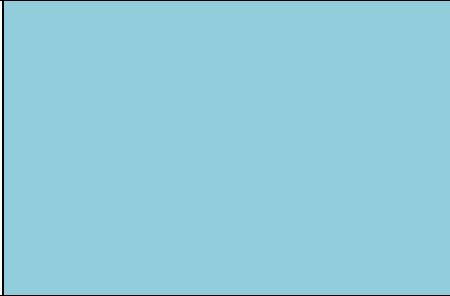
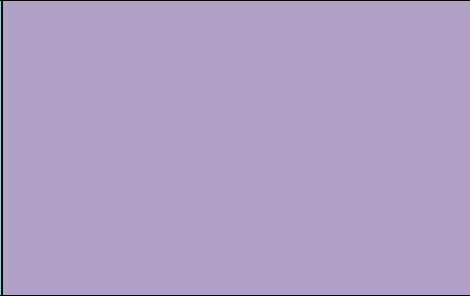

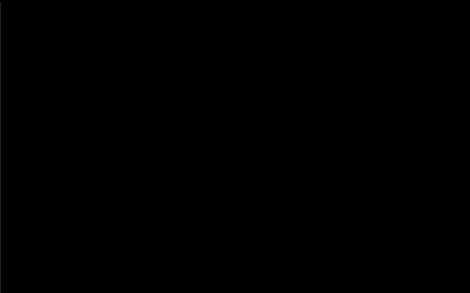
6. _____

7. _____

8. _____

Захваљујем се за учествовање ! Много сте нам помогли! Угодан дан !

<p>12. А – густо-красный Тамно црвена</p>	
<p>13. Я – ярко-красный Јарко црвена</p>	
<p>14. О – светло-желтый или белый Светложута или бела</p>	
<p>15. Е – зеленый Зелена</p>	
<p>16. Ё – желто-зеленый Жутозелена</p>	
<p>17. Э – зеленоватый светлозелена</p>	
<p>18. И – синий плава</p>	
<p>19. Й – синеватый светлоплава</p>	

<p>20. У – темно-синий, синезеленый, лиловый плава, плаво-зелена, лила</p>		
<p>21. Ю – голубоватый, сиреневый Голубије плаво, јоргован</p>		
<p>22. Ы – мрачный темно-коричневый или черный Тамно, тамно браон или црна</p>		

ПРИЛОЖЕНИЕ Б (справочное)

Следующие 8 текстов из рассказов и стихотворений И.А. Бунина соответствуют аудиозаписям, использованным в завершающем этапе эксперимента в иностранной аудитории.

1. *«Осыпаются астры в садах,
Стройный клён под окошком желтеет,
И холодный туман на полях
Целый день неподвижно белеет.
Ближний лес затихает, и в нём
Показались всюду просветы,
И красив он в уборе своём,
Золотистой листвою одетый.
Но под этой сквозною листвою
В этих чащах не слышно ни звука...
Осень веет тоской,
Осень веет разлукой!*

- Поброди же в последние дни
По аллее, давно молчаливой,
И с любовью и с грустью взгляни
На знакомые нивы.
В тишине деревенских ночей
И в молчанье осенней полночи
Вспомни песни, что пел соловей,
Вспомни летние ночи
И подумай, что годы идут,
Что с весной, как минует ненастье,
Нам они не вернут
Обманувшего счастья...» [Бунин 2018: 312].*

2. *«...И снилось мне, что мы, как в сказке,
Шли вдоль пустынных берегов
Над диким синим лукоморьем,
В глухом бору, среди песков.
Был летний светозарный полдень,
Был жаркий день, и озарен
Веет, лес был солнцем, и от солнца
Веселым блеском напоен.*

*Узорами ложились тени
На теплый розовый песок,
И сини небосклон над бором
Был чист и радостно-высок.*

Играл зеркальный отблеск моря

*В вершинах сосен, и текла
Вдоль по коре, сухой и жесткой,
Смола, прозрачнее стекла...*

*Мне снилось северное море,
Лесов пустынные края...
Мне снилась даль, мне снилась сказка –
Мне снилась молодость моя» [Бунин 2018: 346].*

3. *«Все лес и лес. А день темнеет;
Низы синеют, и трава
Седой росой в лугах белеет...
Проснулась серая сова.
На запад сосны вереницей
Идут, как рать сторожевых,
И солнце мутное Жар-Птицей
Горит в их дебрях вековых» [Интернет-библиотека Алексея Комарова, URL:
<http://www.ilibrary.ru>].*

4. *«Еще и холоден и сыр
Февральский воздух, но над садом
Уж смотрит небо ясным взглядом,
И молодеет божий мир.*

*Прозрачно-бледный, как весной,
Слезится снег недавней стужи,
А с неба на кусты и лужи
Ложится отблеск голубой.*

*Не налюбуюсь, как сквозят
Деревья в лоне небосклона,
И сладко слушать у балкона,
Как снегири в кустах звенят.*

*Нет, не пейзаж влечет меня,
Не краски жадный взор подметит,
А то, что в этих красках светит:
Любовь и радость бытия» [Бунин 2001: 258].*

5. *«Утром, когда я вышел в коридор, в нем было солнечно, душно, из уборных пахло мылом, одеколоном и всем, чем пахнет людный вагон утром. За мутными от пыли и нагретыми окнами шла ровная выжженная степь, видны были пыльные широкие дороги, арбы, влекомые волами, мелькали железнодорожные будки с канареечными кругами подсолнечников и альми мальвами в палисадниках... Дальше пошел безграничный простор нагих равнин с курганами и могильниками, нестерпимое сухое солнце, небо, подобное пыльной туче, потом призраки первых гор на горизонте...» [Бунин 2006: 143].*
6. *«...Все время дожди, кругом сосновые леса. То и дело в яркой синеве над ними скопляются белые облака, высоко перекачивается гром, потом начинает сыпать*

сквозь солнце блестящий дождь, быстро превращающийся от зноя в душистый сосновый пар... Все мокро, жирно, зеркально... В парке усадьбы деревья были так велики, что дачи, кое-где построенные в нем, казались под ними малы, как жилища под деревьями в тропических странах. Пруд стоял громадным черным зеркалом, наполовину затянут был зеленой ряской... Я жил на окраине парка, в лесу. Бревенчатая дача моя была не совсем достроена, – неконопаченные стены, неструганные полы, печи без заслонок, мебели почти никакой. И от постоянной сырости мои сапоги, валявшиеся под кроватью, обросли бархатом плесени...» [Там же: 238].

7. «Прошлую зиму Танька и даже Васька ложились спать поздно и могли спокойно наслаждаться сиденьем на "группке" печки хоть до полуночи. В избе стоял распаренный, густой воздух; на столе горела лампочка без стекла, и копоть темным, дрожащим фитилем достигала до самого потолка. Около стола сидел отец и шил полушубки; мать чинила рубахи или вязала варежки; наклоненное лицо ее было в это время кротко и ласково, тихим голосом пела она "старинные" песни, которые слыхала еще в девичестве, и Таньке часто хотелось от них плакать. В темной избе, завешанной снежными вьюгами, вспоминалась Марье ее молодость, вспоминались жаркие сенокосы и вечерние зори, когда шла она в девичьей толпе полевою дорогой с звонкими песнями, а за ржами опускалось солнце и золотую пылью сыпался сквозь колосья его догорающий отблеск. Песней говорила она дочери, что и у нее будут такие же зори, будет все, что проходит так скоро и надолго, надолго сменяется деревенским горем и заботою» [Интернет-библиотека Алексея Комарова, URL: <http://www.ilibrary.ru>].
8. «А Таньке снился сад, по которому она вечером ехала к дому. Сани тихо бежали в чащах, опушенных, как белым мехом, инеем. Сквозь них роились, трепетали и потухали огоньки, голубые, зеленые - звезды... Кругом стояли как будто белые хоромы, иней сыпался на лицо и щекотал щеки, как холодный пушок... Снился ей Васька, часовые рулады, слышалось, как мать не то плачет, не то поет в темной дымной избе старинные песни...» [Интернет-библиотека Алексея Комарова, URL: <http://www.ilibrary.ru>].